

ЖИЗНЬ ПО «ЛЕГЕНДЕ»

В.С. Антонов

ГРИФ СЕКРЕТНОСТИ СНЯТ

ДЕЛО № 13-024

ЖИЗНЬ ПО «ЛЕГЕНДЕ»

В.С. АНТОНОВ

890003	424244117	5804526	92213810
418892	721644272	5799276	51854711
661683	258925344	5875076	77095158
615732	287740822	5745962	28327747
603076	124584895	5751926	64535847
601268	520116516	5759566	35472574
640983	638532942	6182266	76537323
607540	570490276	6741654	04028381

(год)

ХРАНИТЬ

вечно

ЛЕТ

Annotation

Читателям предлагается сборник биографических очерков о замечательных людях — сотрудниках нелегального подразделения советской внешней разведки, самоотверженно выполнявших ответственные задания Родины далеко за ее пределами.

Книга основана на рассекреченных архивных материалах Службы внешней разведки России и Зала ее истории.

Автор книги — ветеран внешней разведки (полковник в отставке), журналист и писатель, лауреат Премии СВР России в области литературы и искусства, ряда других литературных премии и конкурсов. После окончания Краснознаменного института КГБ (ныне — Академия внешней разведки) он более сорока лет проработал в центральном и зарубежных аппаратах внешней разведки, а также в ее Пресс-бюро.

- [Владимир Антонов](#)
  - [«Без права на славу, во славу державы» \(Вместо предисловия\)](#)
  - [Глава 1. Резидент Базаров](#)
  - [Глава 2. Разведчик-нелегал Федор Карин](#)
  - [Глава 3. Доктор Линицкий](#)
  - [Глава 4. Сын Его Превосходительства](#)
  - [Глава 5. Семейная резидентура](#)
  - [Глава 6. Нелегал Ахмеров](#)
  - [Глава 7. Охотник за шифрами](#)
  - [Глава 8. Генерал особого назначения](#)
  - [Глава 9. Легенда Лубянки и трижды ее узник](#)
  - [Глава 10. Федор и «Марта»](#)
  - [Глава 11. Герои России родом из США](#)
  - [Глава 12. Полковник Африка](#)
  - [Глава 13. Как Вильям Фишер стал Рудольфом Абелем](#)
  - [Глава 14. Король нелегалов](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)

- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)

Владимир Антонов
Жизнь по «легенде»

«Без права на славу, во славу державы» (Вместо предисловия)

В декабре 1920 года в ВЧК был создан Иностранный отдел, превратившийся со временем в один из эффективных разведывательных органов государства. И если сегодня Служба внешней разведки России по праву входит в число лучших разведок мира, то в этом, без сомнения, есть заслуга и первых поколений советских разведчиков и ее нелегалов.

В 60-е годы XX столетия у многих на слуху было имя знаменитого советского разведчика-нелегала Рудольфа Ивановича Абеля (Вильяма Генриховича Фишера), который с честью вышел из всех испытаний, выпавших на его долю в США, где он оказался жертвой предательства.

Появившийся на экранах в начале 1970-х годов герой телесериала «Семнадцать мгновений весны» полковник Исаев, он же штандартенфюрер СС Штирлиц, на долгие годы стал кумиром молодежи не только бывшего Советского Союза, но и других стран, где демонстрировался этот фильм. В дни показа сериала по советскому Центральному телевидению московские улицы становились пустынными, и милиция с удивлением фиксировала резкое снижение правонарушений не только в столице, но и в других городах нашей необъятной страны. Мальчишки на улицах играли в «Штирлица» и «Мюллера», что свидетельствовало об огромной популярности полюбившихся героев фильма, о неподдельном интересе широких масс к подвигам разведчиков-нелегалов.

Известный российский писатель Теодор Гладков в своей книге «Король нелегалов», посвященной выдающемуся советскому разведчику-нелегалу Александру Короткову, по этому поводу пишет: «Примечательно, что если спросить десять случайных прохожих на улице, каким они представляют разведчика, девять назовут в качестве примера именно нелегала. Из реально существовавших — Конона Молодого (Лонсдейла), Вильяма Фишера (Абеля), Николая Кузнецова (обер-лейтенанта Зиберта). Назовут и вымышленных персонажей, героев популярных кинофильмов: майора Федотова («Подвиг разведчика»), полковника Ладейникова («Мертвый сезон»), полковника Исаева («Семнадцать мгновений весны»).

И это не случайно, а закономерно. Поскольку именно в нелегале в наибольшей степени концентрируются все общие и специфические черты, свойственные профессии разведчика».

Так что же такое нелегальная разведка, зачем она нужна и чем отличается от «легальной»?

Известно, что положение разведчика-нелегала за рубежом коренным образом отличается от статуса сотрудника «легальной» резидентуры. Последний, будучи гражданином своей страны, снабжен подлинными документами, удостоверяющими его личность, и работает под прикрытием ее официальных учреждений: дипломатических, торговых, культурных представительств, информационных агентств, частных фирм, а порой и международных организаций, в которых он представляет свою страну.

Что же касается сотрудника нелегальной резидентуры, то он находится за рубежом с паспортом иностранного гражданина, никак не связан с официальными представительствами своей страны и даже не посещает их, чтобы не вызвать к себе внимания со стороны местных спецслужб и не расшифровать себя.

«Разведчик-нелегал перед местной властью фактически беззащитен, — отмечает Теодор Гладков. — В стране с жестким политическим режимом его могут тайно арестовать, подвергнуть допросу «третьей степени», а то и ликвидировать без какой-либо огласки.

Даже зная о его аресте, посольство родной страны не может официально ему ничем помочь (разве что через надежного посредника нанять хорошего адвоката). В случае осуждения за шпионаж нелегалу остается только уповать на то, что ему помогут организовать побег (а это всегда проблематично), либо надеяться, что через несколько лет его обменяют на захваченного с поличным разведчика того государства, чьим строго охраняемым «гостем» он пока является».

Уместно заметить, что далеко не все страны, ведущие разведку, используют разведчиков-нелегалов. К их услугам в разные времена прибегали Англия, Германия, Япония, Китай и Израиль. Разумеется, работа разведчика-нелегала связана с большим риском, поэтому этот контингент сотрудников спецслужб обычно используют страны, уверенные в своих силах.

Англичане, накопившие огромный опыт ведения стратегической разведки, были, как всегда, пионерами в этом деле. Чего стоит, например, знаменитый британский разведчик-нелегал Лоуренс Аравийский, выдававший себя за араба. Правда, несмотря на блестящее знание арабского языка, он все же провалился.

Вот что пишет о работе разведчиков-нелегалов в своей книге «Моя шпионская жизнь» известный британский разведчик Джордж Хилл, представлявший в годы Великой Отечественной войны британскую

разведывательную службу Сикрет интеллидженс сервис в Москве и лично знавший Лоуренса:

«Жизнь разведчика — в его руках. Его существование — это чередование случаев, счастливых или несчастливых. Разведчики на службе у Ее Величества выполняли свою опасную задачу из любви к приключениям. Английские разведчики, переодевшись под афганцев, проскальзывали через Киберский перевал. Одетые в рубища местных торговцев, они бродили по восточным базарам, добывая нужную им информацию.

Однако белому человеку, даже продолжительное время проведенному в чужеродной среде, трудно выдавать себя за местного гражданина из-за шероховатостей в произношении, незнания привычек, образа мышления других народов, поэтому секретные агенты постоянно нуждаются в помощи местных жителей».

Конечно, сегодня вы не встретите разведчиков-нелегалов, «одетых в рубища». Такое их использование было возможно только в те времена, когда Великобритания прибегала к колониальной экспансии, алчно захватывая «на всякий случай» одну страну за другой, укрепляя могущество Соединенного Королевства, в котором «никогда не заходит солнце». Но и в наши дни работа разведчиков-нелегалов, как поется в одной из популярных песен, «и опасна и трудна». Тем не менее, несмотря на большой риск, которому подвергаются разведчики-нелегалы, получаемая от них информация носит исключительно важный характер и зачастую не может быть добыта иным путем.

Известно, что накануне Русско-японской войны 1904–1905 годов Япония буквально наводнила российский Дальний Восток и Маньчжурию, включая Порт-Артур и Дальний, своими кадровыми разведчиками, которые выдавали себя за китайцев, корейцев, маньчжуров, а на самом деле являлись офицерами императорской армии.

Токио активно использовал японских граждан для ведения разведки против России. Они служили поварами, прачками, няньками, работали торговцами, фотографами, комиссионерами и одновременно являлись либо кадровыми разведчиками, либо агентами японской разведки.

Не секрет, что царская Россия нелегальной разведки не имела, а вся разведывательная работа по Японии строилась с «легальных» позиций и велась крайне слабо. Это явилось одной из причин поражения России в войне.

Провалы и недостатки в работе русской разведки были учтены только после Октябрьской революции, когда под руководством Дзержинского в

ВЧК был создан Иностранный отдел, превратившийся со временем в один из эффективных разведывательных органов государства. И сегодня Служба внешней разведки России по праву входит в число лучших разведок мира.

На начальном этапе деятельности Иностранного отдела ВЧК работа молодой советской разведки строилась исключительно с «легальных» позиций. Вместе с тем Советская Россия в тот период имела дипломатические отношения с минимальным количеством зарубежных стран, к тому же враждебно настроенных к ней. Поэтому «легальные» резидентуры ИНО были не в состоянии решать все стоящие перед ними задачи. Следует также иметь в виду, что белогвардейская вооруженная эмиграция вынашивала планы организации совместно со странами Антанты нового «крестового похода» против Республики Советов. В этой связи политическое руководство страны крайне нуждалось в достоверной информации относительно деятельности белой эмиграции.

Выявлять истинные планы и намерения правящих кругов тех стран, с которыми не поддерживались дипломатические отношения, можно было только сочетая «легальные» и нелегальные методы работы. Поэтому 28 июня 1922 года по предложению Дзержинского Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании нелегальной разведки.

Стоит, однако, отметить, что в ту пору деление разведки на «легальную» и нелегальную было довольно условным. Сотрудники «легальной» резидентуры после окончания служебной командировки за рубежом могли направляться за кордон по линии нелегальной разведки и наоборот. Об этом, в частности, свидетельствуют оперативные биографии знаменитых разведчиков Федора Карина, супругов Василия и Елизаветы Зарубиных, Александра Короткова, возглавлявшего в конце 1950-х годов нелегальную разведку, и других.

Почему нужны нелегалы в разведке?

На этот вопрос отвечает в своих воспоминаниях «Разведка: лица и личности» бывший первый заместитель начальника внешней разведки, в течение ряда лет возглавлявший ее нелегальные подразделения, генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко:

«Прежде всего потому, что за официальными российскими представителями всегда может следовать «хвост», видимый или совершенно невидимый (с учетом развития технических средств), а за нелегалом, если он сам не совершит какой-либо ошибки, не ведется наблюдение. Географическое пространство для граждан России за рубежом ограничено всевозможными зонами, а разведчик-нелегал может передвигаться свободно. С рядом государств наша страна не имеет

дипломатических отношений, а по делам разведки там иногда необходимо бывать».

Следует отметить, что деятельность разведчиков-нелегалов всегда была окружена плотной завесой секретности. Это, разумеется, не случайно, ибо нелегальная разведка — это святая святых всей разведывательной деятельности, и на работу в нес подбирают людей, обладающих особыми качествами. Подготовить настоящего разведчика-нелегала, снабдить его надежными документами и вывести за рубеж для выполнения специальных задач является делом исключительно трудным.

Что же это за люди — разведчики-нелегалы?

За ответом на этот вопрос обратимся вновь к Вадиму Кирпиченко:

«Кандидатов мы ищем и находим сами, перебирая сотни и сотни людей. Работа, действительно, штучная. Чтобы стать нелегалом, человек должен обладать многими качествами: смелостью, целеустремленностью, сильной волей, способностью быстро прогнозировать различные ситуации, устойчивостью к стрессам, отличными способностями к овладению иностранными языками, хорошей адаптацией к совершенно новым условиям жизни, знаниями одной или нескольких профессий, дающих возможность зарабатывать на жизнь.

Если, наконец, найден человек, у которого все перечисленные качества в той или иной мере есть, это вовсе не означает, что из него получится разведчик-нелегал. Необходимы еще какие-то свойства натуры, неуловимые и трудно передаваемые словами, особый артистизм, легкость перевоплощения и даже некоторая, хорошо контролируемая склонность к приключениям, какой-то разумный авантюризм. Часто сравнивают перевоплощение нелегала в другого человека с игрой актера. Но одно дело — перевоплощение на вечер или на театральный сезон и совсем другое — превращаться в другого, некогда жившего или специально сконструированного человека, мыслить и видеть сны на чужом языке и не позволять думать о самом себе в реальном измерении».

Другой видный советский разведчик, генерал-майор Юрий Дроздов, в течение двенадцати лет руководивший нелегальной разведкой и принимавший непосредственное участие в разработке и осуществлении операции по обмену Вильяма Фишера (Рудольфа Абеля), по этому же поводу свидетельствует:

«Нелегал — это особый разведчик, отличающийся от обычного тем, что обладает более высокими личными качествами, специальной подготовкой, которые позволяют ему выступать и действовать как местному жителю той страны, где он находится.

Разведчиком-нелегалом может стать далеко не каждый. Профессия требует от кандидата высокого уровня развития интеллекта (мышления, памяти, интуиции), развитой воли, способности к овладению иностранными языками, эмоциональной устойчивости, позволяющей сохранять интеллектуальный потенциал в стрессовых ситуациях и переносить без ущерба для здоровья постоянное психическое напряжение.

Это самые общие требования, но легко понять, что найти людей с таким сочетанием качеств нелегко и что нелегальная разведка — удел специально подобранных людей.

Подготовка разведчика-нелегала очень трудоемка и занимает несколько лет. Она направлена на то, чтобы на базе имеющихся личных качеств сотрудника сформировать профессиональные навыки и умения. Безусловно, она включает в себя овладение иностранными языками, подготовку разведчика в психологическом плане, которая, в частности, позволяет ему выступать в амплуа представителя той или иной национальности, носителя тех или иных национально-культурных особенностей. Разумеется, это и оперативная подготовка, которая включает в себя формирование навыков получения и анализа разведывательной информации, поддержания связи с Центром и иные аспекты. Разведчик-нелегал — это человек, способный добывать разведывательную информацию, в том числе и аналитическим путем».

А уже упоминавшийся британский разведчик Дж. Хилл так оценивает качества, которыми должен обладать нелегал:

«Наилучший вид разведчика — это разведчик-патриот в самом высоком значении этого слова. Это человек, который во имя любви к свободе своей страны ведет жизнь, полную риска и жертв, зная, что если он будет схвачен, то его ожидает малоприятный конец.

Разведчик должен разбираться в языке, обычаях, правах и образе мышления людей, среди которых он найдет поле своей деятельности, обладать одаренным умом и ловкостью, быть способным мгновенно делать выводы и принимать немедленное решение, быть изворотливым, чтобы спасти голову от петли, быть предельно тактичным, терпеливым и бдительным. Его память должна быть натренирована таким образом, чтобы легко распознать предателей не только по одной их внешности и уметь запоминать дословное содержание документов.

Кроме этого разведчик-патриот должен обладать организационным гением... Чтобы выполнить задание, разведчику нужно отладить тысячу и одну деталь. Не так просто держать в уме основные информационные сообщения или подбирать места встреч с агентами. Так, девять из десяти

агентов разведки засвечиваются в результате того, что избирают неверный метод организации связи».

Один из асов советской нелегальной разведки Вильям Фишер, более известный широкой общественности как «полковник Рудольф Абель», в одном из интервью подчеркивал:

«Условия работы и обстановка в капиталистических странах обязывают разведчика постоянно быть бдительным, тщательно соблюдать правила конспирации. Преданность своей Родине, честность и дисциплинированность, самоотверженность, находчивость, умение преодолевать трудности и лишения, скромность в быту — таков далеко не полный перечень требований к деловым и личным качествам разведчика.

Разведка — это не приключенчество, не какое-либо трюкачество, не увеселительные поездки за границу, а прежде всего кропотливый и тяжелый труд, требующий больших усилий, напряжения, упорства и выдержки, воли, серьезных знаний и большого мастерства. Помните, как говорил Дзержинский? «Чистые руки, холодная голова и горячее сердце...» В этих скупых, но точных словах заложен исключительно глубокий смысл. Они, если хотите, являются своего рода компасом для разведчика, помогают находить силы и мужество в любой обстановке. В этом я убедился на своем собственном опыте во время последней командировки в США, когда в результате предательства мне пришлось лицом к лицу встретиться с американской контрразведкой».

Асу разведки вторит другой выдающийся советский разведчик-нелегал Герой Советского Союза Геворк Вартамян:

«В разведку меня привлекла не перспектива стать популярным и известным, а возможность приложить свои силы и способности на одном из жизненно важных для страны направлений. Я очень люблю свою работу, и пусть меня простят представители других профессий, но я считаю, что Разведка (именно с большой буквы) — это не только романтика, но и, прежде всего, один из самых эффективных путей защиты Отечества. Это работа для подлинных патриотов, людей убежденных и самоотверженных. В такую работу нельзя не влюбиться».

Следует особо подчеркнуть, что ставшие широко известными по тем или иным обстоятельствам сотрудники нелегального подразделения внешней разведки разных периодов не только вполне соответствовали высоким критериям, предъявляемым к разведчикам-нелегалам, но и обладали исключительными человеческими качествами, были, как говорится, настоящими людьми. Именно они составляли и составляют «золотой фонд» нашей внешней разведки.

Мы не случайно вынесли в заголовок этого очерка девиз нелегальной разведки — «Без права на славу, во славу Державы», ибо разведчики-нелегалы о славе не помышляют, а о конкретном содержании своей деятельности не рассказывают даже в кругу друзей и товарищей по работе. Их имена, как правило, неизвестны посторонним и держатся в секрете даже внутри самой разведки. И только если разведчик-нелегал провалился, скажем, в результате предательства, о нем узнает широкая общественность. Однако и в этом случае контрразведке противника не всегда удастся до конца выяснить содержание его работы, вскрыть все его связи.

Даже в закрытой для посторонних Службе внешней разведки существуют сроки давности. Но их нет в нелегальной разведке, формы и методы работы которой должны сохраняться в глубокой тайне всегда. Виртуоз-профессионал, не допустивший ни одного провала и избежавший предательства, обречен на публичное небытие. А потому высшим критерием, мерилom его труда и таланта становится лишь оценка коллег.

Разведчики-нелегалы работают не ради славы и почета. Они, как правило, не достигают высоких должностей во внешней разведке, хотя за рубежом порой занимают видное положение.

Теодор Гладков по этому поводу пишет:

«Нелегалы с большим стажем (а некоторые из них работали за рубежом десятки лет кряду) возвращались на Родину уже пожилыми людьми, выслужившими все мыслимые и немыслимые сроки для выхода на пенсию. В силу длительного отрыва от административной работы в центральном аппарате разведки, отсутствия советских организаторских навыков их было трудно использовать на каких-либо руководящих должностях. Тем более что за время их отсутствия в том же Центре сменялось одно, а то и два поколения сотрудников. Иной нелегал, вернувшись в Центр, не находил там ни одного знакомого лица. Одни давние сослуживцы вышли на пенсию, другие переселились в мир иной...

Как правило, ветеранов-нелегалов успешно использовали в качестве преподавателей спецдисциплин, консультантов, экспертов».

В заключение этого очерка нам бы хотелось привести слова еще одного выдающегося советского разведчика-нелегала — Иосифа Григулевича:

«Наша далеко не легкая, но еще настолько жизненно нужная и важная профессия требует отдачи всех сил, упорства, целеустремленности, собранности и глубоких знаний во многих областях человеческой деятельности. Разведчик должен любить своих товарищей, свой народ, дело, которому он служит, больше, чем самого себя, свою собственную

персону, иными словами, чтобы свое личное счастье он видел в служении людям».

Нынешнее поколение сотрудников Службы внешней разведки не только отдаст дань уважения тем разведчикам-нелегалам, кто ушел из жизни и кто составлял ее «золотой фонд», но и гордится теми солдатами невидимого фронта, кто и сегодня вдали от Родины защищает ее интересы «без права на славу, во славу Державы».

Глава 1. Резидент Базаров

После октября 1917 года часть офицеров и генералов старой армии перешла на сторону советской власти. Они помогли ей заново сформировать армию и флот, придать их действиям эффективный характер и одержать первые победы. Некоторые патриотически настроенные бывшие кадровые военные и царские профессиональные разведчики были приняты на работу в зарождавшиеся тогда органы внешней разведки. Поставив на службу новой власти свои незаурядные знания, они способствовали разоблачению заговоров, раскрытию замыслов тех, кто пытался вести тайную борьбу против молодого советского государства.

Среди людей, внесших значительный вклад в обеспечение безопасности нашего Отечества и оставивших заметный след в истории внешней разведки, достойное место занимает представитель когорты первого поколения советских разведчиков поручик Базаров — один из самых успешных нелегальных резидентов Лубянки.

Борис Яковлевич Базаров (оперативные псевдонимы: «Кин», «да Винчи», «Норд») родился 27 мая 1893 года в местечке Цитовяны Россиенского уезда Ковенской губернии. Отец был мелким служащим почтово-телеграфного ведомства. Мать — дочь псаломщика, не работала, занималась домашним хозяйством.

До 10-летнего возраста Борис жил в местечках Ковенской губернии по месту службы отца. Окончил Лукникское трехгодичное народное училище. После переезда семьи в город Вильно — Виленское реальное училище.

Родители стремились дать своему сыну приличное образование. В 1911 году, после окончания Виленского реального училища, Борис поступил в военное училище города Вильно, в котором успешно учился до 1914 года. Позже во всех анкетах на вопрос «основная специальность» Базаров будет отвечать: военная.

12 июля 1914 года молодой офицер прямо с выпускного бала был направлен на германский фронт. Служил в звании подпоручика командиром взвода в 105-м пехотном полку. Уже в конце 1914 года он получил чин поручика и стал ротным командиром. За проявленную отвагу в боях был награжден. Однако в начале

1916 года оказался в немецком плену.

После трех лет пребывания на чужбине и благодаря ноябрьской революции 1918 года в Германии Базаров был освобожден из плена и

отправлен водным путем на юг России, в Крым.

Возвратившись на родину, недавний пленник вначале остановился в Ростове-на-Дону, а затем переехал на жительство в Екатеринодар, где поступил на работу в местную типографию. Там же он познакомился со своей будущей женой — молодой и красивой вдовой с малолетним ребенком на руках.

В январе 1919 года Базаров был мобилизован белогвардейскими властями. Служил младшим офицером в штабе одной из частей деникинской армии, а затем в Русской армии генерала Врангеля.

После того, как в ходе Перекопско-Чонгарской операции дивизии красных 17 ноября 1920 года полностью овладели Крымом, остатки врангелевских войск под прикрытием французской эскадры эвакуировались в Турцию. Так Базаров оказался сначала в Константинополе, а потом — в Берлине.

В архивах Службы внешней разведки России, к сожалению, не удалось обнаружить точных сведений о том, как Базаров пришел в советскую внешнюю разведку. На этот счет существуют две версии. По одной из них, находясь в начале 1921 года в Берлине и окончательно разочаровавшись в «белой идее», он добровольно предложил свои услуги сотрудникам берлинской резидентуры. По второй версии, Базаров именно по заданию ВЧК стал служить в белой армии и после ее поражения вместе с ней ушел за границу.

Так или иначе, но доподлинно известно, что в марте 1921 года Борис Базаров уже являлся кадровым сотрудником Иностранного отдела ВЧК, вначале оперативным работником, а затем — руководителем нелегальной резидентуры в Болгарии, в круг интересов которой входили также Румыния и Югославия. Это был незаурядный молодой человек, который свободно владел немецким, болгарским, французским и сербскохорватским языками, прилично говорил по-английски.

В период репатриации бывших военнослужащих русской армии на Родину, начавшейся в 1921 году, Базаров провел ряд важнейших оперативных мероприятий, способствовавших возвращению в Россию патриотически настроенных солдат и офицеров. Разведчик и сам стремился домой, к своей суженой. Однако по решению Центра он был оставлен за рубежом для развертывания нелегальной работы на Балканах. Одновременно Центр способствовал приезду к Базарову из России его невесты, которая вскоре стала надежным помощником разведчика.

Первой оперативной командировке Базарова суждено было продлиться до 1924 года. В служебной характеристике на нелегального резидента,

относящейся к тому периоду, в частности, отмечалось: ^[1] «С марта 1921 года по 1924 год тов. Базаров пробыл на подпольной работе на Балканах (Болгария, Югославия), где в условиях крайне тяжелых, в условиях жесточайшего террора сумел создать и организовать работу группы источников, освещавших самые разнообразные политические и оперативные вопросы по Балканам».

С 1924 по 1927 год Базаров работал сотрудником полпредства СССР в Вене и под прикрытием этого учреждения в качестве резидента руководил австрийской группой агентов-нелегалов, действовавших в Болгарии, Югославии и Румынии. Одновременно поддерживал связь с лидерами македонского и албанского национально-революционных движений на Балканах, снабжая их оружием и материальными средствами. По заданию Центра «провел ряд особо ценных оперативных мероприятий».

В 1927 году Борис Яковлевич получил разрешение вернуться на Родину. Находясь в Москве, он в должности особоуполномоченного ИНО ОГПУ руководил Балканским сектором внешней разведки. Его отличало исключительно глубокое знание политических и экономических проблем стран этого региона. В июле 1927 года Базаров стал членом ВКП(б). А пять месяцев спустя, отмечая десятилетие создания органов государственной безопасности, Коллегия ОГПУ наградила Базарова почетным именовым оружием. На врученном ему браунинге было выгравировано: «За преданность делу пролетарской революции».

В середине 1928 года Борис Яковлевич уволился из ОГПУ по состоянию здоровья и стал работать в аппарате Высшего совета народного хозяйства СССР. Однако его оперативный и разведывательный опыт вскоре вновь понадобился Иностранному отделу. Уже в том же году Базаров возвращается в ОГПУ и вновь направляется на нелегальную работу, на этот раз — в Германию. С позиций Берлина ему предстояло руководить нелегальными резидентурами в Англии и во Франции, а также балканской линией внешней разведки.

Наша справка

В мае 1927 года консервативное правительство Великобритании разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом, что привело к ликвидации лондонской резидентуры ИНО ОГПУ, действовавшей под прикрытием диппредставительства СССР. Это обстоятельство вынудило руководство советской внешней разведки искать иные пути проникновения в интересующие ее английские учреждения, в частности, с позиций континентальных европейских стран.

Одновременно перед руководством ИНО ОГПУ со всей актуальностью

встал вопрос: как организовать разведывательную работу по конкретным странам, чтобы она не зависела от наличия или отсутствия межгосударственных отношений? И выход был найден — перевести деятельность разведки преимущественно на нелегальную основу. Исходя из этого вывода, подкрепленного в дальнейшем решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года, начался активный период работы советской внешней разведки с нелегальных позиций.

В конце 1920-х годов Германия с учетом ее центрального положения в Европе, относительно либерального режима и широких международных связей превратилась в основную оперативную базу советской внешней разведки, в частности, в работе по Англии. В эти годы с территории Германии были задействованы сразу несколько нелегальных резидентур. Одной из них и руководил резидент «Кин» — Борис Базаров.

* * *

Возглавляемая Базаровым нелегальная резидентура, действовавшая в Лондоне, получала через своих источников ценную информацию об экономической политике Великобритании, англо-германских отношениях и по ряду других проблем.

Помимо работы по Англии и уже привычной для Базарова работы по Балканским странам, перед ним была поставлена задача по руководству нелегальной группой разведчиков во Франции. Резиденту и его сотрудникам удалось провести ряд успешных оперативных мероприятий по приобретению ценных источников информации. В частности, используя нелегальную агентурную сеть в Париже, Базаров получил исчерпывающую информацию о деятельности предателей Беседовского и Атабекова.

Касаясь деятельности резидентуры Базарова по балканской линии, в документах внешней разведки того периода, в частности, указывалось:

«Возможности резидентуры по освещению обстановки в ряде балканских стран значительно расширились. Ценную, в том числе и документальную, информацию резидентура получала из МИД Румынии и румынского посольства в Белграде и Париже, а также югославского посольства в Париже. Так, были получены копии соглашения начальников генштабов Франции и Югославии, секретной конвенции между Францией и Румынией, а также соглашения между Румынией и Польшей, доклад о состоянии румынской армии».

Со своей стороны, резидент Базаров в ноябре 1928 года докладывал в

Центр:

«В первую очередь сейчас ставим добычу документов по основным узловым политическим вопросам Средней Европы и Польши с Румынией. Картина на Балканах ясна, и при наличии документов, уже посланных Вам и направляемых текущей почтой, предопределить можно и всю обстановку на полуострове».

В августе 1930 года Базаров был награжден нагрудным знаком «Почетный чекист». В представлении к награждению отмечалось: «К особой заслуге тов. Базарова необходимо отнести четкое выполнение серьезных оперативных заданий Центра».

Одним из выдающихся достижений Бориса Яковлевича Базарова того периода явилась вербовка шифровальщика британского Форин офис «Арно», которую он осуществил совместно с сотрудником своей резидентуры «Андреем» — в дальнейшем видным советским разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым. В результате этой операции разведка нашла пути проникновения в кабинеты Уайтхолла.^[2] В течение трех лет работы с «Арно» резидентура получала от него английские шифры и коды, дешифровальные таблицы, еженедельные сборники шифрованных телеграмм британского МИД, другие секретные документы.

В оперативном письме от 16 сентября 1931 года, направленном по этому поводу из Центра на имя резидента Базарова, заместитель начальника разведки подчеркивал:

«Я считаю это блестящим оперативным шагом. Письма твои прочел «Артур»^[3] и просил написать, что он очень доволен проделанной работой. Еще раз, перечитывая твой отчет, восхищаюсь образцово проведенной оперативной работой».

В 1934 году Базаров возвратился из командировки в Москву и занял должность начальника балканского отделения ИНО Главного управления государственной безопасности НКВД СССР.

Тогда же, в 1934 году, в Нью-Йорке при невыясненных обстоятельствах погиб нелегальный резидент ИНО НКВД в США Валентин Маркин.

Наша справка

Валентин Борисович Маркин родился в апреле 1903 года в городе Грозном в семье железнодорожного рабочего, бывшего крестьянина. До 1920 года учился в коммерческой школе. Затем до 1922 года находился на комсомольской работе в Кабардино-Балкарии. В 1922 году поступил на учебу в Коммунистический университет имени Свердлова. В 1923 году

вступил в РКП (б).

С мая 1923 года — секретарь ячейки РКП (б) на текстильной фабрике в Вятке, с 1924 года — секретарь ячейки РКП (б) московской типографии «Рабочей газеты», член Краснопресненского райкома партии, депутат Моссовета. Свободно владел английским языком.

В 1926 году Маркин становится сотрудником Разведывательного управления Штаба РККА. По линии военной разведки сразу же выехал на работу в Германию. Один из его коллег следующим образом характеризовал Маркина того периода: «Надо сказать, Маркин был очень способным: он быстро выучил немецкий язык, быстро освоился в новой стране и обещал стать первоклассным разведчиком».

В 1930–1932 годах являлся аспирантом Института мирового хозяйства и мировой политики. Одновременно занимал должность руководителя агитпропотдела в Исполкоме Коммунистического интернационала молодежи.

В 1932 году Маркин перешел на работу в Иностранный отдел ОГПУ и в том же году был направлен нелегальным резидентом в США. Действовал под псевдонимами «Оскар» и «Дэвис».

В 1934 году труп В.Б. Маркина был обнаружен в одном из районов Нью-Йорка. По основной и единственной версии, которая рассматривалась в Центре, но не получила четкого подтверждения, он стал случайной жертвой гангстерской разборки.

Правда, некоторое время спустя после гибели Маркина Абрам Слуцкий, являвшийся в то время начальником внешней разведки НКВД, заявил в беседе с одним из высокопоставленных сотрудников разведки Вальтером Кривицким, ставшим в декабре 1937 года невозвращенцем: «Маркин был троцкистом». Такое заявление позволило последнему сделать вывод о том, что Маркина убили агенты НКВД по приказу Сталина. К тому же троцкисты уже в конце 1930-х годов занес Маркина в свой мартиролог «умученных от Сталина». В то же время каких-либо серьезных доказательств того, что Маркин был убит по приказу Москвы, ими никогда не было представлено.

Решением руководства советской внешней разведки в Соединенные Штаты на замену нелегального резидента Валентина Маркина был направлен Борис Базаров. При этом учитывались большой оперативный опыт разведчика и его способности, в первую очередь в воспитании молодых сотрудников. Действительно, под началом Базарова за океаном действовали молодые, но исключительно активные разведчики-нелегалы Исхак Ахмеров и Норманн Бородин, ставшие впоследствии

профессионалами высокого класса.

Нелегальная резидентура Базарова успешно взаимодействовала с «легальной», которую возглавлял замечательный профессионал Петр Гутцайт. Резидентуры вели совместное изучение иностранцев, активно взаимодействовали при подготовке и отправке информации в Центр, выполнении заданий руководства разведки.

И не случайно в документах внешней разведки, касающихся ее истории, подчеркивается:

«Значительных успехов доспала советская разведка в 1930-е годы в США. Нелегальная резидентура под руководством Б.Л. Базарова завербовала нескольких ценных агентов, имевших непосредственные подходы к сотрудникам госдепартамента, и получала от них сведения по широкому кругу вопросов. Был приобретен источник со связями в окружении президента Рузвельта, передававший уникальную информацию о позиции правящих кругов страны в период вызревания в Европе военного конфликта».

В относящихся к тому периоду материалах личного дела резидента Базарова появилась новая запись: «Владеет оперативным опытом в совершенстве». Он был награжден вторым нагрудным знаком «Почетный чекист». В марте 1937 года Б.Я. Базарову было присвоено специальное звание майора госбезопасности.

Однако полнокровная оперативная деятельность разведчика-профессионала Базарова неожиданно оборвалась в июне 1938 года, когда его под предлогом отпуска (которого он настойчиво добивался) отозвали в Москву. 3 июля 1938 года Борис Базаров был арестован, а 21 февраля 1939 года «за шпионаж и измену» приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

* * *

С Георгием Борисовичем Базаровым — приемным сыном Бориса Яковлевича — автор встретился в небольшой двухкомнатной квартирке на последнем этаже 9-этажного дома в одном из микрорайонов Теплого Стана в Москве. Вместе с матерью он находился в Австрии в период работы там отца, выезжал на некоторое время и в Германию. В юности Георгий увлекался фотографированием. Благодаря его увлечению до наших дней дошли многие фотографии Бориса Базарова и его семьи.

Перед войной Георгий Базаров окончил Политехнический институт в

Ленинграде. Пройдя Великую Отечественную войну с первого и до последнего дня, отслужив в армии и выйдя в отставку в звании полковника, Георгий Борисович возглавил молодежные поисковые отряды следопытов, отправлявшиеся по местам сражений с фашистскими захватчиками. Благодаря усилиям ветерана и его добровольных помощников были восстановлены сотни имен безымянных героев минувших сражений.

Много сил и энергии потратил Георгий Базаров, собирая по крупицам в различных официальных учреждениях сведения о своем отчине. Копии этих материалов, а также другие документы он передал в Зал истории внешней разведки.

В декабре 1956 года Георгий Борисович получил из Военной коллегии Верховного Суда СССР справку о том, что «приговор Военной коллегии от 21 февраля 1939 года в отношении Базарова Бориса Яковлевича по вновь открывшимся обстоятельствам отменен и дело за отсутствием состава преступления прекращено. 22 декабря 1956 года Базаров Б.Я. реабилитирован посмертно».

В Зале истории внешней разведки хранится копия свидетельства о смерти Бориса Базарова, выданного его сыну отделом ЗАГСа Ленинградского района города Москвы.

Дата выдачи свидетельства — 3 января 1957 года. Более страшный документ трудно себе представить. Сообщается лишь, что умер Б.Я. Базаров 4 января 1944 года. Причина смерти — прочерк, место смерти — прочерк. Исчез человек, и всё — прочерк...

В январе 1990 года в ответ на запрос Георгия Борисовича из Военной коллегии Верховного Суда СССР поступило письмо, в котором, в частности, указывалось:

«Сообщаем, что Базаров Борис Яковлевич 1893 года рождения, до ареста — сотрудник НКВД СССР, майор госбезопасности, 21 февраля 1939 года Военной коллегией Верховного Суда СССР был осужден по ст. ст. 58-1а, 17-58—8 и 58-II УК РСФСР к расстрелу.

Базаров Б.Я. признан виновным в том, что он якобы с 1924 года являлся агентом немецкой и французской разведок, которой передавал шпионские сведения.

В материалах Военной коллегии сведений о точной дате расстрела Базарова Б.Я. не имеется.

22 декабря 1956 года Военная коллегия реабилитировала Базарова Б.Я. посмертно.

Примите искренние соболезнования в связи с незаконным репрессированием Базарова Бориса Яковлевича».

И наконец, лишь 18 июля 1990 года Георгий Борисович получил повторное свидетельство о смерти своего отца, в котором сообщалось, что Борис Яковлевич Базаров был расстрелян в Москве 21 февраля 1939 года. То есть сразу же после вынесения ему смертного приговора.

Таковы оперативная и жизненная судьба одного из лучших и активных представителей первого поколения советских разведчиков-нелегалов.

Глава 2. Разведчик-нелегал Федор Карин

Ни высокие награды, ни солидное положение в структурах государственной безопасности и военной разведки не спасли выдающегося советского разведчика-нелегала комкора Федора Карина от гибели в застенках Лубянки.

В 1896 году в семье бедного еврейского местечкового ремесленника Янкеля Крутянского, проживавшего с многочисленной семьей в селе Суслено в Бессарабской губернии, родился очередной ребенок, которого родители называли Тодросом, или на молдавский манер Тудором. Впрочем, босоногие русские сверстники Тодреса, с которыми он играл в уличные игры в этом захудалом местечке, называли его более привычным русским именем Федор. Отец мечтал, чтобы его отпрыск «вышел в люди», и, когда сыну исполнилось десять лет, отдал его в реальное училище. Здесь он, помимо основных дисциплин, упорно овладевал немецким и английским языками, которые должны были пригодиться будущему коммерсанту.

Однако вместо того, чтобы готовиться к предстоящей коммерческой деятельности, во время учебы в реальном училище Тодрес сближается с революционно настроенными учащимися и увлекается идеями Маркса. Он вступает в подпольный кружок Российской социал-демократической рабочей партии и ведет активную революционную агитацию.

С началом Первой мировой войны 18-летний Крутянский был мобилизован в армию и по заданию военной ячейки РСДРП(б) вел среди солдат революционную пропаганду, за что был отправлен в штрафную роту. Ему удалось совершить побег и эмигрировать в соседнюю Румынию, где он продолжил революционную деятельность. В 1915 году, после вступления Румынии в войну на стороне Антанты, Тодрес был приговорен Королевским судом к тюремному заключению. В 1917 году, благодаря победе Февральской революции, он был освобожден из тюрьмы по амнистии для политических заключенных и возвратился в Россию, где включился в активную революционную работу.

После победы Октябрьской революции Крутянский служил в бессарабской бригаде Красной Гвардии. В одном из боев с войсками боярской Румынии был ранен. В начале 1919 года командовал эскадрой конных разведчиков. Одновременно являлся секретарем Центрального бюро Компартии Бессарабии.

Вскоре Тодрес Крутянский, которому исполнилось 23 года, был

назначен политическим комиссаром Всеукраинского уголовного розыска, членом коллегии Всеукраинской чрезвычайной комиссии (ВУЧК). Здесь он сменил имя и фамилию и стал именоваться Федором Яковлевичем Кариным.

В 1919 году 24-летний Федор Карин переводится в Москву, в оперативную часть Особого отдела ВЧК, где под руководством Артура Артузова борется с врагами советской власти. Вместе с ним в ВЧК — ОГПУ работали и два его брата.

В сентябре 1919 года московские чекисты под руководством Артузова ликвидировали разветвленный контрреволюционный заговор белогвардейского «Национального центра». Заговорщики создали в Москве штаб Добровольческой армии во главе с генерал-лейтенантом царской армии Н.Н. Стоговым и назначили вооруженное выступление на вечер 21 сентября, когда, по их расчетам, генерал Деникин должен был взять Тулу и вплотную приблизиться к Москве.

За три дня до предполагаемого выступления белых, 18 сентября, председатель ВЧК Дзержинский доложил на Политбюро ЦК РКП(б) план мероприятий по разгрому заговорщицких организаций. Операция чекистов по ликвидации «Национального центра» и штаба Добровольческой армии Московского района продлилась три дня. В ней принимал активное участие с оружием в руках и молодой сотрудник Особого отдела ВЧК Федор Карин.

Вскоре газета «Известия» опубликовала обращение ВЧК ко всем гражданам страны по поводу ликвидации белогвардейского заговора. В нем был приведен список фамилий 67 главных заговорщиков, приговоренных военным трибуналом к расстрелу за измену Родине и шпионаж. В общей сложности чекисты при поддержке красноармейцев и рабочих московских заводов арестовали около 700 членов контрреволюционных террористических организаций, в основном бывших кадровых офицеров, которые планировали захватить Кремль и арестовать советское правительство во главе с В.И. Лениным.

Новый, 1920 год Федор Карин встретил на посту делопроизводителя уполномоченного Оперативного отдела ВЧК. «Канцелярская» должность была таковой только на бумаге: грамотные люди, да еще владевшие иностранными языками, были в ВЧК на вес золота. И вместо регистрации «входящих» и «исходящих» документов молодой чекист активно участвует в оперативных мероприятиях по борьбе с контрреволюцией.

Так, в начале 1920 года в поле зрения чекистов попал подозрительный поляк по имени Игнатий Добржинский. ВЧК уже было известно, что в Москве действует резидентура «двуйки» — 2-го отдела польского

Генштаба (военная разведка и контрразведка). Ее возглавлял некто по кличке «Сверчок». Через некоторое время чекистам в белорусском городе Орше удалось выйти на курьера московской резидентуры «двуйки» некую Марию Пиотух. За ней было установлено плотное наружное наблюдение, которое привело на явочную квартиру «Сверчка». Однако на этот раз арестовать его не удалось. Предупрежденный своими людьми «Сверчок» скрылся из дома через черный ход.

В мероприятиях чекистов по разработке польской агентуры участвовал и Федор Карин, приобретший достаточный опыт за время работы в Оперативном отделе. Чекистам стало известно о том, что «Сверчок» располагает в Москве разветвленной агентурной сетью. Для борьбы с польскими шпионами в ВЧК была создана «Комиссия Артузова», занимавшего в то время пост заместителя начальника Особого отдела. В комиссию был включен и Федор Карин.

10 мая 1920 года 750-тысячная польская армия начала наступление на Республику Советов. Польша, получившая независимость от Советской России, нанесла ей удар в спину. Противостоящие польской армии войска Западного и Юго-Западного фронтов насчитывали всего 65 тысяч бойцов. В тот же день руководство ВЧК направило Артузова с группой сотрудников Особого отдела ВЧК на Западный фронт для организации особых отделов фронтов и армий и налаживания их работы против польских шпионов. Вместе с Артузовым на Западный фронт командировается и Карин. Ему был выдан мандат от 10 мая 1920 года за подписью управляющего делами Особого отдела ВЧК Ягоды, который гласил:

«Дано сие Комиссару Активной части Особого отдела ВЧК тов. Карину в том, что он командировается на Западный фронт в распоряжение Особоуполномоченного Особого отдела ВЧК тов. Артузова.

Особый отдел ВЧК просит оказывать тов. Карину законное содействие при исполнении им поручений, возложенных на него тов. Артузовым.

Действительно по 7-е июня 1920 года».

На Западном фронте московским чекистам, в числе которых был и Карин, пришлось бороться с польскими шпионами, обезвреживать диверсантов, сражаться с засылаемыми в тыл Красной Армии бандами польских националистов. Чекистам удалось предотвратить взрыв штаба Западного фронта, расположенный в Минске, которым в то время командовал Тухачевский. Согласно сохранившимся архивным материалам, в 1920 году Ф. Карин трижды выезжал вместе с А. Артузовым на Западный фронт.

Одновременно чекисты не спускали глаз с резидентуры польской

«двуйки» в Москве. 25 июня 1920 года на квартире ксендза Гриневского чекистская засада задержала курьера из Польши. В возникшей перестрелке он был убит. В ходе изучения найденных у курьера документов чекисты обнаружили фамилию политрука бронечастии московского гарнизона Добржинского. Группа чекистов выехала к нему на квартиру. Поняв, что ему не удастся уйти, Добржинский попытался застрелиться. Однако в последний момент Федор Карин схватил его за руку и не дал покончить с собой.

На первых допросах Добржинский, который и был «Сверчком», молчал. Произведенный чекистами обыск на его квартире показал, что он являлся членом Польской социалистической партии, изучал марксистскую литературу. Артузов решил перевербовать его. Вместо допросов последовали беседы на политические темы. Активное участие в них принимал и Федор Карин. Он подробно рассказывал о борьбе с контрреволюцией в Бессарабии и на польском фронте, приводил примеры зверств польских оккупантов в белорусских городах и селах. И однажды Добржинского словно прорвало. Поляк признался, что ему многое в политике «маршала» Пилсудского, бывшего в прошлом социалистом, не нравится, в том числе «русский поход», и что ему ближе по идейным соображениям политика Советов.

К дальнейшим беседам с Добржинским подключились заместитель председателя ВЧК В.Р. Менжинский, а также член ЦК компартии Польши Ю. Мархлевский. Встречи с последним проходили в Кремле. Вскоре Добржинский дал согласие на сотрудничество с ВЧК. Взамен ему было обещано, что все названные польским резидентом сообщники будут возвращены на родину еще до прекращения военных действий, но только те, кто работал из идейных соображений. Добржинский сменил фамилию и стал Сосновским. Вместе с Артузовым и Кариным он выехал на Западный фронт, чтобы лично удостовериться в том, что арестованным чекистами польским разведчикам было позволено возвратиться в Польшу. Одновременно особые отделы Западного фронта ликвидировали основные ячейки Польской войсковой организации (ПОВ), занимавшиеся проведением диверсий и терактов в тылу Красной Армии. В их ликвидации активное участие принимал и Федор Карин.

В 1920 году закончилась Гражданская война на европейской части России. Все эти годы Федор Карин работал без отдыха, с громадным напряжением сил. Интенсивная работа и полученное им ранение отрицательно сказались на здоровье контрразведчика. По настоянию врачей он написал рапорт на имя исполняющего обязанности начальника

Оперативного отдела Артузова:

«Представляя при сем заключение профессора Мартынова и удостоверение врача Ос. Отдела ВЧК, прошу Вашего разрешения и ходатайства об отправлении меня в санаторий для лечения.

Прим.: за все время с Октябрьской революции никакими отпусками ни разу не пользовался.

Сотрудник Оперотдела — Ф. Карин».

Артузов наложил резолюцию на рапорт: «Упр. делами: Карину необходим отпуск на две недели по болезни. Прошу оформить. И. о. оперотдела А. Артузов. 8. XI. 20 г.».

Отдохнув и поправив здоровье, Федор возвращается в Оперативный отдел. В мае 1921 года чекисты выходят на след контрреволюционной организации «Народный союз защиты Родины и свободы» (НСЗРиС), возглавляемой известным террористом эсером Борисом Савинковым, организатором ряда громких убийств, в том числе московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. Этот террорист «прославился» еще и тем, что в годы Гражданской войны организовал восстание эсеров в тылу Красной Армии в городах Рыбинск и Ярославль. Во время этих восстаний были убиты тысячи мирных граждан. В 1921 году Савинкову удалось создать Западный областной комитет своей организации на Украине и в Белоруссии. Для борьбы с савинковцами Артузов разработал операцию «Синдикат-2», в реализации которой принимали участие Карин и другие сотрудники ВЧК, среди которых, в частности, был ставший впоследствии знаменитым разведчиком Наум Эйтингон.

Гомельская губчека зафиксировала распространение в городе листовок контрреволюционного содержания. Одновременно чекисты вышли на некоторых военных специалистов, чье поведение вызывало подозрения. У ряда из них, в том числе на квартире уездного военрука Максимова, были произведены обыски. Чекисты нашли антисоветскую литературу, документы и печати НСЗРиС. Они произвели аресты, и в июле 1921 года Западный областной комитет НСЗРиС был ликвидирован. В 1925 году был арестован и сам Б. Савинков. А операция «Синдикат-2» продолжалась до полного разгрома его организации.

В 1922 году Гражданская война завершилась на всей территории Советской России. Отпала необходимость содержать в прежнем объеме самый крупный в системе ВЧК Особый отдел, занимавшийся прежде всего военными делами. В феврале 1922 года Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем упраздняется и на ее основе создается Государственное политическое управление (ГПУ) при

НКВД РСФСР. Федор Карин становится сотрудником Иностранного отдела (ИНО) ГПУ (внешней разведки).

28 июня 1922 года Коллегия ГПУ утвердила «Положение о закордонном отделении ИНО ГПУ», в котором были определены его функции, четко сформулированы основные задачи разведывательной работы за рубежом, указаны средства их выполнения. Коллегия ГПУ приняла решение создать резидентуры ИНО в основных европейских странах. Наряду с широким спектром задач политического, военного и контрразведывательного характера в документе предусматривалось целенаправленное использование нелегальных возможностей разведки, оговаривались поручения по освещению экономической ситуации в каждом отдельном государстве и выявлению особенностей их экономической политики по отношению к РСФСР.

Для решения этих задач внешней разведке были крайне необходимы грамотные, квалифицированные кадры, имевшие опыт чекистской работы и владевшие иностранными языками. Федор Карин, которому исполнилось всего 26 лет, идеально подходил для работы в Иностранном отделе. Помимо молдавского, он свободно владел румынским, немецким и английским языками. Молодого разведчика, но уже опытного чекиста сразу же назначили руководителем нелегальной резидентуры в Румынию.

Цель его поездки заключалась в том, чтобы изучить возможности организации разведывательной работы в этой стране и на Балканах с нелегальных позиций. В его задачу входило и выполнение разведывательных заданий «военно-политического характера, как в отношении самой Румынии, так и существующих там белогвардейских организаций». Находясь в Румынии, с которой у молодого Советского государства в ту пору не было дипломатических отношений, Карин передавал в Центр информацию о работе румынской разведки против пашей страны, взаимоотношениях Бухареста с малой и большой Антантой, о военно-политических договорах Румынии с соседними странами. Видное место в работе возглавляемой им нелегальной резидентуры ГПУ занимали вопросы деятельности на территории боярской Румынии русских и украинских антибольшевистских группировок и отрядов, в том числе сторонников «батьки Махно», укрывшегося на ее территории, выявление их связей с Россией, а также использование этих организаций румынскими спецслужбами.

В Румынии Карин пробыл всего пять месяцев. За этот короткий срок он организовал получение надежных паспортов, необходимых для легализации разведчиков-нелегалов, а также наладил курьерскую связь с

Центром через Берлин. Карину пришлось покинуть Бухарест, поскольку в то время Румыния была переполнена беженцами с юга России, и возникла угроза, что его могли узнать по работе в Бессарабии.

Из Бухареста он переводится заместителем руководителя нелегальной резидентуры в Вену, где работает до декабря 1922 года по Румынии. Столица бывшей Австро-Венгерской империи в то время предоставляла великолепные возможности для работы разведок всех стран мира из-за своего либерального полицейского режима и возможности относительно легко приобретать настоящие документы. В связи с распадом многонациональной империи Габсбургов большинство архивов, в которых фиксировались акты о рождении, смерти и т. п., находились в хаотическом состоянии, чем пользовались разведслужбы различных стран.

В декабре 1922 года Карин был отозван в Москву. Его работа в командировке была признана успешной. В том же месяце он был командирован в Болгарию под прикрытием уполномоченного Всероссийского общества Красного Креста (ВОКК).

Наша справка

3 ноября 1921 года ВЦИК Советов принял декрет об амнистии, в соответствии с которым был разрешен въезд в страну бывшим солдатам и офицерам белой армии, находившимся за границей. Позже в Софии группой прогрессивных русских эмигрантов, оказавшихся в Болгарии в результате Гражданской войны в России, была создана организация «Союз возвращения на Родину» («Совнарод»).

В мае — июне 1922 года «Совнарод» обратился с вопросом о репатриации соотечественников в полпредства РСФСР в Константинополе и Вене. В июле того же года наркоминдел Советской России заключил с болгарским правительством соглашение о репатриации. Аналогичное соглашение было заключено и с верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных Фритьофом Нансеном. В соответствии с ним, репатриация русских беженцев на родину поручалась Красному Кресту. Нансен добился также введения для русских беженцев временных паспортов (так называемых «нансеновских»), что значительно облегчило их возможное возвращение в Советскую Россию.

Усилиями организации «Совнарод» только за один год в Советскую Россию возвратились 121 843 человека из различных стран, что составило десять процентов всей русской эмиграции. А всего благодаря деятельности Фритьофа Нансена домой вернулось более 500 тысяч русских беженцев. В 1922 году Ф. Нансен был удостоен Нобелевской премии мира.

Находясь в Болгарии и занимаясь репатриацией русских беженцев,

Карин вел также активную разведывательную работу против главнокомандующего Русской армией за границей барона Врангеля и его организации. Разведчик постоянно информировал Центр о деятельности русской военной эмиграции на Балканах, подготовке Врангелем нового «крестового похода» против большевиков. С помощью Карина в соседних с Болгарией странах — Сербии и Греции — были нелегально созданы «Союзы возвращения на Родину». Карин активно способствовал возвращению в Советскую Россию своих соотечественников из этих стран. Так, только в феврале 1923 года из Варны, где в то время находилось его представительство, выехало более тысячи человек. Перевозки осуществлялись за счет Миссии Нансена.

Одновременно возглавляемая им нелегальная резидентура проводила большую разведывательную и контрразведывательную работу по проверке репатриантов и вербовке среди них перспективных лиц. Следует подчеркнуть, что Белое движение всеми силами противилось возвращению бывших военнослужащих к мирной жизни. Болгарское правительство под влиянием генерала Врангеля также весьма прохладно относилось к этой идее. Однако советской внешней разведке удалось провести специальную операцию по дискредитации Белого движения и добиться изгнания из Болгарии, хотя и на время, некоторых представителей командного состава Русской армии.

Проводя эту операцию, разведка исходила из того, что расквартированные в Болгарии части армии Врангеля значительно превосходили по всем статьям болгарскую армию, насчитывавшую всего шесть с половиной тысяч человек. Вмешательство врангелевцев во внутренние дела Болгарии на стороне той или иной политической силы могло привести к свержению законно избранного правительства.

Кампания по дискредитации армии Врангеля началась с публикации в болгарской прессе статей о вовлечении врангелевцев в политическую жизнь в стране и о планах самого генерала по захвату власти. В подкрепление этой версии был подготовлен документ, свидетельствующий о том, что барон Врангель якобы готовит военный переворот в Болгарии. Этот документ был подброшен врангелевскому полковнику Самохвалову. В нем подтверждался факт ведения Врангелем переговоров с представителями оппозиционной премьер-министру Болгарии Стамболийскому «Военной лиги» относительно возможного переворота с целью свержения премьер-министра. Болгарская полиция, извещенная о тайных контактах Самохвалова с «Военной лигой», произвела обыск на его квартире и обнаружила там подброшенные ему документы. По указанию

премьер-министра Болгарии были арестованы активные главари белой эмиграции генералы Кутепов, Вязьмитинов, Абрамов и Ронжин. Они были выдворены за пределы страны, а русские воинские части разоружены. Был закрыт и ряд белогвардейских газет.

Разумеется, эта деятельность Федора Карина не осталась незамеченной для болгарских спецслужб. 1 мая 1923 года, возвращаясь поездом из Варны в Софию из служебной командировки, Карин был подвергнут обыску агентами Болгарской службы безопасности под предлогом поиска оружия. В ответ разведчик предъявил имевшийся у него револьвер и разрешение на его ношение, выданное губернатором Софии, а также дипломатические документы. Сотрудники болгарской контрразведки отобрали документы, а один из них ударил Карина кулаком в лицо. Разведчик был задержан, однако через час освобожден из-за недостаточности улик. Пользуясь своим дипломатическим статусом уполномоченного Всероссийского общества Красного Креста в Болгарии, Карин направил в болгарский МИД ноту протеста с требованием гарантий безопасности сотрудникам его организации.

Через несколько дней болгарские спецслужбы, покровительствовавшие царскому представительству Российского Красного Креста, повторили провокацию. На сей раз — против юрисконсульты Представительства ВОКК Александра Булатцеля, который был избит агентом службы безопасности. Карин вновь направил ноту протеста в болгарский МИД, содержание которой сообщил по дипломатическим каналам в Москву. Текст ноты поступил в ГПУ, и В. Менжинский наложил резолюцию: «Т. Артузову, т. Штейнбергу. 5.06.23 г.»

Однако 9 июня 1923 года в Болгарии был совершен военно-фашистский переворот. Новые власти страны арестовали наиболее активных членов «Совнарода», обвинив их в «коммунистической пропаганде», а в октябре того же года распустили эту организацию. Вскоре Карин возвратился в Москву.

В марте 1924 года Карин был направлен в служебную командировку в Китай, в город Харбин, под официальным прикрытием уполномоченного по репатриации. В Китае он проработал до 1927 года сначала заместителем, а затем резидентом «легальной» резидентуры. Одним из основных объектов внешней разведки органов госбезопасности в этом регионе являлась белогвардейская эмиграция, осевшая там после окончания Гражданской войны в России. В резидентуре Карина работал известный разведчик Василий Пудин, который ранее вместе с ним был задействован в операции «Синдикат-2». Выступая в роли «боевика» легендированной ГПУ

подпольной организации «Либеральные демократы», он принимал участие в задержании эмиссара Савинкова полковника Павловского.

В Харбине была значительная колония бывших русских граждан, насчитывавшая в те годы несколько десятков тысяч человек. После объявленной ВЦИК 4 ноября 1923 года повторной амнистии многие из них мечтали возвратиться на Родину и обращались в советское Генконсульство в Харбине. Карин и другие разведчики внимательно изучали их и наиболее перспективным кандидатам на вербовку предлагали сначала «поработать» на СССР, чтобы заслужить право на возвращение. Что же касается непримиримых врагов советской власти, а их в ту пору было немало, то вербовочные подходы к ним делались от имени японской и американской разведок, которые активно занимались приобретением агентуры, способной вести работу против СССР. Выявив устремления иностранных разведок, Карин практиковал метод подстав агентов из числа белогвардейской эмиграции спецслужбам США и Японии. Причем основное внимание уделялось японской разведке, активно действовавшей в Маньчжурии и готовившей ее захват японцами.

Однако проникнуть в секреты японцев в Харбине было непросто, поскольку последние не любили европейцев, особенно русских. Но Карин вскоре установил, что японские чиновники и военнослужащие, даже высокопоставленные, слабо обеспечены в материальном отношении по сравнению со своими европейскими коллегами и ищут дополнительных заработков. Выяснилось также, что «сыны Ямадо» охотно торгуют своими секретными документами, считая японский язык недоступным для понимания европейцев, а некоторые их дипломаты и шифровальщики готовы продать и шифры.

Руководимая Кариним резидентура вскоре завербовала русского эмигранта Ивана Трофимовича Иванова-Перекреста. Он имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях. Как вспоминал впоследствии известный советский разведчик генерал-майор В.М. Зарубин, являвшийся в то время заместителем резидента Карина, Перекрест был агентом-групповодом и самостоятельно занимался вербовкой агентуры. Он также добывал весьма ценную информацию о деятельности японской военной миссии в Маньчжурии».

В 1927 году через Иванова-Перекреста В. Пудин добыл совершенно секретный документ — «меморандум Танаки», в котором излагались планы завоевания Японией Маньчжурии, Китая, советского Приморья и Дальнего Востока. Как отмечается в официальных документах Службы внешней

разведки России, «получение «меморандума Танаки» явилось крупнейшим достижением в работе советской внешней разведки против милитаристских устремлений Японии в период 1920-х — начала 1930-х годов».

Несколько позже резидентуре удалось также получить докладную записку генерала Касахары.

Наша справка

Пришедший к власти в 1927 году премьер-министр Японии генерал Танака являлся активным сторонником последовательной подготовки страны к войне с Советским Союзом. Его позиция по данному вопросу была сформулирована 25 июля того же года в меморандуме, представленном императору Японии и правительству страны.

В документе впервые открывались истинные планы Японии по завоеванию мира. Обозначались этапы осуществления этой задачи: сначала подчинение Маньчжурии и Монголии, затем Китая. После овладения ресурсами Китая Япония должна была перейти к завоеванию Индии, стран бассейна Тихого океана, Малой и Центральной Азии и, наконец, Европы. Одновременно в качестве «программы национального развития Японии» в меморандуме выдвигалась «необходимость вновь скрестить мечи с Россией».

Премьер-министр и министр иностранных дел Японии генерал Танака, в частности, писал:

«Японо-советская война, принимая во внимание состояние вооруженных сил СССР и его отношения с иностранными государствами, должна быть проведена нами как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР.

Разумеется, нам нужно будет осуществить продвижение до озера Байкал. Что касается дальнейшего наступления на запад, то это должно быть решено в зависимости от дальнейшей обстановки, которая сложится к тому времени. Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край полностью в состав владений империи.

Япония не сможет устранить свои затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». Поэтому мы должны установить контроль над Китаем и сокрушить Соединенные Штаты Америки. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны южных морей станут нас бояться и капитулируют перед нами. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы.

Япония должна завоевать мир, а для этого она должна завоевать

Европу и Азию, и в первую очередь — Китай и СССР».

В 1929 году руководство советской внешней разведки приняло решение опубликовать «меморандум Танаки» через свои возможности в китайском журнале «Чайна критик». Вскоре текст документа был перепечатан в американских средствах массовой информации. Его публикация вызвала грандиозный международный скандал. Япония выступила с опровержениями, однако ей никто не поверил. После разгрома милитаристской Японии в 1945 году «меморандум Танаки» фигурировал в качестве официального документа на Токийском трибунале, осудившем японских военных преступников.

В 1928 году резидентурой была также получена докладная записка военного атташе Японии в Москве генерала Касахары, представленная им в Генеральный штаб, в которой обосновывалась необходимость начала военных действий против СССР. Будучи ярким врагом Советского Союза, но далеко не тупым человеком, Касахара подчеркивал в своей докладной записке, что «воевать с СССР нужно сейчас, или не воевать никогда впоследствии». Позиция генерала была должным образом оценена японским военным руководством: после возвращения из Советского Союза он был назначен на должность начальника 5-го (русского) отдела 2-го (разведывательного) управления Генерального штаба японской армии.

На процессе японских военных преступников в Токио в 1946–1948 годах генерал Касахара выступал, благодаря покровительству американцев, не как обвиняемый, а как свидетель. На вопросы трибунала он отвечал уклончиво до тех пор, пока ему не были предъявлены фотокопии его докладной записки. Только после этого он полностью признал не только подлинность документа, но и свое авторство.

Работа Федора Карина в качестве резидента ОГПУ в Харбине была настолько успешной, что в начале 1930-х годов харбинская резидентура стала главной «легальной» резидентурой внешней разведки в Китае. Особое внимание Кариним уделялось террористическим планам японской военщины в Маньчжурии, каналам засылки японских разведчиков в СССР, деятельности антисоветских эмигрантских центров. Им была получена информация о том, что японская военная миссия в Харбине приступила к созданию в приграничных районах вооруженных банд белогвардейцев для организации восстания на Дальнем Востоке, чтобы использовать данное обстоятельство в качестве предлога для ввода японских войск в СССР, якобы для «защиты японских подданных».

Одновременно руководимая Кариним резидентура ОГПУ срывала попытки японских спецслужб создать на территории СССР крупные

шпионско-диверсионные формирования. В эти группы, подготавливавшиеся для засылки на территорию нашей страны, внедрялась надежная агентура, которая информировала резидента о планах японцев в отношении СССР и доводила до сведения японцев дезинформацию, специально подготовленную аналитиками в Москве. За период пребывания в Харбине Кариним были созданы серьезные заделы в работе против Японии, которые использовались советской разведкой еще многие годы. Достаточно отметить, что сотрудник руководимой им резидентуры В.И. Пудин получил сотни секретных японских документов и добыл около 20 японских и китайских шифров. Являясь в конце 1930-х годов заместителем резидента внешней разведки в Софии, В. Пудин заполучил дипломатические шифры, которыми пользовался японский МИД в Европе, благодаря чему Лубянка читала зашифрованную переписку японцев с немцами в годы Великой Отечественной войны.

В 1927 году завершилась служебная командировка Федора Карина в Китай. За успешную работу в качестве резидента он был награжден нагрудным знаком «Почетный чекист».

В ноябре того же года разведчик был направлен в США для организации там работы с нелегальных позиций в качестве резидента-нелегала. За океаном он находился до середины 1928 года. Карину удалось обосноваться в Нью-Йорке, приобрести надежные документы, легализоваться и создать прикрытие для ведения работы с нелегальных позиций. Созданной им нелегальной резидентуре на связь была передана цепная агентура, которая добывала документы госдепартамента США, в том числе копии докладов послов США в Европе и на Дальнем Востоке, а также некоторые материалы по экономической и научно-технической разведке. Работа Карина на посту резидента положительно оценивалась Центром.

В июне 1928 года по указанию Центра Карин из США переехал в Германию, где также возглавил нелегальную резидентуру. Интересно, что для въезда в эту страну он воспользовался подлинными швейцарскими документами своего друга и начальника Артузова, настоящая фамилия которого была Фраучи.

Нелегальная резидентура Карина в Германии состояла из шести человек, включая курьера и содержателей конспиративной квартиры. Несмотря на это, она располагала обширной агентурной сетью, имевшей выходы на белогвардейскую вооруженную организацию Русский общевойсковой союз (РОВС) во Франции, правительственные учреждения Германии, Франции и США. Поскольку с агентурой в других странах

поддерживать связь через курьеров было затруднительно, в марте 1931 года Карин был переведен на нелегальную работу во Францию.

Во Франции Карин проработал до августа 1933 года и добился впечатляющих результатов в вербовочной работе. Руководимая им нелегальная резидентура имела «своих людей» в спецслужбах, важных правительственных учреждениях, выходы на главарей РОВС Кутепова и Миллера. За успешную работу во Франции Карин был награжден вторым нагрудным знаком «Почетный чекист».

Из служебной аттестации за 1933 год, подписанной начальником Иностранного отдела ОГПУ А.Х. Артузовым:

«Тов. Карин Федор Яковлевич, член ВКП(б) с 1919 года, работник ВЧК — ОГПУ с 1919 года является одним из наиболее опытных и квалифицированных руководителей разведки в условиях подполья. Считаю тов. Карина в первом десятке лучших организаторов-разведчиков СССР».

По возвращении в Москву в сентябре 1933 года Ф. Карин был назначен начальником 1-го отделения ИНО ОГПУ, занимавшегося ведением разведки в США и Европе. Ему было присвоено звание старшего майора госбезопасности, что соответствовало армейскому званию генерал-майор.

В связи с приходом к власти в Германии Гитлера и возросшей опасностью войны новому начальнику ведущего отделения внешней разведки предстояло реорганизовать работу «легальных» и нелегальных резидентур, прежде всего в Германии, с таким расчетом, чтобы на постоянной основе получать упреждающую информацию о планах и намерениях нацистов, в том числе о подготовке ими к войне. Эту задачу Карин решал успешно. Под его руководством были созданы «запасные площадки» германской нелегальной резидентуры ОГПУ в соседних странах. В случае осложнения обстановки в Германии предполагалось организовать с их помощью работу по Третьему рейху.

В связи с возросшей нацистской угрозой в мае 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) рассмотрело вопрос о координации деятельности Ста Разведывательного управления РККА, Иностранного и Особого отделов ОГПУ. Решением ЦК партии начальник ИНО ОГПУ А.Х. Артузов был назначен по совместительству заместителем начальника Разведывательного управления Красной Армии. Ему было предложено в месячный срок проанализировать работу военной разведки и разработать меры по устранению недостатков, прежде всего многочисленных провалов военных разведчиков. При назначении на этот пост Артузов в качестве единственного условия оговорил право взять с собой в Разведывательное

управление РККА около двадцати сотрудников ИНО ОГПУ. Просьба была удовлетворена. Федор Яковлевич Карин был переведен в военную разведку и назначен на должность начальника ее 2-го отдела, занимавшегося ведением военной разведки в странах Востока. Ему было присвоено звание комкора, что соответствовало воинскому званию генерал-лейтенант.

В июне 1934 года Артузов подготовил подробный доклад на имя Сталина, в котором были проанализированы причины провалов военной разведки в Европе. Они вызывались низкой дисциплинированностью сотрудников Разведупра, пренебрежением правилами конспирации, использованием коммунистов европейских стран в работе «легальных» и нелегальных резидентур. Выводы Артузова были одобрены Сталиным, который распорядился «навести должный порядок» в работе резидентур военной разведки. По указанию начальника Разведупра Я.К. Берзина Карину было поручено проанализировать работу резидентур своего отдела, в которых также произошло несколько провалов, и принять меры по улучшению их работы. Однако в феврале 1935 года по вине видного военного разведчика А. Улановского произошел очередной, весьма серьезный, провал резидентуры Разведупра в Копенгагене. Расследование показало, что, несмотря на указания Артузова о недопустимости привлечения к разведработе коммунистов, пятеро связников резидентуры Улановского состояли в компартии Дании. К тому же один из них являлся осведомителем полиции. Конспиративная квартира нелегального резидента была взята полицией под наблюдение. Вскоре датские спецслужбы, организовав засаду, арестовали на ней сразу троих резидентов Разведупра из других европейских стран, прибывших к Улановскому в Копенгаген на совещание. Поскольку начальник Разведупра Берзин отсутствовал в Москве, докладную записку на имя наркома обороны Ворошилова был вынужден подготовить Артузов.

Нарком, с недоверием относившийся к представителям ОГПУ в его ведомстве, использовал данное обстоятельство для дискредитации Артузова и пришедших вместе с ним в военную разведку чекистов. Перед тем как направить докладную записку Сталину, он написал на ней резолюцию, смысл которой сводился к тому, что Артузов мало что сделал для улучшения разведывательной работы. После этого провала военной разведки Сталин назначил на должность начальника Разведупра Урицкого, который имел тот же ранг корпусного комиссара, что и Артузов, Штейнбрюк и Карин, пришедшие из ОГПУ. Урицкий ревниво воспринял этот факт и вскоре практически отстранил их от всех дел по руководству военной разведкой.

20 декабря 1936 года Артузов пишет на имя Урицкого письмо, в котором просит объяснить причины подобного отношения к разведчикам, пришедшим в Разведывательное управление РККА из ОГПУ. Однако его попытки объясниться с вышестоящим начальником ни к чему не привели. 11 января 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) по предложению наркома обороны Ворошилова приняло решение об освобождении Артузова, Штейнбрюка и Карина от работы в Разведывательном управлении РККА и направлении их в распоряжение НКВД.

29 марта 1937 года был арестован нарком НКВД Ягода. Новый нарком Ежов начал чистку органов госбезопасности от лиц, работавших вместе с Ягодой. 15 апреля сотрудниками оперативного отдела был арестован Артузов. Вскоре вслед за ним были арестованы Штейнбрюк и Карин.

Дело «об участии комкора Ф. Карина в военно-фашистском заговоре», более известное как сфабрикованный Ежовым «заговор генералов», было рассмотрено на заседании Специальной комиссии 21 августа 1937 года. Комиссия приговорила его к смертной казни.

В тот же день выдающийся разведчик Федор Яковлевич Карин был расстрелян. Вместе с ним были расстреляны Артузов, Штейнбрюк и другие чекисты. Их тела были тайно погребены в районе подмосковного совхоза «Коммунарка» в безымянной братской могиле.

5 мая 1956 года Военная коллегия Верховного Суда СССР пересмотрела дело по обвинению Карина Федора Яковлевича в измене Родине. Дополнительной проверкой было установлено, что он был осужден необоснованно. Военная коллегия отменила решение Специальной комиссии от 21 августа 1937 года «за отсутствием состава преступления».

4 июня 1956 года жене Карина Симе Александровне и дочери Полине Федоровне была выдана справка о его полной реабилитации. Так было восстановлено честное имя выдающегося разведчика-нелегала комкора Федора Карина, погибшего в возрасте сорока одного года.

Глава 3. Доктор Линицкий

В конце 1920 года вместе с остатками армии Врангеля, эвакуировавшейся из Крыма в Турцию на пароходах под прикрытием французской эскадры, в Галлиполийский лагерь прибыл разведчик 13-й армии красных Леонид Линицкий. Он был заброшен в тыл к белым, в ходе одного из сражений получил тяжелое ранение, принятый за своего, госпитализирован во врангелевский лазарет, а затем вывезен за границу. Через Константинополь Линицкому удалось добраться до Югославии, где он обосновался вместе с другими беженцами из России. Долгие годы Леонид искал возможность восстановить связь с советской разведкой. Ему это удалось лишь в 1933 году, когда он стал разведчиком-нелегалом Иностранного отдела ОГПУ. Нелегальная резидентура в Белграде, которую возглавлял Линицкий, выполняла задачу по проникновению в белоэмигрантские формирования и добывала информацию об их террористической деятельности в отношении Советского Союза.

Леонид Леонидович Линицкий родился 21 июля 1900 года в городе Ахтырке Харьковской губернии в семье командира сотни пограничной стражи.

Отец служил на дальневосточной границе. Обстановка и условия жизни на границе были в то время достаточно сложными, поэтому семья пограничника жила в основном в Ахтырке или в Харькове, изредка приезжая к отцу погостить. В годы Первой мировой войны ветеран Русско-японской войны, георгиевский кавалер ротмистр Линицкий добровольно отправился на фронт, где героически сражался, командуя кавалерийским полком, и погиб в бою.

Леонид решил занять место отца в боевом строю. В начале 1917 года, когда уже начинал рушиться фронт, он из седьмого класса гимназии ушел добровольцем в армию. После прохождения подготовки в учебной команде 16-летний младший унтер-офицер был направлен в район боевых действий. Служил в Гвардейском Финляндском полку, дослужился до старшего унтер-офицера.

Однако военная карьера несовершеннолетнего унтер-офицера вскоре дала трещину. В дивизию, где он служил, прибыл бывший тогда военным министром А.Ф. Керенский. Линицкого, оказавшегося активным участником срыва митинга, на котором министр должен был выступать, взяли под арест. Леониду грозила смертная казнь, но дело ограничилось

направлением его в штрафной полк. А в октябре 1917 года его как несовершеннолетнего отправили домой. Вернувшись в Ахтырку, Линецкий экстерном окончил гимназию.

Вскоре в России началась Гражданская война. Во время оккупации кайзеровской Германией Украины Линецкий вел диверсионную работу против захватчиков в составе партизанского отряда, действовавшего в районе его родного города. В одной из боевых операций был ранен. После выздоровления поступил на естественное отделение физико-математического факультета Харьковского университета, однако после окончания первого курса добровольно вступил в Красную Армию. Участвовал в боевых действиях на Южном фронте в составе 4-го Сумского и 3-го Лебединского полков. В августе 1919 года был снова ранен.

Через год Леонид был зачислен в разведотдел 13-й армии и начал проходить подготовку для заброски в тыл противника. Однажды по делам службы он был направлен в штаб одной из дивизий. Прибыв на место, Леонид оказался в гуще ожесточенного боя с прорвавшимися на позиции дивизии подразделениями белых. Во время боя он получил тяжелое ранение и оказался в руках неприятеля. Как сотрудник разведотдела, готовившийся к заброске в тыл белых, Линецкий не имел при себе документов, свидетельствовавших о его принадлежности к Красной Армии. Да и по одежде тяжелораненого трудно было определить в нем красноармейца. Так что он сошел для белых за своего. Леонида подобрали и отправили с другими ранеными в Севастополь. Вскоре началась эвакуация армии Врангеля из Крыма.

Так, вместе с госпиталями через Константинополь Линецкий со временем добрался до Югославии, которая предоставила убежище русским беженцам. Подлечившись, Леонид поступил чернорабочим на стройку. Затем работал кочегаром на белградской суконной фабрике, где получил настоящую рабочую закалку. Здесь же, на фабрике, Линецкий познакомился со своей будущей женой Екатериной Федоровной, которая стала ему надежной помощницей в его дальнейшей разведывательной деятельности.

В 1924–1930 годах Линецкий учился на медицинском факультете Белградского университета. Одновременно работал санитаром в больничной кассе социального страхования рабочих, лаборантом Белградского физиологического института. После получения диплома в июне 1930 года работал врачом-ассистентом в ряде медицинских учреждений Белграда, затем занялся частной практикой. За годы пребывания в Югославии Леонид в совершенстве овладел сербским и

французскими языками. И все это время искал способ связаться со своими, с Москвой. Наконец это ему удалось. Начиная с 1933 года Леонид Линецкий включился в активную разведывательную работу с нелегальных позиций по линии Иностранного отдела ОГПУ.

Нелегальная резидентура, которую возглавлял в Белграде Линецкий, выполняла задачу по проникновению в вооруженные белоэмигрантские формирования в Югославии. В те годы ряд белоэмигрантских и националистических организаций, в частности, Русский общевоинский союз (РОВС) и Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), проводили широкую работу по засылке в СССР боевиков для проведения диверсий на транспорте и промышленных предприятиях, а также для осуществления террористических актов в отношении руководящих советских и партийных работников. Задача резидентуры заключалась в том, чтобы парализовать действия боевиков. В одном из писем Центра, направленных в резидентуру, в частности, подчеркивалось:

«Задача заключается в том, чтобы парализовать все активные действия боевиков путем тщательной «разработки» и выявления их активности и связей на территории Союза. Надо сконцентрировать свое внимание на террористически настроенных элементах эмиграции, агентурно выявлять их намерения и связи. Эта работа очень кропотливая, может, с самого начала малоэффективная, но необходимая. Других путей нет».

У резидента ИНО ОГПУ Линецкого было более десяти активных помощников, включая супругу Екатерину Федоровну, которая являлась секретарем резидентуры. Разведчики добывали информацию о засылке на территорию СССР террористов и сведения об организациях и группах, которые занимались этой враждебной деятельностью. Сотрудники резидентуры полностью контролировали деятельность основных белоэмигрантских организаций в Югославии. Прикрытие врача, имевшего широкую частную практику, способствовало проникновению Линецкого в руководящие круги вооруженной белогвардейской эмиграции. Он был хорошо знаком с белыми генералами и офицерами, чиновниками государственного аппарата страны. Так, в одном из писем в Центр Линецкий сообщал:

«Сегодня меня вызывал в Союз инвалидов генерал Скворцов по делу. К слову, я уже около полутора месяцев состою врачом Всеюгославского союза русских военных инвалидов и особо — врачом Белградского отделения этого союза».

Линецкому удалось также внедриться в Общество галлиполийцев, имевшее свои отделения в ряде европейских стран и являвшееся костяком

РОВС.

Наша справка

Общество галлиполийцев — организация, созданная в ноябре 1921 года белогвардейцами 1-го армейского корпуса под командованием генерала Кутепова, насчитывавшего 24 тысячи солдат и офицеров, которые после эвакуации в конце 1920 года из Крыма врангелевских войск высадились на полуострове Галлиполи (западный, европейский берег пролива Дарданеллы) и оставались там, постепенно перемещаясь в принимавшие их страны, до середины 1922 года. Общество ставило целью в случае ликвидации российских воинских формирований «стать воспреемником военной организации своего корпуса». Имело отделения в основных странах рассеивания русской эмиграции — Франции, Югославии, Болгарии, Чехословакии и др.

* * *

Линицкий своевременно проинформировал Центр о готовившихся Обществом галлиполийцев провокациях и террористических актах, а затем добился раскола в руководстве общества, в результате чего оно распалось.

Находившиеся у Линицкого на связи помощники осуществили ряд успешных вербовок и проникли в другие белогвардейские организации, добывая в них важную информацию. Так, тесть Линицкого был внедрен в местную фашистскую организацию. Ему удалось получить фотографии и биографические сведения на террористов и агентов из числа русских эмигрантов, которые готовились для заброски в СССР.

Касаясь результатов работы резидентуры Линицкого в тот период, в официальных материалах Службы внешней разведки России отмечается, что «собранные нелегальной резидентурой сведения о засылке в СССР боевых групп и отдельных террористов позволили нанести серьезный удар по этим организациям в Югославии, а на некоторых направлениях полностью парализовать их деятельность». Так, прекратила свое существование организация «Дружина», которая занималась засылкой боевиков через территорию Румынии. Она действовала в тесном контакте с румынской разведкой и находилась под особым покровительством представителя РОВС в Румынии генерала Геруа.

Помимо получения устной разведывательной информации белградская нелегальная резидентура провела ряд острых мероприятий по изъятию из сейфов некоторых руководителей РОВС и Народно-трудового союза особо

важных документов. В них шла речь о контактах этих белогвардейских организаций с разведслужбами западных стран, а также о планах предстоящих террористических акций в СССР.

Руководство Иностранного отдела нередко отмечало успешную работу белградской нелегальной резидентуры.

Однако 5 декабря 1935 года в результате предательства Линицкий и несколько его соратников были арестованы югославской тайной полицией.

А произошло вот что: заместитель Линицкого без его санкции решил провести операцию по вскрытию сейфа в квартире лидера НТСНП. К этому острому оперативному мероприятию он привлек двух знакомых югославов, один из которых оказался осведомителем местной контрразведки. Участники операции были взяты с поличным. После пыток и побоев заместитель резидента выдал всех членов резидентуры. Югославская тайная полиция в тот же день начала аресты.

Сам Линицкий был арестован в здании центра русской белоэмиграции в Белграде — «Русском доме», куда он отправился вместе с женой на просмотр оперы «Наталка-Полтавка». Леонид Леонидович задержался в холле театра, а его жена прошла в зал. В этот момент к Линицкому, который беседовал с главой местного отделения РОВС генералом Барбовичем, подошли представители югославской тайной полиции и арестовали его. Линицкий успел передать известие о своем аресте жене, которая тут же возвратилась домой, растопила печь и сожгла находившиеся в тайнике документы и подготовленную к отправке в Центр почту, а также другие материалы, которые могли бы уличить мужа в разведывательной деятельности. Вскоре в дом с обыском нагрянула тайная полиция, но ничего предосудительного ее сотрудникам обнаружить не удалось.

К Линицкому, как к руководителю «разоблаченной русской сети разведчиков», были применены суровые меры воздействия — в течение трех месяцев его жестоко пытали. Однако никаких сведений о своей работе и о своих товарищах мужественный разведчик полиции не сообщил. В ходе следствия и на суде он вел себя исключительно стойко, использовал суд для разоблачения истинной роли РОВС и НТСНП, которые с территории Югославии вели свою террористическую деятельность. В ходе судебного процесса Линицкий и его товарищи не связывали себя с советской разведкой, а выступали от имени самостоятельной политической организации, боровшейся из патриотических побуждений против террористических устремлений отдельных руководителей белой эмиграции.

В качестве членов своей организации арестованные называли несколько

одиозных фигур белой эмиграции, от которых они якобы получали информацию. В частности, был назван ротмистр Комаровский, подозревавшийся резидентурой в сотрудничестве с польской и британской разведками. Разразился скандал. Руководители РОВС затеяли свое собственное расследование, что вызвало серьезную обеспокоенность в белоэмигрантских кругах не только Югославии, но и в Европе в целом.

Проводившая официальное следствие югославская тайная полиция пыталась исключить утечку сведений об истинных делах белой эмиграции. Тем не менее информация о террористической деятельности РОВС и НТСНП дошла до Лиги Наций. В европейских средствах массовой информации печатались репортажи с судебного процесса, излагавшие показания Линицкого, и содержались призывы привлечь к суду и белогвардейские организации.

Суд признал Линицкого виновным лишь в «проведении коммунистической пропаганды в полицейской тюрьме в ходе следствия» и в «нанесении ущерба белоэмигрантской организации, связанного с кражей документов из сейфа». Линицкий был приговорен к двум годам и восьми месяцам каторжных работ в тюрьме для политических заключенных.

Находясь в заключении, Леонид Леонидович вступил в члены компартии Югославии, вел пропагандистскую работу среди заключенных. На неоднократные предложения югославских спецслужб о сотрудничестве он неизменно отвечал отказом, несмотря на угрозы физической расправы.

Из письма Линицкого матери, отправленного из тюрьмы 30 марта 1937 года:

«...Врагов своих презираю. Пощады от них не жду, не прошу. В правоту свою верю. Отечества своего не продаю, как это делают некоторые, а люблю и горжусь им, считаю его самым передовым и культурным. Не знаю, как другие, а мне с его заклятыми врагами не по дороге. Если бы имел две жизни, отдал бы их обе за него. На крохи, упавшие со стола иностранных победителей и поработителей родного мне народа, никогда не рассчитывал. Не считаю себя способным для этого».

А вот что Леонид Леонидович писал из тюрьмы своим детям 11 апреля 1937 года:

«Дорогие мои Галочка и Борисик. Вот уже скоро год, как я вас не видел. Не забывайте своего папу и хотя бы изредка вспоминайте о нем... Любите свою Родину и свой народ и служите им честно. Знайте, что ваш папа отдал за них все, что имел. Целую и благословляю вас...».

Отбыв полностью срок заключения, Л.Л. Линицкий в 1938 году через одну из европейских стран (руководители белой эмиграции отдали приказ

— живым Линецкого из Югославии не выпускать) был выведен в Москву. В Наркомате внутренних дел, где его встречали, поведение Линецкого перед лицом противника было признано «безупречным». «Свой долг перед Отечеством вы выполнили блестяще», — заявил ему один из руководителей Наркомата.

Однако... Шел 1938 год. В Москве Линецкому сообщили, что его мать была арестована в 1937 году и расстреляна как «несознавшаяся польская шпионка». Разведчику было предложено выехать в Харьков, где проживала его семья, и устроиться там на работу в больницу. В разведке места для него не оказалось.

Прибыв в Харьков, Леонид Леонидович стал работать врачом во 2-й городской больнице, затем — в военном госпитале. По его просьбе в Москве провели повторное рассмотрение дела матери. В 1940 году Линецкому сообщили, что его мал. была репрессирована по ложному доносу и полностью реабилитирована.

С начала Великой Отечественной войны Л.Л. Линецкий — военврач 2-го ранга в эвакогоспитале № 1027. Положение на советско-германском фронте с каждым днем осложнялось, и Линецкий направил рапорт на имя начальника 4-го управления НКВД СССР старшего майора госбезопасности Судоплатова. В документе он отмечал:

«Должен сказать, что не могу считать себя удовлетворенным решением моего вопроса, хотя бы и временным. Считаю, что мне, опытному и испытанному разведчику, профессиональному врачу, знакомому с радиоделом, прошедшему два курса подрывного дела, знающему парашют, мотоцикл, чекистские дисциплины, физически здоровому и закаленному, готовому к любым опасностям и испытаниям, можно было бы иметь другое применение, чем в нынешнее суровое время работать военврачом тылового госпиталя, где меня окружают одни женщины и инвалиды».

А 20 сентября 1941 года супруга Линецкого Екатерина Федоровна направила на имя наркома внутренних дел заявление, в котором, в частности, указывала:

«Имею некоторый опыт подпольной работы в тылу у врагов и подвергалась репрессиям с их стороны в период 1935–1936 годов.

В настоящий момент напряжения всех сил страны для отпора врагу, твердо решила отдать все свои силы, а если понадобится, и жизнь для этой великой цели.

Предлагаю себя для любой работы в тылу у врага. Желательно работать вместе с мужем, посвятившим уже себя этой деятельности.

Заверяю, что с честью выполню свой долг и пронесу незапятнанными через все испытания честь и достоинство гражданки великой страны социализма.

Прошу не оставить своим попечением двоих детей моих Галину и Бориса».

Линицкому предложили работу в тылу противника в составе одной из разведывательно-диверсионных групп. Не раздумывая, он дал согласие. Боевое крещение Линицкий принял летом 1942 года, во время наступления немцев на Сталинград. Участвовал он и в кровопролитных оборонительных боях вместе с отходящими частями Красной Армии.

Затем руководство разведки приняло решение использовать Линицкого для работы в Югославии, где развернулось широкое партизанское движение. После специальной подготовки в июне 1944 года Леонид Леонидович был выброшен с парашютом на территорию Югославии для координации действий с югославским движением Сопротивления.

Накануне отправки в тыл противника Линицкий подчеркивал в рапорте на имя руководства разведки:

«В отношении даваемых мне заданий, хочу предупредить начальство, что с моей стороны оно не услышит отказа даже в том случае, если задание будет связано с неминуемой гибелью. С моей стороны могут быть те или иные возражения, та или иная борьба мнений, но там, где кончается обсуждение и начинается боевой приказ — отказа не будет. Порукой в этом собственная моя жизненная философия, дело, которому я служу беззаветно.

...Имел случай испытать себя под пытками в условиях фашистского застенка и убедиться в том, что в состоянии через пытки пронести незапятнанными честь и достоинство гражданина и глубоко убежденного большевика».

Вместе с югославскими партизанами Линицкий активно участвовал в боевых действиях Народно-освободительной армии, совершал марши и одновременно добывал и сообщал в Центр важную разведывательную информацию. Во время боев он был контужен, но поста своего не оставил. Разведывательная работа Линицкого в Югославии продолжалась до освобождения страны.

За участие в движении Сопротивления Линицкий был награжден югославским боевым орденом «Партизанская звезда 3-й степени». Его боевой путь был отмечен и советскими орденами и медалями. В конце апреля 1945 года разведчик вернулся в Москву.

Вскоре Леонид Леонидович был снова направлен за границу для работы с нелегальных позиций. В качестве разведчика-нелегала он выехал для выполнения специального задания Центра в Индию, а затем — в

Китай. Работать ему приходилось в тяжелых климатических условиях. Давали о себе знать старые раны, однако разведчик и не помышлял о лечении, переезжая из страны в страну и успешно решая сложные оперативные задачи.

Линицкому предстояло легализоваться в одной из стран азиатского региона, а затем переехать в одну из капиталистических стран. В связи с началом «холодной войны» и разворачивавшейся гонкой вооружений он должен был наладить получение разведывательной информации о планах и практической деятельности предполагаемого противника. Однако эта работа была прервана его внезапной смертью.

25 января 1954 года полковник Линицкий скончался за границей от сердечной недостаточности. Его тело было перевезено в Москву. В документе, предназначенном для сотрудников внешней разведки и подписанном ее руководством, в частности, указывалось:

«При исполнении служебных обязанностей умер наш ценный нелегальный работник полковник Линицкий Леонид Леонидович... Он отдавал себя работе полностью, ставя общественные интересы выше личных. Готов был выполнить любое задание».

С воинскими почестями разведчик был похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище.

Глава 4. Сын Его Превосходительства

Октябрьская революция 1917 года расколола Россию на два враждующих лагеря. Большевики были вынуждены вести непримиримую борьбу с многочисленными врагами нового государства.

После окончания Гражданской войны в России у советской власти не осталось серьезных противников внутри страны. В то же время за границей действовало немало эмигрантских организаций, ставивших своей целью свержение большевистского режима. Лидеры потерпевшего поражение в Гражданской войне Белого движения, оказавшись за рубежом в результате эмиграции, пытались продолжать борьбу с Советами всеми доступными им способами и средствами. В этом их поддерживали и буржуазные правительства ряда иностранных государств.

В 20-х годах прошлого столетия число эмигрантов — выходцев из России составляло в Европе и Китае более одного миллиона человек. Безусловно, белая эмиграция не была однородной. Часть людей, бежавших за границу из-за страха перед советской властью, не собирались с этой властью бороться. Другие эмигранты, активно сражавшиеся против большевиков на полях Гражданской войны, объединялись за границей в боевые организации, главной целью которых было свержение советской власти в России.

Самой активной и агрессивной организацией белоэмигрантов того времени являлся Русский общевоинский союз (РОВС), созданный генералом Петром Врангелем из офицеров разгромленной Добровольческой армии. Штаб-квартира РОВС находилась в Париже, а филиалы располагались в ряде европейских городов. Он объединял в своих рядах около 100 тысяч бывших белых офицеров.

Террор и диверсии являлись главным оружием РОВС в борьбе против Советского государства. В Париже, а также в Праге, Софии, Берлине и Варшаве, где имелись филиалы Русского общевоинского союза, готовились боевые группы для заброски на советскую территорию с целью проведения терактов и организации вооруженных выступлений населения. Члены РОВС активно налаживали связи с контрреволюционным подпольем в России, чтобы получить возможность для свержения власти большевиков.

После смерти генерала Врангеля в 1928 году пост руководителя РОВС занял один из его заместителей генерал Александр Кутепов. Среди руководителей этой организации он являлся главным сторонником

террористической деятельности. В секретной инструкции для боевиков, разработанной Кутеповым, подчеркивалось: «План общей работы представляется в следующем виде — террор против... советских чиновников, а также тех, кто ведет работу по развалу эмиграции».

Публицист и историк С. Вычужанин по этому поводу пишет:

«В конце 1929 года генералом Кутеповым было решено активизировать диверсионно-террористическую работу против СССР. Стали готовиться группы офицеров-боевиков, в планы которых входило привлечение к работе абсолютно проверенного бактериолога с целью оборудования своей лаборатории для разведения культур инфекционных болезней (чума, холера, тиф, сибирская язва). Культуры бацилл на территорию СССР предполагалось доставлять в упаковках от духов, одеколона, эссенций, ликеров и др.

Целями терактов должны были служить все областные комитеты ВКП(б), губернские комитеты ВКП(б), партийные школы, войска и органы ОГПУ (у боевиков в наличии был список подобных 75 учреждений в Москве и Ленинграде с точным указанием адресов)».

Естественно, Москва не могла не учитывать потенциальной опасности, исходившей со стороны террористических организаций белой эмиграции и в первую очередь — со стороны РОВС, стратегической целью руководства которого являлось вооруженное выступление против советской власти. В этой связи основное внимание советской внешней разведки и ее резидентур отводилось работе по РОВС: изучению его деятельности, выявлению планов, установлению филиалов и агентуры на советской территории, разложению его изнутри и возможному влиянию на принятие решений руководством с помощью внедренной агентуры, срыву готовящихся диверсионно-террористических мероприятий.

В Положении о закордонном отделении Иностранного отдела ГПУ, утвержденном 28 июня 1922 года, указывались следующие первоочередные задачи советской внешней разведки в порядке их приоритетности:

- выявление на территории иностранных государств контрреволюционных организаций, ведущих подрывную деятельность против нашей страны;

- установление за рубежом правительственных и частных организаций, занимающихся военным, политическим и экономическим шпионажем;

- освещение политической линии каждого государства и его правительства по основным вопросам международной политики, выявление их намерений в отношении России, получение сведений об их

экономическом положении;

— добывание документальных материалов по всем направлениям работы, в том числе таких материалов, которые могли бы быть использованы для компрометации как лидеров контрреволюционных групп, так и целых организаций;

— контрразведывательное обеспечение советских учреждений и граждан за границей.

Как видно из приведенного выше документа, работе по проникновению в зарубежные контрреволюционные организации, которые проводили подрывную деятельность против Советского государства, отводилось в то время первостепенное место.

Кроме того, в Москве учитывали, что в случае новой войны в Европе под знаменами противников СССР могут выступить и полки бывшей Добровольческой армии, структура которой сохранилась и в эмиграции. Белые офицеры считали себя находящимися на военной службе, проходили переподготовку, изучали боевые возможности РККА.

Один из активных филиалов РОВС — балканский — располагался в Софии. Только на территории Болгарии проживало тогда более 30 тысяч белоэмигрантов, а всего в Балканских странах их насчитывалось около 100 тысяч. Большинство из бывших белых офицеров принимало непосредственное участие в деятельности балканского филиала, или, как его официально называли, — 3-го отдела РОВС. Проникнуть в балканский филиал РОВС — такое задание было поставлено руководством советской внешней разведки перед молодым сотрудником Николаем Абрамовым.

Николай Абрамов родился в 1909 году в Варшаве в семье полковника русской армии Федора Федоровича Абрамова. Его отец был участником Русско-японской и Первой мировой войн и впоследствии дослужился до звания генерала. В Гражданскую войну сражался против красных в рядах Вооруженных сил Юга России, командовал одним из донских казачьих корпусов, разгромленных в 1919 году конницей Буденного. После окончательного поражения белых, перед тем как покинуть Россию, Федор Абрамов тайно приехал проститься с семьей в Ржев, где в то время проживали его близкие: мать, жена и сын.

Два года с остатками своего корпуса генерал Абрамов скитался по Турции, а затем, когда солдаты разбежались и корпус перестал существовать, перебрался в Болгарию и осел в Софии. Там его превосходительство генерал-лейтенант Абрамов через некоторое время возглавил 3-й (балканский) отдел Русского общевойскового союза и одновременно стал одним из заместителей его руководителя.

Вскоре после окончания Гражданской войны скончалась жена генерала, и Абрамов решил вывезти своего двенадцатилетнего сына Николая из Советской России. Он послал за мальчиком казачьего есаула, который нелегально пробрался в Одессу, а оттуда приехал в Ржев. Однако бабушка, с которой Николай в то время жил, наотрез отказалась отпускать внука в чужую страну. Да и сам Николай не захотел расставаться с Россией.

После окончания в 1926 году средней школы Абрамов-младший стал трудиться чернорабочим. Жил у сестры отца, так как бабушка к тому времени тоже умерла. Позже работал в Осоавиахиме в городе Новороссийске.

В 1929 году Николай был призван на военную службу и направлен на Черноморский флот. Полного сил и здоровья юношу, вдобавок хорошего спортсмена, зачислили в водолазную школу в Балаклаве. Окончив ее, он получил назначение водолазом в Экспедицию подводных работ особого назначения (ЭПРОН) при ОГПУ на Черном море. Принимал непосредственное участие в поисках и подъеме потопленных во время Гражданской войны кораблей и судов. Однажды в ходе одной из таких операций при расчленении корпуса затонувшего крейсера Николай был серьезно контужен взрывной волной. С профессией водолаза пришлось расстаться.

В период службы в ЭПРОН сын белогвардейского генерала вступил в комсомол. Он был воспитан своей теткой, которая искренне и всей душой восприняла идеи большевистской революции.

К 1930 году перед Иностранным отделом ОГПУ со всей остротой встала задача по непосредственному проникновению в РОВС, причем в одно из его штабных подразделений. Ведь именно там находились сведения о действующей в СССР агентуре, а также о формах и методах ее подготовки и вывода в Советский Союз. Одним из таким подразделений безусловно являлся расположенный в Софии 3-й (балканский) отдел РОВС.

Далеко не каждый сотрудник внешней разведки подходил для решения этих задач. Руководство Иностранного отдела ОГПУ вело активный поиск и изучение лиц, которые в силу сложившихся обстоятельств смогли бы проникнуть в центральные органы РОВС. Выбор пал на Николая Абрамова — сына руководителя софийского филиала организации.

Видный советский разведчик Дмитрий Федичкин, принимавший в то время непосредственное участие в подготовке Абрамова к выводу за границу, позднее вспоминал:

«Руководство ОГПУ решило направить Николая в Болгарию. Он был предан советской власти, мужествен, инициативен. Его появление в Софии

не должно было вызвать подозрений. Вполне резонно, что после смерти матери и бабушки, став самостоятельным, Николай пожелал воссоединиться со своим отцом.

Но тут возникла очень серьезная нравственная проблема: сын против отца. Можно привести множество примеров, когда дети не разделяют взглядов своих отцов, поступают вопреки их воле. Но тут было совершенно другое: чтобы обезвредить антисоветские действия РОВС, Николай должен был скрывать от отца свое истинное лицо. По этому поводу у нас, причастных к этой операции, шли бурные дебаты. Одни говорили, что неэтично, безнравственно побуждать сына скрытно действовать против родного отца. Другие стояли на совершенно противоположной позиции: ничего безнравственного тут нет! Сын защищает свое отечество от происков врага, сбежавшего за кордон. И совсем неважно, что врагом этим оказался родной отец.

— Успокойтесь, товарищи, — сказал член Коллегии ОГПУ Артур Артузов. — Надо прежде всего выяснить, что думает по этому поводу сам Николай Абрамов. Я поеду к нему.

И Артузов поехал в Севастополь, где в то время проживал Николай. Молодой человек с вполне понятным волнением слушал представителя внешней разведки. Артузов рассказал ему о совершенных в недавнем прошлом боевиками РОВС террористических акциях в Москве и Ленинграде, в результате которых погибло много людей. Как показало расследование, боевики проходили подготовку в балканском филиале РОВС, которым руководил отец Николая — генерал Абрамов.

— Я вас не тороплю, подумайте хорошенько, — подчеркнул Артузов. — Только вы можете решить, хватит ли у вас мужества и выдержки, чтобы, живя в одном городе, в одном доме с отцом, действовать против его воли, замыслов, планов. Мы неволить не станем и никаких претензий к вам иметь не будем. Но если согласитесь, буду рад видеть вас в Москве.

...Через несколько дней Николай выехал в Москву. А.Х. Артузов принял его и имел с ним еще один большой разговор».

В 1930 году Николай Абрамов стал сотрудником Иностранного отдела ОГПУ (оперативный псевдоним — «Ворон»). Он прошел соответствующую разведывательную подготовку с учетом будущей заброски в Болгарию.

«Ворона» направляли в Софию с очень серьезным заданием. Ему предстояло проникнуть в РОВС, вскрыть его антисоветские планы, парализовать и предотвратить, насколько возможно, его практическую

подрывную деятельность. Он не скрывал перед своими кураторами из Центра, что не хотел бы бороться лично против отца, как человека, а намерен попытаться повлиять на него, чтобы тот снизил свою антисоветскую активность.

В октябре 1931 года «Ворон» был выведен за кордон по линии внешней разведки. Он был устроен матросом на советское судно дальнего плавания «Герцен». Совершавший регулярные рейсы в Гамбург пароход был приписан к Ленинградскому порту, где «Ворона» никто не знал. Во время первого же своего заграничного плавания в конечном пункте назначения он сошел на берег и на борт «Герцена» не вернулся. Из Гамбурга «Ворон» поехал поездом в Берлин, рассчитывая оттуда добраться до Софии. Однако в столице Веймарской Республики его арестовали и посадили в тюрьму. Выручил генерал фон Лампе — соратник отца и руководитель германского филиала РОВС. Он добился освобождения «Ворона», дал ему денег на дорогу и отправил в Болгарию.

Вскоре «Ворон» был тепло встречен отцом и его ближайшим окружением. Он объяснил им, почему бежал из Советского Союза: оставаться там сыну белого генерала, одного из руководителей антисоветской организации, было опасно.

С первых дней пребывания в Софии 22-летний «Ворон» приступил к выполнению задания Центра. При помощи отца и его сподвижников он быстро внедрился в белоэмигрантские круги. Разведчик тщательно изучал балканский филиал Русского общевойскового союза и боевую группу 3-го отдела, возглавляемую капитаном Фоссом. Систематически в Москву поступали копии корреспонденции Фосса и генерала Абрамова, ценные сведения, которые в дальнейшем были использованы для нанесения ущерба репутации Фосса и других руководящих деятелей РОВС. Позже «Ворон» принимал непосредственное участие в компрометации активного антисоветчика журналиста Ивана Солоневича.

Начав разведывательную работу в одиночку, «Ворон» в дальнейшем создал работоспособную группу, которая полностью контролировала деятельность основных белоэмигрантских организаций в Болгарии. Существенную помощь разведчику оказывали, в частности, входившие в группу его жена Наталья и теща.

Александра Семеновна — мать жены «Ворона» — была врачом-стоматологом, ее кабинет и квартира находились в особняке, располагавшемся неподалеку от помещения филиала РОВС. В двадцатые годы она приехала с малолетней дочерью Наташей из СССР в Болгарию к мужу, случайно оказавшемуся там в эмиграции в годы Гражданской войны

и получившему болгарское подданство. К сожалению, затем брак распался. Александра Семеновна считала свой отъезд из Советского Союза ошибкой и надеялась когда-нибудь вернуться домой.

Буквально с первых дней знакомства с «Вороном» (а познакомил их генерал Абрамов, который поддерживал с Александрой Семеновной дружеские отношения) она прониклась симпатией к молодому человеку. Довольно скоро Александра Семеновна и ее дочь превратились в его надежных помощников в разведывательной работе. А весной 1933 года молодые люди сыграли свадьбу.

Как врач, Александра Семеновна общалась со многими руководящими сотрудниками софийского филиала РОВС и из их рассказов узнавала многое о делах и планах организации. Квартиру стоматолога советская разведка начала использовать в качестве явки. Время от времени в ней появлялись приезжавшие в Софию из стран Западной Европы связные. Через них передавались в Центр важные сведения.

Заняв постепенно довольно заметное положение в балканском филиале РОВС, «Ворон» получил доступ к весьма цепной информации о деятельности всей этой организации. С 1935 года, после установления дипломатических отношений между Болгарией и СССР, связь «Ворона» с Центром стала регулярной. Постоянный контакт с разведчиком поддерживал руководитель «легальной» резидентуры НКВД в Софии — атташе советского посольства Василий Яковлев.

Активный советский разведчик довоенного периода Василий Пудин, работавший во второй половине 1930-х годов в Болгарии, вспоминал:

«В 1936 году я был направлен в Болгарию заместителем резидента (резидентом в то время был Василий Терентьевич Яковлев). Дипломатические отношения СССР с царской Болгарией были установлены за год до моего назначения.

Агентурно-оперативная обстановка в царской Болгарии того времени была исключительно сложной. В те годы в стране проживало много белогвардейцев, враждебно настроенных против советской власти. Установление дипломатических отношений между Болгарией и СССР вызвало большое недовольство в среде белой эмиграции. Ее представители всячески препятствовали развитию нормальных отношений между нашими странами.

Ко времени установления дипломатических отношений «Ворон» уже стал своим человеком в штабе 3-го отдела РОВС и в болгарской политической полиции. Он возмужал, приобрел многочисленные связи, женился на русской эмигрантке, которую привлек к разведывательной

работе.

Проникновение «Ворона» в руководящие круги белой эмиграции в Болгарии происходило умело, без спешки. Безусловно, основную роль в этом сыграло положение его отца, а также наличие у разведчика широких знакомств в его окружении».

Искусно маневрируя, «Ворон» сумел войти в доверие не только к контрразведчикам из РОВС, но и к представителям болгарской политической полиции.

Начальник контрразведки РОВС, являвшийся одновременно начальником отделения болгарской политической полиции, выходец из старой русской эмиграции капитан Браунер стал обращаться к «Ворону» за консультациями по «советским вопросам». Браунер имел непосредственное отношение к подготовке и заброске в СССР террористов и диверсантов, и советы бывшего советского гражданина были, как он считал, весьма полезны для боевиков. Время от времени «Ворон» давал им такие консультации непосредственно перед отправкой на задание. Его авторитет был настолько высок, что в Софию стали направлять на окончательную «шлифовку» боевиков из других филиалов РОВС — из Парижа и Хельсинки. Естественно, данные на этих людей Центр получал без промедления.

Среди белой эмиграции в Болгарии особую активность проявляла молодежь. Она обвиняла старую эмиграцию в том, что та, по ее мнению, работает неумело, а засылаемые на территорию Советского Союза боевики, как правило, обезвреживаются чекистами. Наиболее агрессивно настроенные молодые люди, входившие в организацию «Национально-трудовой союз нового поколения», приняли решение совершить в Болгарии террористические акты против советских дипломатов. Их идею поддержали и некоторые местные реакционеры, в частности, уже упоминавшийся капитан Браунер. Группа, в которую входили шесть человек, в том числе «Ворон» и капитан Фосс, должна была убить советского посла в Болгарии Раскольникову.

«Ворон» не только немедленно проинформировал Центр о предстоящем покушении, но добыл и передал фотокопию детального плана этой операции. МИД СССР было дано указание немедленно заявить официальный протест Болгарии в связи с готовящимся преступлением.

Провокация боевиков была сорвана, однако «Ворон» попал под подозрение. Хотя против него и не имелось прямых улик, но остальные участники неудавшегося террористического акта были столь яркими врагами СССР, что заподозрить их в симпатиях к большевикам и тем более

в связях с советской разведкой было невозможно.

Срыв операции по ликвидации советского посла и реакция на ее подготовку официальных болгарских властей заставили генерала Абрамова пересмотреть свое отношение к организации террористических актов. На основании сведений, полученных советской внешней разведкой непосредственно из штаб-квартиры РОВС в Париже, Иностранный отдел составил спецсообщение для руководства НКВД, в котором, в частности, отмечалось:

«Иностранным отделом получены сведения, что генерал Абрамов, заместитель председателя РОВС и начальник 3-го отдела РОВС, и его ближайший помощник по террористической работе капитан Фосс считают, что в настоящих тяжелых политических условиях вся активная работа террористического характера должна производиться только внутри СССР. Никаких терактов за границей не должно быть, так как все акты, кроме небольшого эффекта, ничего не дают и в то же время могут быть уничтожены организации, которые ведут какую-либо работу в направлении СССР.

Абрамов и Фосс высказывают опасения, что не исключается возможность провокации с чьей-либо стороны террористического акта, что повлечет уничтожение тех связей и отношений болгарского правительства к русским эмигрантам, которые достигнуты сейчас.

Абрамов и Фосс считают, что в настоящее время вся активная работа РОВС должна быть централизована, ибо лишь в таком случае они видят какую-либо продуктивность и возможность какого-либо общего действия и контроля».

Шло время. «Ворон» продолжал снабжать Центр исключительно важной информацией. Неудача с покушением на советского посла, казалось, уже забыта. Но через полтора года после этого у «Ворона» состоялся серьезный разговор с отцом, который высказал предположения о его сотрудничестве с большевиками. «Оскорбившись», сын перестал посещать РОВС, встречаться с членами этой организации и бывать в болгарской политической полиции.

Позже жена «Ворона» Наталья Афанасьевна вспоминала:

«Мы жили с мамой и Николаем Федоровичем как на вулкане. Семь лет на краю пропасти. Если бы теперь мне кто-нибудь сказал, что можно долгие годы принимать у себя дома смертельного врага, улыбаться, подставлять щечку для поцелуя, кормить его любимыми блюдами, я бы ни за что не поверила. Но так было... А потом наш «милый друг» Александр Браунер, долго подбиравший «ключик» к моему мужу, стал утверждать, что

передача большевикам плана покушения на посла — дело рук Николая».

Выяснилось, что все это время капитан Браунер настойчиво пытался найти причины срыва операции. И его усилия не пропали даром. В середине 1937 года руководство софийского отделения РОВС пришло к выводу о возможной связи «Ворона» с советской разведкой и начало его активную разработку.

Жизнь разведчика в Софии все более усложнялась, и тогда он по согласованию с Центром решил покинуть Болгарию. Это устраивало всех: и семью «Ворона», и отца-генерала, и Браунера, и болгарскую политическую полицию. Однако внезапно из Парижа пришла весть о таинственном исчезновении руководителя РОВС генерала Миллера. «Ворон» был арестован по подозрению в причастности к похищению генерала.

Браунер допрашивал «Ворона» с пристрастием — избивал чулком, наполненным мокрым песком. Разведчик выдержал все пытки. Через неделю его выпустили из тюрьмы и предложили покинуть Болгарию. В газетах было сообщено, что «Николай Абрамов с женой высылаются из страны». Браунер выделил для сопровождения супругов двух агентов тайной полиции, которые получили приказ: уничтожить советского разведчика при переходе границы. Об этом стало известно резидентуре. Было решено подкупить сопровождающих. Это удалось, и супруги благополучно прибыли в Париж.

В Париже Абрамовым были вручены новые документы, и они выехали в Советский Союз. Возвратившись на Родину, Николай Федорович Абрамов и его супруга Наталья Афанасьевна работали в Управлении НКВД по Воронежской области.

Через полгода генерал Абрамов обратился к теще Николая и на правах родственника попросил ее поехать во Францию, найти там зятя и уговорить его возвратиться в Болгарию. Он подчеркнул, что весьма сожалеет о размолвке с сыном. Александра Семеновна согласилась и выехала во Францию. Генерал Абрамов, естественно, не знал, что сватья помогала Николаю и работала на советскую разведку. С согласия Центра она выехала сначала в Париж, а оттуда направилась прямо в Москву.

...С первых дней Великой Отечественной войны Николай Абрамов неоднократно обращался к руководству НКВД с просьбой послать его на фронт. Однако ему предложили выехать в составе разведывательно-диверсионной группы чекистов на подпольную оперативную работу в оккупированную немецко-румынскими войсками Одессу в распоряжение уже находившегося там сотрудника центрального аппарата НКВД

резидента-нелегала Владимира Молодцова (впоследствии удостоенного посмертно звания Героя Советского Союза). Вместе со своими товарищами Николай Абрамов участвовал в диверсионных и других боевых операциях. Последнее письмо от него, адресованное жене и ее матери, было датировано 11 сентября 1941 года. Вскоре в одной из схваток Николай Абрамов погиб. Было ему всего 32 года.

22 сентября 1937 года в Париже сотрудниками советской внешней разведки был похищен руководитель РОВС генерал Миллер. Его доставили в Москву, предали суду и в мае 1939 года расстреляли.

После похищения Миллера руководителем РОВС стал генерал Абрамов, которого позже сменил генерал Шатилов (начальник 1-го отдела). Никому из них не удалось сохранить РОВС как дееспособную и боевую силу. Советская разведка, дезорганизовав и разложив Русский общевоинский союз, лишила гитлеровскую Германию и ее союзников возможности активно использовать в войне против СССР более 20 тысяч членов этой организации. Большая заслуга в этом принадлежала и Николаю Федоровичу Абрамову.

Глава 5. Семейная резидентура

Среди громких имен выдающихся сотрудников внешней разведки нашей страны видное место принадлежит разведчику Василию Михайловичу Зарубину. Работе за рубежом он отдал почти четверть века, в том числе тринадцать лет провел в нелегальных условиях. В ряде стран возглавлял «легальные» и нелегальные резидентуры.

Фамилия Зарубина, долгие годы выполнявшего ответственные задания Родины в суровых условиях подполья в зарубежных государствах, золотыми буквами вписана в историю отечественных спецслужб.

Во многих командировках с ним активно работала его жена и боевой товарищ Елизавета Юльевна.

Василий Зарубин родился 4 февраля 1894 года в деревне Панино Бронницкого уезда Московской губернии в семье железнодорожника. Его отец, Михаил Терентьевич, был кондуктором товарного поезда станции Москва-Курская Нижегородской железной дороги. Он являлся членом РСДРП, до революции 1917 года высылался административно из Москвы, а во время Гражданской войны был командирован на Восточный фронт начальником головного технического поезда. Мать, Прасковья Абрамовна, работала полумойкой и прачкой. Кроме Василия в семье было еще 12 детей.

Уже с 1908 года начались «рабочие университеты» Василия. После окончания двухклассного училища при Московско-Курской железной дороге он был отдан «в люди» и стал работать мальчиком в торговой фирме купца Лыжина. Работая, Василий продолжал учиться и через несколько лет дослужился до конторщика.

С началом Первой мировой войны Зарубин был призван на фронт и воевал до 1917 года. Находясь в действующей армии, он вел антивоенную агитацию, за что был сдан в штрафную роту. В марте 1917 года получил ранение и был направлен на излечение в военный госпиталь в Воронеж. По возвращении в часть был избран в полковой комитет солдатских депутатов.

После победы Октябрьской революции 23-летний Василий Зарубин решительно встал на сторону победившего пролетариата и связал свою дальнейшую жизнь со службой в армии: в 1918–1920 годах воевал на различных фронтах Гражданской войны, а также боролся с бандитизмом в тылу Красной Армии, вылавливая бандитов и диверсантов.

На молодого, способного красноармейца обратили внимание чекисты

Особого отдела Южного фронта, и в 1920 году по их рекомендации он был направлен на работу в органы ВЧК. Здесь Василий продолжает борьбу с бандитами, проявляя оперативную смекалку, находчивость, умение самостоятельно действовать в сложной обстановке. В 1923 году руководство ГПУ при НКВД РСФСР приняло решение назначить его начальником экономического отдела ГПУ во Владивостоке. Зарубину было поручено организовать борьбу с контрабандой наркотиков и оружия.

В те годы международные торговцы оружием и наркотиками направляли свои «товары» в Европу и Китай через Владивосток, Здесь они перегружали свой смертоносный груз и направляли его дальше по железной дороге как транзитный. Это позволяло им избегать строгого таможенного контроля, поскольку транзитные грузы не досматривались.

Подобные махинации международных торговцев оружием были вскрыты чекистами под руководством Зарубина. В 1924 году ими была конфискована большая партия оружия и боеприпасов, предназначенная для враждовавших между собой китайских генералов.

В том же году по решению руководства контрразведки Зарубин из Владивостока был командирован в Китай для выполнения ответственного поручения, связанного с работой по белогвардейской эмиграции. В Китае он находился под прикрытием технического сотрудника советского Генконсульства в Харбине. Задание было успешно выполнено, а на молодого чекиста, умеющего завязывать оперативные связи с иностранцами, обратило внимание руководство закордонной разведки органов госбезопасности. Тем более к тому времени он уже прилично владел французским, немецким и английским языками.

Уже в 1926 году Василий Зарубин был направлен руководителем «легальной» резидентуры в Финляндию, где скопилось большое количество белогвардейских эмигрантских организаций. Разведчик быстро освоился с обстановкой, и в Центр регулярно стала уходить секретная информация о планах белогвардейцев и их покровителей против нашей страны.

В 1927 году британские власти, используя в качестве предлога сфабрикованную белогвардейцем В. Орловым фальшивку — так называемое «письмо Зиновьева Коминтерну»^[4], разорвали дипломатические отношения с СССР. Руководство Иностранного отдела приняло решение сделать акцент на ведении разведки в европейском регионе с нелегальных позиций. В связи с этим Зарубин был отозван в Москву и сразу же направлен в Данию в качестве резидента нелегальной резидентуры.

Путь лежал через Стокгольм, где Василий должен был встретиться с работниками Центра и получить от них новые документы и инструкции. Встреча была назначена в ресторане, разведчики сидели и разговаривали о предстоящем обустройстве Василия. Вдруг Зарубин увидел, что к нему направляется улыбающийся человек, лицо которого показалось ему знакомым. Василий мгновенно вспомнил, что это бывший представитель германо-китайской фирмы Шумский, который в период его работы во Владивостоке пытался всучить ему взятку за провоз оружия через таможеню.

Решение созрело мгновенно. Разведчик быстро встал и направился навстречу Шумскому, чтобы не дать ему разглядеть сотрудников Центра.

— Василий Михайлович, как я рад вас видеть! Как живете, как ваши жена и дочка? Вы что же, теперь по торговой линии работаете? Где вы остановились? В посольстве?

Зарубин ответил, что рад встрече, что теперь работает в Наркомате внешней торговли в Москве, а в Стокгольм прибыл для подписания контракта со знаменитой шведской фирмой по производству шарикоподшипников, и предложил Шумскому побеседовать после того, как закончит деловую встречу с коллегами.

Предупрежденные Василием сотрудники Центра через некоторое время ушли, предварительно договорившись, что один из них будет ждать его в машине у ресторана. Шумский сел за столик Зарубина и заказал вина. Разговор ограничился обменом любезностями. Оперработнику удалось отделаться от назойливого собеседника, предложив ему встретиться на следующий день, чтобы вместе пообедать. Случайная встреча вроде бы закончилась для него благополучно, однако молодому нелегалу пришлось сократить свое пребывание в Швеции и срочно выехать в Данию, чтобы не «засветиться».

Возвратившись через год в Москву, Зарубин становится особоуполномоченным Закордонной части ИНО ОГПУ СССР. Именно в это время состоялось его знакомство с Лизой Горской, сотрудницей советской нелегальной разведки, на которой он женился в 1928 году. Следует отметить, что Елизавета Зарубина проработала в нелегальной разведке более двадцати лет. В ее послужном списке были десятки важных оперативных мероприятий, приобретение ценных источников информации и агентурных связей.

Наша справка:

Елизавета Юльевна Зарубина (в девичестве — Розенцвейг) родилась 1 января 1900 года в селе Ржавенцы Хотинского уезда Северной Буковины,

которая в то время была частью Австро-Венгрии, затем отошла к Румынии, а сегодня входит в состав Черновицкой области Украины. Ее отец, Юлий Розенцвейг, был арендатором и управляющим лесным хозяйством в крупном имении. Владелец имения, польский помещик Гаевский, в основном проводил время в игорных домах и клубах Бухареста, Будапешта и Вены. Всеми делами имения ведал отец Лизы. Образованный и начитанный, он любил русскую литературу и сумел привить любовь к России своим детям.

Юность Лизы совпала с годами Первой мировой войны. Когда в Петрограде победила революция, ей было семнадцать лет и она уже училась в Черновицком университете на историко-филологическом факультете. Проучившись более трех лет в этом университете, Лиза стала уговаривать отца отправить ее в Париж. Поскольку к тому времени Первая мировая война уже закончилась, а в Восточной Европе обстановка становилась нестабильной из-за назревавших революционных событий, отец согласился на ее перевод в Сорбоннский университет. Но в Сорбонне Лиза проучилась всего один год: к тому времени она, как и многие ее сверстники, уже бесповоротно выбрала путь революционной борьбы и стремилась быть в гуще, как она считала, исторических событий. Лиза перебирается ближе к родному дому, в Вену, и становится студенткой Венского университета, уже третьего в своей жизни. В июне 1924 года она завершила учебу и стала дипломированным переводчиком с немецкого, французского и английского языков. Кроме того, девушка свободно владела идиш, румынским и русским языками, на которых разговаривали в семье.

Еще в 1919 году, когда Буковина вошла в состав Румынии, Лиза активно включилась в революционную борьбу. Этому в определенной мере способствовала ее двоюродная сестра, известная румынская революционерка Анна Паукер, которая привлекла к подпольной борьбе не только Елизавету, но и ее брата. В 1919 году Анна Паукер организовала подпольные молодежные отряды, боровшиеся за социалистическую Румынию. Лиза по заданию Анны писала и распространяла революционные листовки, проводила беседы в рабочих кружках, исполняла обязанности связной. Ее брат вступил в отряд боевиков коммунистического подполья, участвовал в вооруженных стычках с полицией, неоднократно арестовывался и дважды бежал прямо из зала суда. В 1922 году он был убит в перестрелке с сигуранцей. После Второй мировой войны Анна Паукер стала членом политбюро Румынской рабочей партии и министром иностранных дел. Но в результате жесткой внутривластной борьбы в конце сороковых годов погибла по ложному навету.

Насыщенная политическая жизнь превратила юную Лизу Розенцвейг в стойкую революционерку. В июне 1923 года она вступает в коммунистическую партию Австрии и получает партийный псевдоним — Анна Дейч. После окончания университета в 1924 году будущая разведчица, в семье которой страстно любили Россию и все русское, поступает на работу в советское дипломатическое представительство в Вене в качестве переводчика. Революционная биография Лизы, ее искренние симпатии к Советскому Союзу, а также отличное знание многих иностранных языков привлекли внимание к ней представителей Иностранного отдела ОГПУ, работавших под прикрытием советского полпредства.

В этот период Лиза вышла замуж за румынского коммуниста Василя Спиру и некоторое время носила его настоящую фамилию — Гутшнекер. Правда, отношения их не сложились и брак оказался недолгим.

На первых порах представители ИНО ОГПУ дают Лизе несколько несложных поручений. Ее тщательно проверяют, а затем, убедившись в честности, надежности, хладнокровии и недюжинных разведывательных способностях, в марте 1925 года принимают на работу в разведку. Вскоре Елизавета получает советское гражданство и из австрийской компартии переходит в ВКП(б).

Начинающая разведчица получает свой первый оперативный псевдоним — «Эрна». Первое время она работает в Австрии, являясь сотрудницей резидентуры ИНО в Вене. Для выполнения специальных заданий выезжает в Турцию и во Францию, причем в последней работает с нелегальных позиций. В период работы в Вене «Эрне» удалось привлечь к сотрудничеству ряд важных источников информации.

В феврале 1928 года разведчица впервые приехала в Москву. Под фамилией Горская ее зачислили в кадровый состав Иностранного отдела. Рекомендовал ее для работы во внешней разведке один из руководителей ИНО ОГПУ Иван Васильевич Запорожец. В том же году Лиза Горская вышла замуж за уже известного в то время разведчика Василия Зарубина. До брака с Лизой Василий Михайлович уже был женат и у него росла дочь Зоя.

Впоследствии Зоя Васильевна Зарубина в одной из своих книг писала:

«Вообще отец был очень добрый человек и до глубины души русский. Я не могу не сказать о нашей замечательной Лизочке. Язык у меня не поворачивается назвать ее мачехой. Это была не просто любящая жена, а добрый, чудесный человек. И вот это был образец нормальной, хорошей семьи. С одной стороны — русская часть, много родственников. С другой

стороны — еврейская часть, тоже много родственников. И все жили очень дружно».

После брака Василия и Лизы руководство разведки принимает решение направить чету Зарубиных на нелегальную работу с перспективой их использования по Франции. Такое решение было вызвано тем, что Англия, как мы уже отмечали, в 1927 году под надуманным предлогом разорвала дипломатические отношения с СССР, готовилась последовать этому примеру и Франция. Подобная ситуация резко снижала возможности работы «легальных» резидентур советской разведки, действовавших под прикрытием официальных дипломатических представительств страны. А обстановка в Европе накалялась. Белогвардейская эмиграция стала открыто говорить об организации нового «крестового похода» против Советского Союза.

Так началась тайная жизнь супругов Зарубиных за рубежом. Для легализации Василий и Лиза должны были выехать в Данию и создать там условия для дальнейшей работы.

Чтобы осесть в стране, необходимо было создать надежное прикрытие, найти занятие, которое оправдывало бы их пребывание в ней. Копенгаген не случайно был выбран Центром для проживания разведчиков: обстановка в нем была спокойной, полиция мало интересовалась деятельностью иностранцев, если они, конечно, не нарушали местных законов. В Дании разведчики-нелегалы выдавали себя за чешских коммерсантов — супругов Кочек.

В первые дни пребывания в Копенгагене разведчики познакомились с семьей некоего Нильсена — владельца небольшой оптовой фирмы. Знакомство быстро переросло в дружбу, и вскоре Зарубин стал компаньоном коммерсанта. В дальнейшем с помощью фирмы Нильсена разведчики-нелегалы получили разрешение на длительное проживание в Дании.

Легализация Зарубиных прошла благополучно. Можно было приступать к непосредственной разведывательной работе. Однако спустя некоторое время из Центра пришло указание Зарубину срочно прибыть в Швецию для обсуждения дальнейших планов его разведывательной деятельности. В телеграмме разведчику предлагалось прибыть в Стокгольм одному; подразумевалось, что возвращаться в Данию ему не придется.

В Швеции Зарубин встретился с одним из руководящих сотрудников Иностранного отдела. Тот сообщил разведчику, что руководство ИНО приняло решение направить супругов на нелегальную работу во Францию. Там Зарубины должны были осесть на длительное проживание, создать

нелегальную резидентуру, наладить линии связи с Центром, подобрать курьеров, подыскать конспиративные квартиры, принять на связь ряд агентов-нелегалов и заняться приобретением новых источников информации.

Представитель Центра предложил прекратить отношения с Нильсенами. В ответ на возражения Василия представитель Центра заявил, что сейчас работа во Франции важнее, чем в Дании, тем более что его жена несколько лет жила в Париже, прекрасно владеет французским языком и знает эту страну.

На встрече с представителем Центра было решено, что пока супруга будет завершать дела в Копенгагене, Василий пройдет «стажировку» на юге Франции, «акклиматизируется» и присмотрится к новой обстановке.

Зарубин прибыл в небольшой курортный городок Антиб на юге Франции. Поселившись в пансионе, он получил французские водительские права и вскоре за небольшую сумму приобрел подержанную автомашину престижной марки.

На Лазурном берегу Василий познакомился с молодой француженкой по имени Мая, студенткой Сорбонны. Выяснилось, что ее родители некогда проживали в России, но за участие в революции 1905 года были высланы во Францию. Узнав, что Зарубин намеревается переехать в Париж, Мая дала ему свой адрес.

Вскоре к Василию в Антиб из Дании приехала Лиза, и они вместе направились в Париж, где остановились в небольшой гостинице. Спустя некоторое время Василий навестил Маю и познакомился с ее родителями, которые не скрывали своих революционных взглядов и симпатий к Советской России. В дальнейшем родители Маи были привлечены к секретному сотрудничеству с советской нелегальной разведкой. Сотрудничать с советской разведкой стали также Мая и ее родной брат. Один раз Мая даже возила срочную почту в Москву, неоднократно ездила за почтой в гитлеровскую Германию. Ее брат заводил знакомства с офицерами-спортсменами, от которых получал интересную информацию. Во время гражданской войны в Испании он воевал в интербригаде. В годы Второй мировой войны командовал крупным партизанским отрядом во французском движении Сопротивления и закончил военную службу в чине полковника. Разведывательная работа этой агентурной группы продолжалась более двадцати лет.

После переезда в Париж перед супругами Зарубиными встал вопрос о месте постоянного проживания. Их выбор пал на живописный городок Сен-Клу в предместье французской столицы. Здесь они сняли небольшой

меблированный домик, стоявший на горе, а машину держали в коммерческом гараже. Однажды, когда Василий по договоренности с владельцем гаража ремонтировал свою машину, француз, наблюдавший за его работой, предложил ему войти с ним в пай, чтобы расширить дело. Василий обещал подумать, отметив, что у него нет разрешения на постоянное проживание в стране. Француз заметил, что это не проблема, поскольку у него хорошие связи в местной полиции и он запросто уладит этот вопрос.

Спустя некоторое время супруги Зарубины получили в местной мэрии постоянный вид на жительство во Франции и стали компаньонами владельца автомобильного гаража. В дальнейшем он познакомил Василия и Лизу со своими многочисленными знакомыми, принадлежавшими в основном к мелкой буржуазии. Обращение нейтральными связями способствовало легализации разведчиков в стране. Настало время приступать непосредственно к разведывательной работе. Но для этого разведчикам необходимо было переехать в столицу. А это означало, что Василию нужно было подобрать нового надежного компаньона, с помощью которого можно было бы вести все коммерческие дела уже в Париже. И такой компаньон нашелся. Вместе с ним Зарубину удалось создать небольшую рекламную фирму.

В Париже Василий Михайлович и Елизавета Юльевна прожили четыре года. Там же у супругов родился сын Петр. В течение этого времени Зарубины не порывали связи с владельцем гаража в Сен-Клу, который вместе с семьей часто навещал их и очень лестно отзывался о них в кругу своих знакомых.

Вначале фирма Зарубина делала рекламу на кулинарные темы. Затем перешла на изготовление кинорекламы — плакатов, изображающих кинозвезд в полный рост, которые выставлялись около кинотеатров, где демонстрировались кинофильмы с их участием. Связь с известными киностудиями и прокатными компаниями создала предприятию хорошее имя. На счет фирмы стали поступать средства из различных городов Франции. Позднее фирма начала делать рекламу на экспорт, что поощрялось французскими властями, поскольку это способствовало притоку иностранной валюты в страну. Солидность фирмы позволила Василию стать членом одного из ведущих спортивных клубов, что создавало хорошие условия для ведения разведывательной работы.

Занимаемое Зарубиным солидное положение во Франции не вызывало каких-либо подозрений к нему со стороны местных спецслужб. Разведчик пользовался авторитетом во французских деловых кругах и сумел наладить

получение информации, касающейся внутренних и международных проблем.

Однако основная задача, поставленная Центром перед нелегальной резидентурой Зарубина, заключалась в сборе информации по Германии. Выполняя ее, Зарубин завербовал французского журналист-антифашиста, стенографистку германского посольства, технического секретаря одного из депутатов французского парламента. От этих источников на постоянной основе поступала информация, представлявшая большой интерес для Центра.

Разведчики-нелегалы Зарубины активно работали и по белогвардейской эмиграции. В частности, в Париже они поддерживали связь с ценным агентом ОГПУ, бывшим царским генералом Павлом Павловичем Дьяконовым, который в прошлом занимал пост военного атташе России в Англии, а в 1920 году переехал на жительство во Францию и имел широкие связи в русской военной эмиграции. Он выполнял задания по разложению крупнейшей белогвардейской организации — Русского общевойскаского союза (РОВС), который насчитывал в своих рядах более двадцати тысяч активных сторонников, и готовил вооруженные акции против СССР и его представителей за рубежом. Генерал также снабжал Центр информацией о деятельности французской военной разведки.

Дьяконов принимал участие в операции по захвату руководителя РОВС генерала Кутепова. Располагая обширными связями в высших военных кругах Франции, Дьяконов по заданию «Вардо» (новый оперативный псевдоним Елизаветы Зарубиной) довел до руководства французской военной разведки подготовленные Центром достоверные сведения о «пятой колонне» профашистски настроенных французских генералов и офицеров. Эта операция прошла успешно и сыграла свою роль в охлаждении отношений между Францией и Германией.

Во Франции Зарубины находились до 1933 года. По приезде в Москву после четырехлетнего пребывания на нелегальной работе, не получив даже кратковременного отпуска, они сразу же были вновь направлены за рубеж, на этот раз — в Германию.

В 1933 году в связи с приходом Гитлера к власти обстановка в Германии осложнилась. По существу, прекратилась деятельность нелегальной резидентуры в этой стране в связи с отъездом на родину большинства оперативных работников. Зарубин получил задание в кратчайший срок восстановить деятельность резидентуры. Он был назначен руководителем нелегальной резидентуры, а его супруга — оперативным работником. Разведчикам предстояло обосноваться в

нацистской Германии, принять на связь агентуру и приступить к добыванию интересующей Москву информации о внутренней и внешней политике Гитлера, особенно информации, касающейся его планов в отношении СССР.

До Берлина Зарубин и его жена добирались по разным маршрутам. О получении вида на жительство на длительный срок не могло быть и речи. Поэтому сначала Зарубины находились в нацистском рейхе в качестве туристов. Тем не менее они сразу же приступили к приему на связь агентуры. Центр был вынужден пойти на этот риск, учитывая имеющийся у разведчиков богатый опыт нелегальной работы во Франции. Москва принимала во внимание и ряд благоприятных обстоятельств. В частности, немаловажную роль имело «прикрытие» нелегалов Зарубиных, которые должны были представлять американскую фирму. А накануне новой мировой войны немцы нуждались в хороших отношениях с США и внешне хорошо относились к американским гражданам.

Руководимая Зарубиным нелегальная резидентура была сформирована в кратчайшие сроки. В нее вошли оперработники, приехавшие в Берлин вслед за резидентом, а также шесть источников информации из числа местных граждан и иностранцев. Через некоторое время из Берлина в Центр пошла важная секретная информация.

С декабря 1933 года нелегалы Зарубины более трех лет действовали в гитлеровском рейхе. Работа в нацистской Германии требовала небывалого мужества в первую очередь от «Вардо», исходя из ее национальности, которая хорошо понимала, что малейшая неосторожность в работе или в быту приведет ее в гестапо. И она, постоянно рискуя жизнью, успешно справлялась с заданиями.

Зарубин лично поддерживал конспиративную связь с наиболее ценными источниками информации, среди которых был, в частности, сотрудник гестапо Вилли Леман («Брайтенбах»). Он возглавлял отдел гестапо по борьбе с «коммунистическим шпионажем» и, пользуясь своим служебным положением, неоднократно спасал резидентуру НКВД от провалов и предупреждал о провокациях, которые готовились против советского дипломатического представительства и его сотрудников в Берлине. От «Брайтенбаха» регулярно поступала информация о внутрисполитическом положении в Германии, ее военных приготовлениях против соседних стран. В 1935 году он сообщил сведения о создании Вернером фон Брауном принципиально нового вида оружия — знаменитых ракет «Фау». Успешная работа с немцем продолжалась до отъезда Зарубиных из Берлина в 1937 году. «Брайтенбах» был передан на связь

сотруднику «легальной» резидентуры и стал одним из самых результативных ее источников.

Другим ценным помощником нелегальной резидентуры Зарубина был сотрудник германского МИД «Вальтер». Являясь членом СС, он тем не менее критически относился к нацизму, не одобрял политику Гитлера и симпатизировал нашей стране. От источника регулярно поступала документальная информация, включая телеграммы и письма германских послов в других странах, копии записок по различным политическим вопросам, которые готовились для руководящих деятелей Третьего рейха. В дальнейшем он наряду с «Брайтенбахом» стал одним из тех источников, кто проинформировал берлинскую резидентуру о готовящемся нападении Германии на СССР.

В Берлине «Вардо» восстановила связь с «Ханум», бывшей стенографисткой германского посольства в Париже, которую она завербовала, работая во Франции. Теперь «Ханум» работала в центральном аппарате гитлеровского МИДа и передавала советской разведке очень важные документы. Из них следовало, что Гитлер готовит большую европейскую войну.

Однако через некоторое время «Ханум» заболела и вскоре умерла. «Вардо» нашла ей замену в лице скромного служащего МИД Германии, который работал в дальнейшем под псевдонимом «Винтерфельд» и имел доступ к секретной, в том числе шифрованной, переписке. Весной 1936 года разведчица обучила немца технике фотографирования документов микроаппаратом, и вскоре он стал передавать советской разведке копии секретных шифртелеграмм и других важных документов германского внешнеполитического ведомства.

В агентурной сети нелегальной резидентуры в Берлине были лица, тесно связанные с влиятельными кругами нацистской партии. Благодаря этим связям Центр получал сведения о доверенных лицах национал-социалистической партии в германских представительствах в СССР, а также о деятельности нацистского партийного аппарата, включая и разведывательную, так как НСДАП располагала собственной партийной разведкой. Центр также регулярно получал данные о тайных внешнеполитических замыслах нацистского руководства. Информация нелегальной резидентуры, возглавляемой Зарубиным, неизменно получала высокую оценку его кураторов на Лубянке. Из потока информации, направлявшейся резидентурой, следовал вывод о неизбежности военного столкновения с Германией в ближайшие годы.

В середине 1937 года нелегалы Зарубины были направлены на

несколько месяцев в США для выполнения нового важного задания. В связи с реальной угрозой гитлеровского нападения на СССР Центр принял решение реорганизовать деятельность внешней разведки. При этом упор делался на подготовку к работе в чрезвычайных условиях. Разведчикам предстояло подобрать агентуру из числа американцев для возможной работы в Германии в военный период. С поставленной задачей разведчики успешно справились. Ими были завербованы три агента, которых в дальнейшем нелегальная разведка активно использовала в качестве курьеров-связников.

За успешную работу в нелегальной разведке Зарубин в 1937 году был награжден орденом Красного Знамени. «Вардо» было присвоено звание капитана государственной безопасности (соответствовало званию подполковника в Красной Армии).

В конце 1937 года в связи с бегством в США резидента НКВД в Испании А. Орлова, лично знавшего нелегалов Зарубиных по их работе во Франции, они были отозваны в Москву и стали работать в центральном аппарате разведки.

* * *

Весной 1941 года руководство внешней разведки направило В.М. Зарубина в Китай с заданием восстановить связь с ценным источником Вальтером Стеннесом (оперативный псевдоним «Друг»), являвшимся военным советником Чан Кайши.

«Друг» советской разведки

Еще в начале 1930-х годов, когда приход нацистов к власти в Германии становился реальностью, руководство советской разведки поставило перед ее резидентами стратегическую задачу — проникнуть в ближайшее окружение Гитлера и других главарей Третьего рейха. Со временем эта задача приобрела еще большую остроту и актуальность, так как Гитлер, ставший полным владыкой Германии, единолично решал все вопросы внешней и внутренней политики страны и готовил ее к войне против Советского Союза.

Именно в это время в поле зрения берлинской резидентуры попал Вальтер Мария Стеннес — капитан рейхсвера, капитан полиции, оберфюрер СА (штурмовые отряды).

К началу 1930-х годов в партии Адольфа Гитлера состояли два наиболее отличившихся в Первой мировой войне офицера: бывший

военный летчик Герман Геринг, сбивший наибольшее число самолетов противника, и бывший пехотный капитан Вальтер Стеннес, проявивший исключительную храбрость на полях сражений.

С приходом нацистов к власти в Германии Геринг стал вторым человеком после Гитлера в официальной иерархии. Судьба его хорошо известна. Стеннес прожил долгую и яркую жизнь, оставаясь для фюрера его заклятым врагом, которого тот так и не смог устранить.

Вальтер Мария Стеннес родился в декабре 1895 года в Фюрстснберге в семье крупного государственного чиновника.

Двоюродный брат Стеннеса — Генрих Брюнинг — был рейхсканцлером Германии с 1930 до мая 1932 года, когда его сменил фон Папен. Благодаря своему дяде Шультесу — кардиналу-епископу Кёльна — Стеннес располагал широкими связями в католических кругах и в руководстве центристских партий Германии.

После окончания кадетского училища Стеннес воевал на Западном фронте Первой мировой. Послужной список молодого Стеннеса во время войны и в период существования Веймарской республики был довольно внушительным.

Из характеристики командира 16-го пехотного полка от 18 июня 1920 года: «Войсковая служба — командир роты, батальонный адъютант, полковой адъютант. Черты характера: очень храбрый, хороший товарищ. Награды: Железный крест 1 и 2-го класса. Особые сведения: один из лучших и энергичных офицеров».

На фронте Стеннес подружился с летчиком из эскадрильи барона Рихтгофена обер-лейтенантом Германом Герингом — будущим «наци номер два».

Заметивший Стеннеса генерал Ганс фон Сект предложил ему должность в штабе рейхсвера, заменившего собой запрещенный по условиям Версальского мирного договора 1919 года кайзеровский Генеральный штаб, но капитан предпочел поступить на службу в берлинскую полицию, где стал командовать ротой особого назначения.

Из характеристики на Стеннеса, подписанной инспектором полиции в Пруссии фон Прессдорфом 15 февраля 1921 года: «Капитан полиции Стеннес использовался мною и министром внутренних дел для выполнения самых трудных особых поручений».

В феврале 1920 года Стеннес познакомился с 30-летним безработным австрийцем Адольфом Гитлером, который приехал в Берлин из Мюнхена для выступления перед группой финансовых и промышленных тузов, ностальгировавших по временам имперского величия Германии, с

программой из 24 пунктов никому не известной доселе Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП).

Идеи Гитлера пришлись по душе Стеннесу. Весной 1923 года он вступил в НСДАП и сблизился с ее лидером. В этот период герой-фронтовик стал одним из организаторов «черного рейхсвера» — добровольческой массовой военизированной организации, созданной в обход требований Версаля для постепенного наращивания военной мощи Германии.

Одновременно Стеннес вплотную занялся созданием штурмовых отрядов (СА) в Берлине и северных землях Германии. К концу 1920-х годов численность подчинявшихся лично ему штурмовиков составляла 36 тысяч человек, которые были хорошо вооружены. Вскоре Стеннес стал главой НСДАП Северной Германии и получил от Гитлера звание оберфюрера (промежуточное звание между полковником и генералом).

Через некоторое время деятельный и инициативный обер-фюрер стал претендовать на самостоятельность в НСДАП. Без согласования с Гитлером он начал активно расширять связи среди представителей различных кругов германского общества, что вызвало трещину в их отношениях. В начале 1931 года разногласия усилились. Опираясь на недовольных штурмовиков, Стеннес потребовал от Гитлера выполнения обещаний, которые лидер НСДАП в свое время щедро им раздавал. Гитлер ответил отказом и сместил раскольника со всех постов.

1 апреля 1931 года штурмовики Стеннеса подняли бунт против фюрера. Они потребовали от Гитлера выполнения социальной программы, а также ликвидации в стране германского и иностранного монополистического капитала. Одним из требований восставших было повышение их денежного содержания, так как оно не соответствовало постоянному росту цен. Штурмовики захватили типографию геббельсовской газеты «Ангрифф» и некоторые другие учреждения НСДАП в Берлине. Взбешенный Гитлер послал Геринга с отрядом верных тому людей на усмирение мятежников. Бунт был подавлен. Геринг запросил фюрера, что делать с захваченным им Стеннесом.

Гитлер распорядился инсценировать расстрел бунтовщика, после чего он решит его судьбу. Через несколько дней после этого указания конвойная команда вывела Стеннеса во внутренний двор тюрьмы гестапо на Принц-Альбрехтштрассе, 8. Его лицо носило следы побоев. По команде лейтенанта конвоиры вскинули карабины, щелкнули затворами и прицелились в голову заключенного, глаза которого горели непримиримой ненавистью.

Раздалась команда: «Фойер!» Узник непроизвольно шагнул вперед, но ни одна пуля не задела его. Эсэсовец яростно обрушился на своих подчиненных. Он вторично подал команду, однако и на этот раз пули прошли мимо. Узник не шелохнулся, только сильнее стиснул челюсти.

Эсэсовец, злорадно усмехаясь, обратился к нему:

— Стеннес, хватит с тебя на сегодня? Или хочешь продолжить, пока кто-нибудь из моих людей не разнесет тебе череп?

Не дождавшись ответа, начальник команды приказал солдатам увести Стеннеса в тюремную камеру.

Так Гитлер мстил Стеннесу за бунт. Расправиться с ним, однако, он пока не спешил, так как за бунтовщика заступились Геринг и другие высокопоставленные нацистские бонзы. Кроме того, Гитлер постоянно помнил о его родственных связях. Учитывал фюрер и тот факт, что Стеннес поддерживал тесные дружеские контакты с крупнейшими промышленниками — «стальными королями» Маннесманом и братьями Карлом и Арнольдом Рехбергами.

Нацистские газеты «Фёлькиишер беобахтер» и «Ангрифф» напечатали по указанию Гитлера статьи, в которых осудили попытку путча Стеннеса и его подчиненных и подчеркнули, что важнейшей составной программой Национал-социалистической немецкой рабочей партии является «социализм в его национальной окраске», «Ангрифф» обвинила Стеннеса в «политическом шпионаже внутри нацистской партии». Он подал в суд на Гитлера за клевету. Фюрер не стал уклоняться от суда и постарался повернуть его ход в свою пользу. Во время процесса он вынужден был заявить: «Я всего-навсего считаю, что любой, кто противостоит мне и моему движению, является платным агентом». Судебный иск оппозиционера к вождю НСДАП фактически был удовлетворен.

Однако Гитлер также не сидел сложа руки. Он исключил Стеннеса из своей партии и принял ряд мер по наведению порядка среди штурмовиков. В то же время Гитлер сделал вид, будто по-прежнему считает Стеннеса своим другом. Он даже великодушно предложил Стеннесу примирение, забыв «случайную размолвку», и пообещал повышение по службе в Баварии.

Стеннес отверг предложение Гитлера. Он понимал, что Гитлер не простит ему бунта и постарается при удобной возможности расправиться с ним. Стеннес продолжил борьбу, открыто присоединившись к одному из руководителей штурмовых отрядов Отто Штрассеру, возглавлявшему левое крыло НСДАП и осуждавшему Гитлера за «измену революционным идеалам».

На деньги, полученные от влиятельного политического конкурента Гитлера Германа Эрхардта, Стеннес стал издавать собственную газету «Рабочие, крестьяне, солдаты». Он также участвовал в создании «Союза революционных национал-социалистов», или, иначе, «Черного фронта». Поскольку в программе этого политического движения были требования национализации банков, крупных концернов и земли, в Москве одно время всерьез рассматривали этот Союз как возможную альтернативу национал-социализму гитлеровского толка.

Став в январе 1933 года рейхсканцлером и разогнав парламент, Гитлер укрепил свою власть и решил, что пора расправиться с непокорным штурмовиком. Учрежденная 26 апреля 1933 года декретом премьер-министра и министра внутренних дел Пруссии Германа Геринга тайная государственная полиция — гестапо — вновь арестовала Стеннеса. В тюрьме его подвергли жестоким издевательствам и пыткам. Неожиданно помощь пришла от самого Геринга, который убедил Гитлера, что открытая расправа над героем Первой мировой войны может произвести неблагоприятное впечатление как на членов партии, так и на немецких обывателей. Он подчеркнул, что есть другие способы избавиться от недруга, например, выслать его из страны. Тогда о Стеннесе забудут даже его бывшие сторонники.

Командира штурмовиков освободили из застенков гестапо и дали понять, что ему лучше уехать из страны. В 1934 году Стеннес выехал вместе с генералом фон Сектом в Китай, где по частному контракту стал работать в группе немецких военных и политических советников при гоминьдановском правительстве. Вскоре он стал начальником личной охраны Чан Кайши и руководителем его разведки.

Советская внешняя разведка через свою агентуру постоянно держала Вальтера Стеннеса в поле своего зрения. Однако найти прямые подходы к нему в Германии было невозможно в связи со сложной агентурно-оперативной обстановкой в стране и постоянной слежкой гестапо за строптивым штурмовиком. Когда же Стеннес оказался в Чунцине — огромном городе, ставшем на время войны с Японией временной столицей гоминьдановского Китая, такая возможность представилась.

Эго случилось в 1939 году. В один из весенних дней разведчик Николай Тищенко вышел на встречу с агентом «Генрихом», одним из германских советников при гоминьдановском руководстве. Они встретились в небольшом местном ресторанчике. «Генрих» рассказал, что вскоре Гитлер, вероятно, отзовет всех советников из Китая на родину, поскольку не считает Чан Кайши надежным и перспективным союзником.

Кроме того, постоянные контакты с ним немецких советников могут отрицательно повлиять на отношения Германии с Японией, чего фюрер допустить не может.

По словам «Генриха», разведчику следовало бы обратить внимание на капитала Стеннеса, довольно примечательного человека, официального начальника личной охраны Чан Кайши и создателя его разведывательной службы. Стеннес опасается возвращаться в Германию, где его могут убить по приказу Гитлера. Он предпочел бы, если это только возможно, выехать в Советский Союз.

Тищенко задал уточняющий вопрос:

— С какой целью Стеннес хочет прибыть в СССР? Почему нацисты будут преследовать его в Германии?

«Генрих» ответил с заминкой:

— Причины могут быть самыми разнообразными. Стеннес в молодости был приятелем Гитлера и отлично знает всю его подноготную. С тех пор многое переменилось, и он стал заклятым врагом фюрера. Капитан располагает обширными связями среди германской оппозиции и готов все сделать для свержения гитлеровского режима. Гитлеру это известно, и он может расправиться со своим оппонентом.

Тищенко направил в Центр телеграмму, в которой подробно изложил содержание своей беседы с «Генрихом». В Москве с интересом восприняли сообщение разведчика, поскольку советская разведка давно изучала бывшего штурмовика и ждала только случая осуществить подход к нему.

Ознакомившись с собранными на Стеннеса материалами, начальник внешней разведки Фитин принял решение поглубже разобраться с его взглядами и привлечь немца к сотрудничеству на основе совпадения интересов в деле свержения Гитлера и фашистского режима в Германии.

В резидентуру ушла телеграмма, в которой Тищенко предлагалось установить прямой контакт с советником Чан Кайши.

14 марта 1939 года Тищенко встретился со Стеннесом. Беседа началась со взаимного прощупывания позиций.

Немец поинтересовался у оперработника его оценкой международной обстановки. Подумав, Тищенко ответил, что, по его мнению, мир живет в условиях начавшейся большой войны. Стеннес был удовлетворен ответом.

— Да, это так! — согласился он. — Гитлер, видя, что ни одна из великих держав не собирается всерьез оказывать на него давление, все больше нагнетает. Сейчас он затевает крупную авантюру. Я считаю своим долгом предупредить вас, что Гитлер активно готовится к войне против СССР. Сведения получены мною от солидного источника.

Тищенко поинтересовался, что побуждает Стеннеса к подобной откровенности. Немец ответил, что в настоящее время он является беспартийным. Его главная цель — свергнуть Гитлера и создать демократическую Германию. По его словам, когда Гитлер будет уничтожен, необходимо будет заключить соглашение между Германией и СССР, а также с Китаем. Этот тройственный альянс создаст соответствующие условия для успешного экономического сотрудничества и развития всех его участников. В ходе дальнейшей беседы Стеннес подчеркнул, что новая мировая война, по его мнению, станет губительной для Германии. Поэтому необходимо сформировать немецкий легион из антифашистов, который при поддержке союзников будет сражаться против Гитлера.

Говоря о своих служебных обязанностях советника Чан Кайши, Стеннес отметил, что он одновременно руководит его разведкой. Он обменивается информацией с представителями разведок США, Англии и Франции и мог бы «на джентльменской основе» делиться получаемыми сведениями с советской разведкой. Однако он подчеркнул, что не будет раскрывать своих источников информации в целях безопасности для всех, особенно для лиц, которые доверились ему.

— За всё, что я смогу сделать для вас, и за мою информацию, — указал в заключение Стеннес, — я прошу только об одном: в случае необходимости помочь мне вернуться в Европу проездом через СССР, когда для этого наступит подходящее время.

В Москве тщательно проанализировали содержание беседы Тищенко с немцем и пришли к выводу о том, что Стеннес открыто высказал согласие сотрудничать с советской внешней разведкой на основе своих антифашистских настроений и во имя свержения гитлеровского режима, с которым у него были личные счеты.

На Лубянке завели оперативное дело на Стеннеса, дав ему кодовое наименование «Друг». Дело было особой важности и выдавалось только с разрешения самого высокого руководства разведки.

Однако в конце 1939 года Тищенко возвратился в Москву без замены, и связь с «Другом» оборвалась.

Неожиданно 25 ноября 1940 года резиденту советской внешней разведки в Токио Долбину поступило лично от Берии указание разыскать «Друга» и восстановить с ним связь. Такое решение было вызвано тем, что другие возможности по восстановлению контакта с иностранцем отсутствовали. В конце декабря Долбин встретился с «Другом», который был явно рад восстановлению контакта с ним. Он подчеркнул, что по-прежнему хотел бы посетить Советский Союз, однако пока условия для

этого не созрели.

Докладывая в Москву о встрече с «Другом», Долбин предложил учесть предстоящий проезд через Москву в Китай супруги Стеннеса. Она могла бы под предлогом «болезни» задержаться в Москве, а Стеннес — под этим же предлогом навестить ее.

Предложение было серьезным, и нарком Берия поинтересовался у заместителя начальника внешней разведки Судоплатова, что эта поездка может дать с точки зрения интересов разведки. Судоплатов подчеркнул, что поездка Стеннеса в Москву позволила бы руководству советской разведки более детально побеседовать с ним с целью выяснения взглядов «Друга», его разведывательных возможностей, дальнейших планов и, следовательно, наметить линию дальнейшей работы с ним. Для того, чтобы выяснить возможность поездки Стеннеса в Москву, в Шанхай был направлен опытный разведчик-нелегал, хорошо знавший Германию и немцев, Василий Зарубин.

Разведчик посетил «Друга» на его вилле, расположенной во французском сэттельмене Шанхая, где он обосновался с весны

1940 года, и провел с ним беседу. Немец не возражал против продолжения работы. В то же время он категорически отказался от материального вознаграждения, подчеркнув при этом, что сотрудничает с советской разведкой в качестве активного борца против нацизма. Он сообщил, что по сведениям крупного чиновника, только что прибывшего из Германии, выступление Гитлера против СССР в военном и экономическом отношениях практически подготовлено. Начала войны следует ожидать в самое ближайшее время. На другой встрече с оперработником, состоявшейся 9 июня 1941 года, он назвал более точную дату начала войны — до 25 июня. «Друг» сообщил также разведчику, что согласно разработанному плану боевых действий война должна быть скоротечной и длиться не более трех месяцев. Он просил немедленно передать эту информацию в Москву.

В тот же день в Центр ушла срочная телеграмма. Она была незамедлительно доложена Сталину. Однако он проигнорировал сообщение разведки о близящейся войне. Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило правдивость информации «Друга».

Зарубин без труда договорился с «Другом» о его приезде в Москву. Немец написал записку для своей жены, в которой просил ее задержаться в Москве, рекомендовал ей Зарубина как своего хорошего друга по Китаю, который объяснит ей все остальное.

На встрече 9 июня немец также сказал оперработнику, что из идейных

соображений он готов информировать СССР по важнейшим политическим вопросам, и попросил дать ему для этих целей связника. Работа советской разведки с ним в Китае была продолжена. «Друг» информировал Центр о германо-японских отношениях, политике этих стран в отношении СССР и Китая. Весьма важное значение имели его прогнозы относительно перспектив вступления Японии в войну против СССР на стороне Германии. В 1942 году «Друг» проинформировал своего куратора об аресте в Японии разведывательной группы Рихарда Зорге. Поступавшая от иностранца информация была крайне важной и высоко оценивалась в Москве.

После разгрома Японии интерес к «Другу» стали проявлять американские спецслужбы. В начале 1947 года их представитель предложил немцу работать на ЦРУ, пообещав устроить его в организацию Гелена — предшественницу германской разведслужбы БНД. «Друг» категорически отказался от этого предложения и в 1948 году вместе с войсками Чан Кайши отбыл на остров Тайвань. Через жену он сообщил в резидентуру свой берлинский адрес для возобновления контакта, если он все же вернется на родину.

Только в начале 1950-х годов «Друг» прибыл в Германию и поселился у сестры в британской зоне оккупации. С конца 1951 года начал выпускать еженедельный информационный бюллетень по вопросам внешней и внутренней политики, распространявшийся среди банкиров и крупных промышленников. В ней излагались идеи экономического возрождения Германии при ее полном отказе от милитаризации.

Представители аппарата уполномоченного МГБ СССР в Берлине провели с «Другом» несколько встреч. В конце 1952 года Центр пришел к выводу о том, что иностранец утратил разведывательные возможности, и связь с «Другом» была окончательно прекращена.

* * *

Выполнив задание в Китае, Василий Михайлович продолжил работу в центральном аппарате разведки. Ему было присвоено звание старшего майора госбезопасности (генерал-майора). В сентябре 1941 года Зарубину предложили выехать на работу в США и возглавить там «легальную» резидентуру. В октябре такое решение было окончательно принято руководством внешней разведки. А Верховный главнокомандующий решил лично побеседовать с резидентом.

Ночью 12 октября 1941 года Василия Зарубина вызвали в Кремль, где

его принял Сталин. Он отмстил, что президент и народ США поддерживают борьбу советского народа против гитлеровского нашествия. Кремль хотел бы видеть США своими союзниками в борьбе с Гитлером. Одновременно Сталин поставил задачу советской разведке в этой стране не только отслеживать события, но и не допустить, чтобы правящие круги США сговорились с Гитлером и закончили войну сепаратным миром.

Как показало дальнейшее развитие событий, Верховный главнокомандующий проявил дальновидность. Действительно, нацистское руководство, особенно накануне краха Третьего рейха, пыталось провести сепаратные переговоры с американцами, в частности, с начальником Управления стратегических служб США (американская разведка) Донованом. Находясь в США, Зарубин регулярно информировал Кремль о ходе этих переговоров.

В ходе беседы Сталин поставил также перед разведчиком задачу по сбору сведений относительно реальных сроков открытия второго фронта в Европе. Она не снималась с повестки дня вплоть до 1944 года, когда была осуществлена американо-британская операция «Оверлорд» по вторжению союзников в Нормандию. Резидентура Зарубина успешно справилась и с этой задачей.

Через несколько дней после упомянутой выше беседы супруги Зарубины выехали в США.

В Нью-Йорк Василий Михайлович и Елизавета Юльевна добирались через Дальний Восток. Их резидентуре предстояло начинать работу в США практически с нуля. До конца апреля

1941 года резидентуру в Нью-Йорке возглавлял Гайк Овакимян. Он прекрасно знал США и хорошо владел английским языком. По прикрытию он являлся инженером-консультантом смешанной советско-американской торговой компании Амторг. Овакимян сумел завербовать нескольких агентов по линии научно-технической разведки, которые долгие годы успешно сотрудничали с советской разведкой. Однако в апреле 1941 года он был арестован агентами ФБР на месте встречи с одним из своих источников, который оказался подставой. Лишь с началом войны по личному распоряжению президента Рузвельта Овакимян был выпущен из тюрьмы под крупный денежный залог и возвратился в Советский Союз.

Зарубины прибыли в США в январе 1942 года и сразу же активно включились в налаживание разведывательной работы. До апреля 1943 года Василий Михайлович был резидентом советской внешней разведки в Нью-Йорке, а затем до осени 1944 года — главным резидентом в США под прикрытием должности 2-го секретаря посольства СССР в Вашингтоне.

Основное его внимание в работе было обращено на качественное улучшение агентурного аппарата. Перед войной на связи резидентуры НКВД в США имелось несколько десятков источников информации. Однако в связи с арестом резидента Овакимяна большая часть агентов была законсервирована. По предложению Зарубина Центр направил в США группу разведчиков-нелегалов для восстановления связи с законсервированной агентурой и наиболее ценными источниками информации, а также для ведения новых вербовочных разработок. В 1942 году нелегальную резидентуру в США возглавил ставший в дальнейшем легендарным разведчиком И.А. Ахмеров, который успешно решил эту задачу.

Под руководством В.М. Зарубина «легальная» резидентура в 1942 году завербовала несколько новых помощников и восстановила связь с рядом законсервированных агентов. Надежные источники информации были приобретены в основных исполнительных органах власти, в том числе в государственном департаменте, ряде военных ведомств, разведке и контрразведке США, научно-исследовательских организациях, фирмах и предприятиях. Резидентура вела также работу и в латиноамериканских странах, где у нее имелись источники разведывательной информации.

Почти одновременно с Зарубиным в Нью-Йорк прибыл заместитель резидента по научно-технической разведке Леонид Квасников. Под его руководством резидентура сумела добыть важные разведывательные материалы, в первую очередь, по использованию атомной энергии в военных целях, по авиации и реактивной технике, радарам, компьютерам и другой электронной аппаратуре. Значительно позже, в середине 1990-х годов, Л.Р. Квасников, оперработники нью-йоркской резидентуры А.С. Феклисов и А.А. Яцков, а также несколько других разведчиков за активный вклад в дело создания советского атомного оружия были удостоены звания Героев Российской Федерации.

Сотрудники советской внешней разведки в США не только своевременно информировали Центр о политике и планах американского руководства в отношении нашей страны, но и оказывали влияние на решение ряда вопросов в пользу Советского Союза через многих весьма авторитетных лиц в американском правительстве, а также среди ближайшего окружения президента Ф. Рузвельта. Им удалось сорвать сепаратные переговоры, которые вел в Швейцарии с гитлеровцами известный американский разведчик А. Даллес.

Повышенная активность советских разведчиков не могла не привлечь к ним внимания американской контрразведки. Последней удалось

установить подслушивающую аппаратуру в служебных помещениях советских учреждениях. Деятельность В.М. Зарубина как резидента советской внешней разведки стала известна противнику. В конце 1944 года он был объявлен персоной «нон грата» и вынужден был покинуть страну пребывания.

В сентябре 1944 года за достигнутые результаты в работе В.М. Зарубину было присвоено звание комиссара госбезопасности.

После войны генерал-майор Зарубин стал заместителем начальника внешней разведки органов государственной безопасности. В этой должности он проработал до 1948 года, когда вышел в отставку по состоянию здоровья.

За плодотворную работу во внешней разведке В.М. Зарубин был награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

Елизавета Зарубина работала в центральном аппарате разведки на должности руководителя одного из отделений. Летом 1946 года она возглавила американское направление информационной службы разведки. Награждена несколькими орденами, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный чекист».

Скончался Василий Михайлович в 1972 году. Его имя занесено на Мемориальную доску в Кабинете истории внешней разведки.

Выйдя в отставку, Елизавета Юльевна еще долгие годы обучала молодых разведчиков, передавая им свой богатый опыт нелегальной работы. Скончалась 14 мая 1987 года.

Глава 6. Нелегал Ахмеров

Почти одновременно с Зарубиным в США для руководства законсервированной с 1939 года агентурой вновь возвратился резидент нелегальной разведки Исхак Абдулович Ахмеров (оперативный псевдоним «Альберт»).

Родился Исхак 7 апреля 1901 года в городе Троицк Челябинской области в бедной татарской семье. Его отец умер, когда будущему разведчику было всего несколько месяцев от роду. Мать переехала к своему отцу — кустарю-скорняку — в Царевококшайский уезд Казанской губернии, поскольку семья осталась без средств к существованию. Однако ей так и не удалось выбиться из бедности: у деда Исхака и без него хватало едоков, и семья перебивалась, как говорится, с хлеба на квас, да и того было не вдоволь.

Дед потихоньку приучал мальчика к своему ремеслу, которое пригодилось ему в разведывательной работе. С малых лет Исхак познал нужду. Дед умер, когда мальчику было всего двенадцать лет. Подростку пришлось пойти в батраки к местным богатым. За пять лет самостоятельной жизни он сменил много профессий: был мальчиком на побегушках в галантерейном магазине, работал подмастерьем, курьером и шлифовальщиком в типографии. Позднее стал учеником электромонтера, затем хлебопеком. Но булочная, в которой он работал, закрылась, и Исхак снова нанялся в батраки. Когда в России произошел Февральский переворот, он снова «выбился в люди» — поступил приказчиком в мануфактурный магазин.

Октябрьскую революцию, принесшую татарскому народу избавление от социального и национального гнета, Исхак встретил с воодушевлением. Однако вскоре белогвардейцы, поддержанные иностранными интервентами, развязали в стране Гражданскую войну. Мануфактурный магазин, в котором он работал, закрылся из-за отсутствия товаров, и Исхак по путевке Казанского Совета был направлен в Москву на курсы счетоводов. Там, по крайней мере, платили небольшую стипендию и выдавали скромный паек.

В 1918 году, после окончания курсов, Исхак был направлен на работу в Наркомпрод Татарской Республики. В 1919 году он был принят в партию, а в 1920 году избран депутатом Казанского горсовета. После окончания Гражданской войны Ахмеров выразил желание получить высшее

образование и в 1921 году был направлен на учебу в Коммунистический университет народов Востока, где стал изучать турецкий язык. Уже через год он был переведен на факультет международных отношений 1-го государственного университета (ныне МГУ). Здесь помимо общеобразовательных дисциплин он изучал турецкий, французский и английский языки. В 1923 году закончил университет и работал заместителем директора Московского педагогического техникума.

В 1925 году Исхак Ахмеров был переведен на работу в Наркоминдел и командирован в город Термез в полпредство СССР в Бухарской Республике. Однако вскоре эта республика вошла в состав Узбекистана, и Ахмеров был переведен на дипломатическую работу в Турцию в качестве секретаря Генконсульства СССР в Стамбуле. В 1928 году он назначается генеральным консулом в Стамбуле и работает в этой должности до 1929 года. Именно к этому периоду относится начало сотрудничества Ахмерова с внешней разведкой. Находясь в Стамбуле, он не только усовершенствовал знание турецкого языка, но и получил опыт общения с иностранцами, познакомился с основами вербовочной работы. За период работы в Турции сумел завести обширные связи в иностранной колонии и приобрел ряд ценных источников информации.

После возвращения в Москву Ахмеров работал референтом в Наркомате иностранных дел. В марте 1930 года он зачисляется на работу в контрразведывательное подразделение ОГПУ в качестве оперативного работника и вскоре направляется в Бухару, где активно участвует в борьбе с басмачеством.

В 1931 году Ахмеров возвращается из командировки в Бухару, зачисляется на работу в ИНО ОГПУ и направляется на учебу в Институт красной профессуры. На факультете мирового хозяйства и мировой политики он совершенствует знания, необходимые для работы в разведке.

В январе 1933 года молодой разведчик был приглашен на беседу к начальнику разведки Артузову. Он объявил о решении руководства направить его на работу в Китай по линии нелегальной разведки. В Пекин Исхак Абдулович должен был выехать в качестве турецкого студента-востоковеда, легализоваться в стране и заняться приобретением источников, которые могли бы информировать внешнюю разведку об обстановке в стране и планах белогвардейцев и японцев в отношении СССР.

В Пекин «Юнг» (оперативный псевдоним Ахмерова) должен был ехать через Европу, где «турецко-подданному» предстояло получить китайскую визу, а затем на пароходе следовать до одного из китайских портов. Через

некоторое время «Юнг» оказался в Риме, где обратился в туристическое агентство для организации поездки в Китай. Здесь выяснилось, что в Рим ему совсем не обязательно было ехать: большинство европейцев направлялись в Китай через Советский Союз, поскольку это было быстрее, безопаснее и дешевле.

В китайском посольстве он без труда получил въездную визу, однако его предупредили, что для поездки в страну он должен получить советскую транзитную визу. Это тоже не составило большого труда. Однако после посещения советского полпредства в Риме «Юнг» через некоторое время был задержан карабинерами и доставлен в полицию. Выяснив, что причиной посещения «Юнгом» советского дипломатического представительства было получение транзитной визы для поездки в Китай, полицейский чиновник сказал, что претензий к «Юнгу» нет, однако он должен получить в полиции за плату удостоверение личности, позволяющее ему временное пребывание в Италии.

В Пекин разведчик прибыл без приключений. В императорской столице Китая он поступил в американский университет, где обучалась большая группа иностранных студентов. Вскоре он установил неплохие отношения с двумя студентами-европейцами. Одни из них, англичанин, поддерживал контакты с посольством Великобритании и в беседах с его дипломатами получал полезную информацию о планах Японии в Китае. Ею на доверительной основе он делился с «турецким студентом». Другой студент, прибывший из Швеции, снабжал «Юнга» сведениями о деятельности японцев в Маньчжурии. Эта информация получала положительную оценку в Центре.

В 1934 году «Юнг» возвратился в Москву. Руководство разведки приняло решение направить его на нелегальную работу в США.

Завершив непродолжительную подготовку в Центре, «Юнг» в 1935 году выехал в Европу. Прибыв в Женеву, он получил американскую визу и вскоре отбыл из Шербура в Нью-Йорк на французском скоростном лайнере «Нормандия». Прибыв в Нью-Йорк, он устроился на учебу в Колумбийский университет. Помимо легализации, это было необходимо разведчику для совершенствования знаний английского языка: ведь в дальнейшем он должен был выдавать себя за «стопроцентного янки». Спустя некоторое время «Юнг» с помощью «легальной» резидентуры приобрел документы уроженца США.

Начинать разведывательную деятельность в США «Юнгу» было нелегко. Резидент Базаров поручил ему восстановить связь с рядом ранее законсервированных агентов. При этом выяснилось, что часть из них

утратила разведывательные возможности. Необходимо было приобретать новые источники информации, но решить эту задачу в одиночку было весьма сложным, поэтому Центр направил на подмогу «Юнгу» молодого сотрудника Норманна Бородин, ранее работавшего в европейских странах. К 1936 году в нелегальной резидентуре уже работало шесть сотрудников, в том числе две женщины.

К этому времени нелегальной резидентуре удалось создать эффективно действующий агентурный аппарат, в который входило десять ценных источников. От них поступала важная информация не только о политике США в отношении СССР, но и сведения о планах и намерениях стран оси Рим — Берлин — Токио, которые особенно высоко ценились в Москве. В июне 1938 года резидент Базаров был отозван в Москву. После его отъезда «Юнг» возглавил резидентуру и успешно руководил работой ее агентурного аппарата.

Одним из ценных источников резидентуры «Юнга» был агент «Аркадий», имевший отношение к деятельности военных учреждений США. Однако он был неопытен в делах разведки, приносил на встречи большое количество секретных документов. «Юнгу» пришлось обучать агента фотографировать секретные материалы и передавать их оперработнику в непроявленной пленке.

Ценную военно-политическую информацию «Юнг» получал от агента «Норда», который работал в военном министерстве и имел доступ к докладам военных атташе США за рубежом, а также к принимаемым по этим докладам решениям. Однако самым ценным источником «Юнга» был агент «Корд», занимавший видное положение в госдепартаменте США. Завербован он был на идейно-политической основе. Будучи антифашистом по убеждениям, он отдавал себе отчет в том, что только Советский Союз может остановить агрессию Гитлера в Европе, поэтому сознательно шел на углубление сотрудничества с советской разведкой.

Поступавшая от «Корда» информация высоко оценивалась в Центре и регулярно докладывалась высшему советскому руководству. Она позволяла Кремлю быть в курсе позиции США по многим международным проблемам. В числе получаемых от него материалов были, в частности, проекты американских резолюций на международных конференциях, доклады послов США в Берлине, Лондоне, Париже и других европейских столицах.

Случилось так, что по приезду в США «Юнг» привлек к сотрудничеству в качестве содержательницы конспиративной квартиры американку Хелен Лоури (оперативный псевдоним «Таня»), племянницу

генерального секретаря компартии США Эрла Браудера. «Таня» оказалась великолепным связником. Работала она смело и энергично: приобрела несколько конспиративных квартир, участвовала в мероприятиях по получению надежных американских документов для вновь прибывающих сотрудников нелегальной резидентуры «Юнга». Она также лично добывала интересную информацию из кругов высшей американской администрации, используя свои личные связи среди сотрудников аппарата Белого дома.

«Таня» была молодой и красивой девушкой, и «Юнг», часто встречавшийся с ней, влюбился в свою помощницу. «Таня» ответила ему взаимностью, и они решили пожениться. В ноябре 1939 года «Юнг» получил телеграмму Центра, в которой ему предлагалось выехать в Москву для отчета о проделанной работе. В ответ разведчик направил на имя наркома внутренних дел Берии рапорт с просьбой разрешить ему вступить в брак с «Таней» и вместе с ней прибыть в Москву. Это вызвало негодование Берии. Вызвав к себе начальника разведки Фитина, он безапелляционно заявил, что «Юнг» завербован американским ФБР и теперь вместе с их «шпионкой» едет в Москву. Нарком приказал Фитину разобраться с разведчиком.

Павлу Михайловичу пришлось затратить много сил и красноречия, чтобы рассеять необоснованные подозрения Берии. По его указанию была подготовлена справка о работе «Юнга» в качестве резидента нелегальной разведки. В ней давалась высокая оценка поступавшей от него информации. Было особо отмечено, что «Таня» является племянницей лидера американских коммунистов Эрла Браудера, которого высоко ценит сам Сталин. Очевидно, этот аргумент сыграл не последнюю роль в том, что «Юнг» уцелел: Берия опасался вызвать гнев вождя и дал «добро» на этот брак.

Правда, в дальнейшем Берия отыгрался на оперработнике. Когда в январе 1940 года «Юнг» прибыл в Центр, Берия распорядился понизить его в должности до... стажера американского отделения внешней разведки. Впрочем, не одного его. Такая же судьба постигла и других разведчиков, отозванных наркомом из-за рубежа. К счастью, все они уцелели, что в те времена было немаловажно. Последовали почти два года проверок «Юнга». Находившаяся у него на связи агентура была частично законсервирована, частично передана на связь «легальной» резидентуре.

С началом Великой Отечественной войны советское руководство приняло решение резко активизировать деятельность нелегального подразделения внешней разведки не только в Германии и оккупированных ею странах, но и в США. В соответствии с этим решением руководство

внешней разведки вышло с предложением «расконсервировать» нелегальную агентуру в США и срочно возвратить туда «Юнга» и «Таню», которая к этому времени приняла советское гражданство. В июле 1941 года Берия утвердил это решение, и «Юнг» стал собираться за океан.

В августе 1941 года внешняя разведка вывела его вместе с женой в Китай, а затем в Гонконг. В США они прибыли в начале 1942 года по чужим документам. Добравшись на пароходе до Нью-Йорка, супруги-нелегалы перешли на свои старые американские паспорта. В марте 1941 года разведчики поселились в Балтиморе, в часе езды от Вашингтона, где работали их основные агенты. Они занимали солидные посты в администрации, госдепартаменте, министерстве финансов, УСС.

С согласия Центра «Юнг» организовал небольшую коммерческую фирму по пошиву готового платья и стал совладельцем мехового салона, хозяин которого еще в предвоенное время оказывал ему помощь в работе. Два-три раза в месяц «Юнг» ездил в Вашингтон, где проводил встречи с агентурой и получал от нее информацию.

Источники «Юнга» снабжали его сведениями о военных планах Германии, политике нацистского рейха в оккупированной Европе, экономическом положении этой страны и ее стратегических ресурсах. Важное место в информации нелегальной резидентуры, возглавляемой «Юнгом», занимали вопросы деятельности нацистских спецслужб и их агентуры в США, а также агентуры гестапо, внедренной в советские учреждения. Поступала от него и информация о действиях политических кругов в США, направленных на подрыв антигитлеровской коалиции и заключение сепаратного мира с Германией. В общей сложности в Центр было направлено более двух с половиной тысяч фотопленок с информацией, что составило 75 тысяч машинописных листов.

В связи с мировой войной условия работы в США значительно усложнились по сравнению с довоенным периодом. Усилилась работа контрразведки по иностранцам и наблюдение за секретоносителями в самих США. В этой связи Центр писал «Юнгу»:

«Мы прекрасно понимаем, что условия для работы в стране стали более сложными, чем они были в мирное время, особенно для нелегалов. Совершенно естественно, что спецслужбами предпринимаются меры предосторожности. Поэтому надо перестроить работу применительно к новым, более сложным условиям».

Работа «Юнга» в США затруднялась еще и тем, что он по возрасту подпадал под мобилизацию в армию, так как разведчику в 1942 году исполнился 41 год. В начале 1942 года он прошел военную регистрацию и

заполнил анкету на 13 листах. «Юнг» был приведен к присяге, после которой председатель призывной комиссии объявил разведчику, что ему как женатому человеку, вероятно, будет предоставлена отсрочка от армии.

По указанию Центра разведчик стал готовить агентуру к передаче на связь своей жене. Одновременно им предпринимались меры к освобождению от военной службы. Через знакомых врачей ему удалось получить необходимую справку о состоянии здоровья и тем самым освободиться от призыва на военную службу.

Накануне Тегеранской конференции «Юнг» получил от своих источников в госдепартаменте США информацию о планах и намерениях американцев, о позиции президента Ф. Рузвельта относительно сроков открытия второго фронта, а также об инструкциях, полученных делегацией США. Возглавляемая им нелегальная резидентура регулярно информировала Кремль о позиции администрации Ф. Рузвельта по всем международным вопросам, особенно накануне встреч «Большой тройки». Это позволяло Сталину быть в курсе намерений президента США, знать, на какие уступки может пойти американская делегация, какие разногласия существуют у нее с англичанами, и успешно защищать интересы Советского Союза.

Сведения из возглавляемой «Юнгом» нелегальной резидентуры шли действительно важные. 17 сентября 1944 года газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире, в котором со ссылкой на «заслуживающие доверия круги» говорилось о состоявшейся встрече министра иностранных дел Германии Риббентропа с английскими руководящими деятелями с целью выяснения условий сепаратного мира. В основе этого сообщения лежали документальные материалы, полученные резидентурой «Юнга».

После окончания войны перед резидентурой «Юнга» были поставлены новые задачи, в том числе по розыску нацистских преступников, укрывшихся за океаном.

В начале 1946 года разведчики-нелегалы завершили командировку и возвратились в Москву. Их деятельность за океаном была признана руководством разведки «исключительно успешной».

Исхак Абдулович Ахмеров еще долго и плодотворно работал в управлении нелегальной разведки. Был заместителем начальника этого суперсекретного разведывательного подразделения. Неоднократно выезжал в краткосрочные спецкомандировки для восстановления связи с агентурой и оказания помощи разведчикам-нелегалам. Выполнял и другие ответственные поручения руководства внешней разведки.

Скончался 18 июля 1976 года.

Глава 7. Охотник за шифрами

«Я получил 20 лет заключения и 5 лет ссылки (25 лет тоща еще не давали). Через 10 лет меня вызвали в Москву, якобы для подтверждения моих показаний... Был посажен на три года в «Сухановку» для пытки одиночеством. Там у меня начался тяжелый психоз, и я ослеп. После трехлетнего заключения в каменном мешке лечился в больнице при Бутырской тюрьме. Затем был отправлен в спецлагеря (Озерлаг в Тайшете и Камышлаг в Омске). Перенес два паралича. Как неизлечимый больной был в 1954 году досрочно освобожден, а в феврале 1956 года — реабилитирован...

Заключение не озлобило меня, но сделало более разумным и дальновидным.

А с другой стороны, с работой в разведке и с ИНО связаны лучшие годы моей жизни. Я горжусь ими, и от теперешних работников КГБ слышал слова: «Мы хотели бы быть такими, как вы. Вы — пример для нас». Я имею право гордиться сделанным!

Я рад, что вернулся в СССР, пусть на гибель, но сознательно вернулся, выполняя долг патриота. Я считаю, что прожил жизнь хорошую, и готов прожить ее так же еще раз».

(Из автобиографии разведчика-нелегала Д.А. Быстролетова, написанной 28 октября 1968 года.)

В 1929 году в советское полпредство в Берне пришел неизвестный человек и попросил дежурного дипломата связать его с военным атташе или с кем-нибудь другим, занимающимся «специальной работой». О визите странного посетителя дипломат немедленно известил резидента ОГПУ. Убедившись, что перед ним нужный человек, посетитель предложил резиденту купить у него итальянские шифры. Он сказал, что эти шифры при нем и, предъявив толстый портфель, добавил, что может оставить их до утра, чтобы его контрагенты убедились в их подлинности. Шифры он был готов продать за 200 тысяч швейцарских франков. Посетитель особо отметил, что по истечении срока действия шифров он за такую же сумму может достать новую серию. При этом ни своей фамилии, ни других данных о себе он не сообщил.

Резидент шифры взял и предложил незнакомцу зайти на другой день за ответом. Для себя он уже принял решение: шифры сфотографировать и вернуть посетителю, сказав, что они вызывают сомнение.

На следующий день незнакомцу был дан ответ, что его шифры — это фальшивка. Разгневанный, тот покинул полпредство, заявив, что его обманули. «Двести тысяч для полпредства — ничтожная сумма, — подчеркнул иностранец. — Но я, видимо, связался с нечестными людьми».

В Москву ушла победная реляция резидента, который сообщил, что сумел сэкономить на операции по добыче итальянских шифров двести тысяч швейцарских франков.^[5]

Получив в августе 1931 года назначение на пост начальника внешней разведки, Артур Артузов сразу же ознакомился с «бернским делом» и дал указание в Берн и Рим разыскать незнакомца. Однако предпринятые поиски успехом не увенчались.

Между тем на основе полученных таким образом шифров была налажена дешифровка телеграмм итальянского МИД, которые стали докладывать Сталину, Молотову и Ворошилову. Но когда шифры изменились, поток информации о политике фашистской Италии иссяк. Теперь уже генсек распорядился предпринять меры для поиска источника. Этот приказ надлежало выполнить Артузову. Посоветовавшись с начальником отделения, курировавшего работу римской резидентуры, он решил поручить это дело разведчику-нелегалу «Андрею», который уже имел опыт вербовки шифровальщиков.

«Андрей», он же Дмитрий Александрович Быстролетов, родился 4 января 1901 года в селе Айборы Евпаторийского района Крыма в имении московского мецената Сергея Апполоновича Скимунта и был незаконнорожденным сыном местной учительницы. По собственным предположениям, его отцом был граф Александр Николаевич Толстой, который некоторое время помогал семье материально. С 1904 по 1914 год Дмитрий жил в Петербурге, в аристократической семье графини де Корваль, где получил домашнее образование и воспитание.

В 1915–1917 годах Быстролетов обучался в Севастополе в Морском кадетском корпусе. В составе 2-го флотского экипажа принимал участие в десантных операциях на Турецком театре военных действий Первой мировой войны. В 1917 году поступил в мореходную школу в Анапе, летом плавал, а зимой учился. В 1919 году окончил одновременно выпускные классы мореходной школы и анапской гимназии. Сразу же был зачислен вольноопределяющимся морских сил Добровольческой армии Деникина. Плавал матросом на судах «Рион» и «Цесаревич Константин». Затем

дезертировал и бежал в Турцию. Служил матросом на судах различных пароходных компаний. В 1920 году вернулся в Россию, приведя в составе команды парусник «Преподобный Сергей» в советский порт.

В 1921 году в поисках работы Быстролетов вновь нелегально выехал в Турцию и оказался в эмиграции. В Константинополе он с отличием окончил колледж для европейцев-христиан.

Вскоре Дмитрий переехал в Чехословакию и поступил на юридический факультет Украинского университета в Праге. Одновременно для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь, трудился грузчиком, плотником и даже гробовщиком. Все годы жизни в эмиграции его не покидала мысль о возвращении на Родину. В Украинском университете в Праге был создан «Союз студентов — граждан РСФСР», активным членом которого с 1923 года стал Дмитрий Быстролетов. Он выполнял обязанности секретаря «Союза студентов», получил советское гражданство.

На активного студента обратила внимание советская разведка, и вскоре резидент ИНО ОГПУ в Праге Николай Григорьевич Самсонов стал давать Быстролетову отдельные поручения в области технической и экономической разведки, которые тот успешно выполнял. В апреле 1925 года в Москве состоялся 1-й Всесоюзный съезд пролетарского студенчества. Полпредство СССР в Праге командировало Быстролетова на съезд в качестве делегата — представителя зарубежного студенчества. Перед отъездом Дмитрия предупредили, что в Москве с ним будут говорить «очень важные лица». И действительно, такая беседа состоялась. С Быстролетовым встретились начальник Контрразведывательного отдела ОГПУ Артур Артузов и помощник начальника Иностранного отдела ОГПУ Михаил Горб, курировавший работу зарубежной агентуры. Впрочем, своих должностей они студенту не назвали. Убедившись, что молодой человек действительно располагает необходимыми положительными личными и деловыми качествами, представители ОГПУ сделали ему официальное предложение работать на советскую разведку.

В Прагу Быстролетов вернулся уже сотрудником Иностранного отдела. Он был принят на работу в советское торгпредство в качестве регистратора, затем стал экономистом информационного отдела. Работа в торгпредстве являлась легальным прикрытием его основной, разведывательной деятельности.

В своей автобиографии Дмитрий Александрович позже отмечал:

«С начала 1925 года я стал работать под руководством резидента в Праге, выполняя различные нелегальные задания. В апреле 1925 года моя работа в ОГПУ была оформлена: мне назначили месячный оклад, перевели

на оперативное разведывательное направление, а для легализации устроили в торгпредство.

Я занимался сначала экономической разведкой, а затем, усвоив соответствующие приемы и технику, перешел к вербовке агентуры в посольствах, к получению диппереписки, к нахождению источников в МИД и к военно-технической разведке».

В 1928 году Быстролетов закончил обучение в университете и успешно защитил диплом по теме «Право и мировая торговля нефтью».

В период разведывательной работы в Чехословакии, выступая с нелегальных позиций, Дмитрий Быстролетов провел несколько ценных вербовок. Так, в 1927 году он успешно осуществил разработку секретарши французского посольства в Праге, которая имела доступ к секретной переписке своего посла, а также к шифрам внешнеполитического ведомства Франции. В дальнейшем «охота за шифрами» стала главным направлением деятельности разведчика.

Среди завербованных Быстролетовым лиц был также конструктор с завода «Шкода», крупнейшего чешского предприятия, выпускавшего военную продукцию. С помощью этого специалиста была, в частности, получена технология закаливания оружейных стволов крупного калибра.

Через сына одного из советников МИД Чехословакии Быстролетов получил протоколы заседаний коллегии министерства, а также сведения о центре подготовки офицеров разведки, которые должны были в дальнейшем работать в СССР. Слушателями центра являлись офицеры разведки из Англии, Франции, Италии и Швеции. Преподавал в нем бывший царский генерал Иностранцев.

За успешную работу в разведке руководство ИНО приняло решение направить Быстролетова в Москву на учебу в Академии внешней торговли. Однако жизнь распорядилась по-иному.

В середине 1930 года, незадолго до отъезда, поздним вечером к Дмитрию домой зашел резидент и... предложил ему переехать на работу в Берлин, на этот раз на положении нелегала — под чужой фамилией и с чужим паспортом. Он предупредил разведчика, что работа будет опасной и в случае провала может представить для него смертельную угрозу. Быстролетову были даны сутки на размышление. Но уже утром он ответил согласием. Инсценировав отъезд в Москву, он «исчез» по дороге и перешел на нелегальное положение. Отныне он стал разведчиком-нелегалом, действовавшим под оперативным псевдонимом «Андрей». У Быстролетова в период его работы в разведке было несколько оперативных псевдонимов, но мы в нашем повествовании упоминаем лишь один из них.

В Германию «Андрей» прибыл по греческому паспорту. Этот паспорт он получил в «вольном городе» Данциге у греческого консула, связанного с торговцами наркотиками. При этом разведчик разыграл сцену, призванную доказать консулу, что он якобы является участником международной группы торговцев наркотиками.

Получив паспорт, «Андрей» принял меры к организации прикрытия, которое оправдывало бы его пребывание в Германии. С этой целью советской разведкой в Голландии была создана фирма по оптовой торговле текстильными изделиями, одним из совладельцев которой стал «Андрей», и которая направляла на его имя в Германию денежные переводы и важные деловые документы. Разведчик-нелегал открыл текущий счет в Амстердамском банке и стал членом Торговой палаты. Коммерческое прикрытие позволяло разведчику совершать деловые поездки в различные европейские страны и успешно выполнять оперативные поручения Центра.

В Берлине «Андрей» возглавил одну из групп нелегалов-вербовщиков. Общее руководство нелегальными группами осуществлял заместитель нелегального резидента Борис Яковлевич Базаров, действовавший под оперативным псевдонимом «Кин».

Именно «Андрею» было поручено разыскать человека, который в 1929 году предложил резиденту ИНО в Берне итальянские шифры.

В оперативной переписке с Центром незнакомцу был дан псевдоним «Росси». Изучив скудные сведения на иностранца, «Андрей» сделал вывод о том, что он может быть итальянцем, причем не мелким служащим, а одним из руководителей шифровальной службы МИД Италии, либо связанным с кем-либо из членов итальянского правительства. На эту мысль разведчика натолкнуло то обстоятельство, что полученные от «Росси» шифры и коды использовались во всей зашифрованной переписке МИД Италии.

Началась напряженная аналитическая работа. «Андрей» посетил Рим, осмотрел здания МИД Италии и других учреждений, где, по его предположению, мог работать «Росси». Некоторое время дежурил у этих зданий перед началом работы, но вскоре понял, что разыскать иностранца в толпе чиновников просто невозможно. «Андрей» вернулся в Женеву. Он вновь внимательно проанализировал все материалы, связанные с «Росси», в том числе его личные приметы. Разведчик обратил внимание на то, что «Росси» имел, по описанию видевших его людей, золотистый загар и красноватый цвет носа. Если бы он постоянно жил и работал в Италии, то его загар имел бы устойчивый темный цвет, из-за которого Гитлер впоследствии называл итальянцев «лакированными обезьянами».

«Андрей» сделал предположение о том, что «Росси», возможно, является швейцарцем и выступает в качестве посредника, реализующего материалы, которые он получает от своего итальянского контакта. Постоянно проживать он мог в Женеве, где располагалась штаб-квартира Лиги Наций, вокруг которой почти безнаказанно действовали представители спецслужб многих стран мира. В первую очередь «Андрей» решил проверить наиболее посещаемые иностранцами рестораны и бары города. Он направился в дорогой ресторан, а его помощник — в известную и популярную среди международных чиновников пивную. Им обоим повезло: в течение нескольких дней «Андрей» и его помощник зафиксировали появление человека, чьи приметы совпадали с описанием «Росси».

«Андрей» познакомился с иностранцем и стал с ним встречаться. Через некоторое время он, представившись сотрудником одной из западных разведок, напрямую сказал «Росси», что ему нужны итальянские шифры. Иностранец был обескуражен, однако вскоре за сходную плату принес «Андрею» сразу две серии итальянских шифров и кодов.

Работа с источником была для «Андрея» связана с большим нервным напряжением и даже с риском для жизни. На одной из встреч «Росси» предпринял попытку покушения на разведчика. Пригласив его к себе домой выпить чашку кофе, «Росси» неожиданно достал пистолет и прицелился в оперработника. «Андрей», однако, не потерял самообладания. Он сказал, что дом окружен машинами с его людьми, которые через 15 минут войдут в квартиру и, не обнаружив «Андрея» живым, «сделают из иностранца такой фарш, которому будут аплодировать все швейцарские мясники».

Решительное поведение разведчика отрезвляюще подействовало на «Росси», который пробормотал слова извинения и сказал, что пошутил. Постепенно «Андрей» сблизился с «Росси», выяснил его настоящие имя и фамилию. Оказалось, что он являлся выходцем из богатой, но разорившейся швейцарской семьи, имел влиятельных родственников в Италии, через которых и добывал нужные документы. Сам «Росси» сделал предположение, что шифрами МИД Италии торгует сам министр иностранных дел граф Чиано, являвшийся зятем Муссолини.

Через «Росси» «Андрей» вышел на одного из сотрудников французского 2-го бюро — военной разведки, — который также промышлял продажей шифров ряда иностранных государств. У француза были куплены бельгийские и австрийские шифры, а также ряд документов, касающихся каналов утечки секретной информации из Советского Союза. От этого же иностранца «Андрей» получил наводку на некую «фрейлейн

Мэрлин», секретаря секретного архива крупного промышленного концерна Германии. На самом деле это был один из разведывательных центров, в котором сосредоточивались материалы по военно-экономической разведке против СССР.

Центр поручил «Андрею» установить контакт с немкой и попытаться завербовать ее. Задание осложнялось тем, что «Мэрлин» была значительно старше «Андрея» — ее возраст уже перевалил за сорок лет. Немка являлась весьма несимпатичной особой, озлобленной из-за этого обстоятельства на всех мужчин. Кроме того она была фанатично предана Гитлеру и «Великой Германии». Все эти обстоятельства не располагали разведчика к близкому знакомству с иностранкой. Однако задание Центра было получено. Познакомиться с «Мэрлин» «Андрей» решил, разыграв роль богатого и легкомысленного венгерского графа Ладисласа Перельи де Киральгаза, пытавшегося разобраться в идеологии национал-социализма.

«Андрей» хорошо подготовился к роли, которую ему предстояло играть. Он посетил Венгрию, ознакомился с жизнью местной знати, под благовидным предлогом посетил несколько поместий титулованных особ, купил венгерские сувениры и предметы национальной одежды. Он даже сделал снимок, на котором венгерский кардинал, за племянника которого «Андрей» себя выдавал, благословляет его. Все это должно было способствовать подтверждению легенды оперработника.

С «Мэрлин» «Андрей» встретился в кафе, в котором она обычно пила кофе. Под благовидным предлогом он заговорил с немкой. В разговоре выяснилось, что симпатичный венгерский граф ничего не смыслит в национал-социализме и даже не знает, кто такие Гитлер, Геббельс и Гесс. Фанатичная немка клюнула на приманку и решила обратить легкомысленного венгерского графа в «национал-социалистическую веру». Постепенно их встречи стали носить регулярный характер. Она прониклась симпатией к разведчику и постепенно отошла от разговоров на политические темы. Однажды «Андрей» попросил ее помочь достать материалы, близкие по тематике к документам, хранившимся в ее сейфах.

Свою просьбу он легендировал намерением вложить деньги в интересовавший его бизнес. Немка поверила «Андрею». Сначала она информировала разведчика устно, а затем стала приносить ему и документы.

Через некоторое время «Андрей» представил «Мэрлин» своего компаньона, сказав, что собирается в командировку по делам и будет отсутствовать несколько месяцев. Он попросил немку передавать своему компаньону, а на самом деле другому разведчику-нелегалу, нужные

материалы. «Мэрлин» согласилась и в течение продолжительного времени передавала новому оперработнику за деньги интересующие его секретные документы, не подозревая, что на самом деле работает на советскую разведку. Ее материалы содержали доклады нацистской разведки о состоянии промышленного производства в СССР, о пропускной способности советских железных дорог, другие разведывательные данные. Это позволяло Центру не только судить о том, какими разведывательными сведениями об СССР располагает Германия, но и устанавливать источники утечки секретной информации.

Между тем во Франции, где резидентом советской внешней разведки был Захар Ильич Волович (находился в командировке по документам на имя Владимира Борисовича Яновича и под прикрытием должности сотрудника Генконсульства СССР), произошел такой же случай, как и в Берне. В том же 1929 году шифровальщик Управления связи британского МИД капитан Эрнест Холлуэй Олдхэм, находившийся в Париже с английской торговой делегацией, пришел в советское полпредство и, назвавшись Скоттом, предложил Воловичу английские дипломатические шифры за две тысячи долларов США.^[6] Волович, представившийся майором Владимиром, взял шифры и исчез с ними в соседней комнате, где они были перефотографированы. После этого он, вернувшись к посетителю, разыграл возмущение и, обвинив Олдхэма в мошенничестве, выгнал его из посольства.

Советские криптоаналитики в Москве убедились в достоверности английских шифров. Центр сделал Воловичу строгое внушение за то, что он не выплатил шифровальщику 2 тысячи долларов и не установил с ним контакт. Эта сумма вскоре была направлена в Париж вместе со строгим указанием Центра принять меры по восстановлению контакта с иностранцем, которому был присвоен оперативный псевдоним «Арно». На беду, оперработник, которому было поручено проследить за возвращением шифровальщика из советского полпредства, записал неверный адрес и не смог вспомнить место его проживания. Резидентура была вынуждена ответить в Центр, что не в состоянии выполнить его поручение.

В 1930 году эта задача была возложена на разведчика-нелегала «Андрея». По заданию Центра он выехал в Лондон и стал выслеживать «Арно» на маршруте его возвращения из Форин офиса домой. Однажды «Андрей» перехватил его в городе и обратился к англичанину с заранее подготовленной речью.

— Я сожалею, что мы не встретились в Париже, — сказал он по-английски слегка изумленному от неожиданности «Арно». — Я знаю о

серьезной ошибке, совершенной майором Владимиром. Он отстранен от работы и наказан. Я пришел, чтобы отдать вам то, что по праву вам принадлежит.

С этими словами «Андрей» сунул в руку находившемуся в ступоре «Арно» конверт с деньгами и исчез в толпе. Прохожие, видевшие, как «Арно» схватился за грудь и как у него подогнулись колени, пришли к нему на помощь. «Арно» сослался на внезапный сердечный приступ, пробормотал слова благодарности и кое-как добрался до дома. Открыв конверт, он обнаружил в нем две тысячи долларов и инструкцию по дальнейшему вступлению в контакт с «Андреем». Он вышел на назначенную оперработником встречу с твердым намерением вернуть ему деньги и отказаться от дальнейших контактов. Однако «Андрею» удалось уговорить «Арно» взять деньги и продолжить сотрудничество с разведчиком-нелегалом.

В беседе с оперработником «Арно» назвался наборщиком типографии, в которой печатаются документы МИД Англии, в том числе ежедневные телеграммы для членов правительства, доклады послов и другие секретные документы. Он сообщил, что может печатать один дополнительный экземпляр и передавать его разведчику, если будет достигнута договоренность об оплате. На вопрос «Андрея», почему он обратился в советское полпредство в Париже, «Арно» ответил, что в других иностранных посольствах, по его сведениям, имеются осведомители британской контрразведки, и только в советском посольстве в Париже их нет.

«Андрей» сделал вид, что поверил «Арно». Однако по общей эрудиции англичанина, умению вести разговор с собеседником и его манерам он пришел к выводу, что «Арно» не простой наборщик типографии, а, скорее всего, ответственный чиновник МИД Англии. Разведчик постарался сблизиться с «Арно» и его семьей, приглашал его вместе с женой в дорогие рестораны, с тем чтобы разобраться в этом человеке. В случае если бы «Арно» располагал доступом к интересующим резидентуру шифрам, «Андрей», выдававший себя за промотавшегося аристократа, вынужденного работать на советскую разведку, должен был под соответствующей легендой познакомить его с заместителем нелегального резидента «Кином».

Вскоре выяснилось, что «Арно» является одним из руководителей шифровальной службы британского МИД и специалистом по разработке шифров и дешифрированию. Он тяжело переносил «двойную жизнь», связанную с работой на советскую разведку, и стал злоупотреблять

спиртным. По просьбе жены шифровальщика «Андрей» оплатил ему курс лечения от алкоголизма, после чего «Арно» пришел в норму. Для организации конспиративной связи с «Арно» было решено поместить одного из его сыновей под предлогом изучения языка и получения воспитания в богатую семью во Франции. Это давало возможность англичанину, не вызывая подозрений, выезжать в Париж для встречи с оперработником, которому он передавал важные секретные материалы.

В течение трех лет работы с «Арно» от источника были получены английские шифры, коды, дешифровальные таблицы, еженедельные сборники шифрованных телеграмм британского МИД и другая секретная информация.

Работа «Андрея» получила высокую оценку Центра. Приказом ОГПУ он был награжден боевым оружием:

Из приказа ОГПУ от 17 ноября 1932 года:

«За успешное проведение ряда разработок крупного оперативного значения и проявленную при этом исключительную настойчивость наградить Быстролетова Д.А., сотрудника ИНО ОГПУ, боевым оружием с надписью: «За бесстрашие и беспощадную борьбу с контрреволюцией».

Зампред ОГПУ Балицкий».

Однако в дальнейшем положение «Арно» осложнилось. У него вновь начались запои, что постепенно вызвало негативное отношение к нему со стороны руководства Форин офиса. К тому же к нему стал проявлять интерес ответственный чиновник из службы безопасности МИД Англии. Центр приказал всем нелегальным разведчикам, задействованным в работе с «Арно», немедленно выехать на континент. Остался лишь «Андрей», который должен был получить от англичанина шифры на следующий год.

О сложности обстановки, в которой пришлось работать «Андрею», свидетельствует письмо, назначенного к тому времени уже нелегальным резидентом «Кина», направленное в Центр 6 июня 1933 года:

«Не исключено, что «Андрей» может быть ликвидирован противником. Тем не менее директивы о его немедленном отъезде я не дал. Уехать сейчас — это значит потерял, источника, а при его значимости это равно ослаблению нашей обороны и усилению работы противника. Возможная же сегодня потеря «Андрея», завтра других товарищей — неизбежность, предreshенная характером поставленных задач».

В ответ руководство Иностранного отдела писало резиденту 4 августа того же года:

«Просьба передать «Андрею», что мы здесь вполне осознаем самоотверженность, дисциплинированность, находчивость и мужество,

проявленные им в исключительно тяжелых и опасных условиях последних дней работы с «Арно».

В конце 1933 года «Арно» был уволен с работы. После очередного запоя он покончил жизнь самоубийством, отравившись бытовым газом.

Однако наводки на британских шифровальщиков, с которыми «Арно» работал, в частности, в Женеве в Лиге Наций, не пропали даром. В 1934 году «Андрею» удалось завербовать шифровальщика британского МИД «Мага», от которого поступала ценная документальная информация. Некоторые из документов оказались настолько важными, что были доложены лично Сталину. Среди них — тексты телеграмм, отправленных английским посольством в Берлине по результатам встреч министра иностранных дел Великобритании Саймона с Гитлером и другими нацистскими бонзами. Работа советской разведки с «Магом» успешно продолжалась до 2 сентября 1939 года, когда он был выдан предателем Вальтером Кривицким. «Маг» был арестован британской контрразведкой и осужден к 10 годам тюремного заключения.

Что касается Захара Воловича («майора Владимира»), о котором «Андрей» сказал «Арно», что он отстранен от работы и наказан, то это произошло только в 1937 году и не было связано с его проступком в Париже. В 1936 году он был награжден орденом Красной Звезды. До марта 1937 года занимал должность начальника 1-го (охрана правительства) отдела ГУГБ НКВД СССР. Однако 22 марта старший майор госбезопасности Волович был арестован по делу Генриха Ягоды, а 15 июня лишен всех наград. Припомнили ему и случай с приобретением шифров, расценив это как «попытку вредительства». 14 августа 1937 года Захар Ильич Волович был приговорен к высшей мере наказания за «шпионаж и участие в контрреволюционном заговоре» и в тот же день расстрелян. Реабилитирован в середине 1950-х годов.

Находясь за границей на нелегальном положении, «Андрей» выполнял и другие разведывательные задания Центра. Значительная их часть была связана с организацией перебросок секретных материалов и документов через границы иностранных государств в СССР. Однажды ему было дано поручение нелегально вывезти из Италии добытый разведкой пулемет новейшей по тому времени конструкции. «Андрей» блестяще выполнил эту задачу, играя роль больного английского лорда-миллионера, страдающего припадками эпилепсии и возвращающегося на родину в сопровождении сестры-монахини. Разобранный на части пулемет разведчик провез в сумке для гольфа.

Руководство ИНО ОГПУ высоко оценило работу Дмитрия

Быстролетова в нелегальной разведке. В представлении к награждению разведчика нагрудным знаком «Почетный чекист», в частности, отмечалось (сохранен стиль документа):

«Работает в качестве заместителя резидента. Проявил себя как преданный, храбрый, настойчивый и дисциплинированный чекист. Своей исключительной выдержкой и проявленной при этом исключительной настойчивостью провел ряд разработок крупного оперативного значения. Участвуя лично в ряде опасных мероприятий, добился серьезных результатов».

Одновременно с разведывательной деятельностью в 1930–1936 годах Быстролетов по чужому паспорту на имя голландца Галлиени учился в аспирантуре медицинского факультета Цюрихского университета и получил диплом доктора медицины по специальности «Акушерство и гинекология». Тогда же он, как практикующий врач одной из швейцарских частных клиник, сделал научное открытие о регулировании пола будущего младенца при планировании семьи.

Дмитрий Быстролетов был всесторонне одаренным человеком. Достаточно сказать, что он владел 20 иностранными языками, был слушателем Берлинской и Парижской академий художеств и брал частные уроки у художников-графиков.

В 1936 году, после многолетнего пребывания за рубежом на нелегальной работе, Быстролетов с женой возвратились в Москву. В характеристике на разведчика, написанной резидентом Базаровым, подчеркивалось (сохранен стиль документа):

«...За время работы с тов. Быстролетовым я имел случаи видеть, как он, имея разрешение прервать работу из-за наличия непосредственной серьезнейшей угрозы его личной свободе, не прервал ее, а оставался на работе до тех пор, пока не доводил ее до конца.

Исключительно добросовестный в проведении возложенных на него задач и исполнительный, он заслужил доверие к себе...».

В Москве Быстролетов работал в центральном аппарате разведки. Руководство Службы готовило разведчика для выполнения нового ответственного задания. Он должен был выехать в нацистскую Германию для восстановления связи с ценным источником, занимавшим важную должность в германском вермахте. Быстролетов был представлен наркому внутренних дел Николаю Ежову как один из лучших работников разведки. На его счету было получение шифров Италии, Германии, Франции, Англии, Чехословакии, Австрии, Швейцарии и Турции. И это — не считая успешного выполнения других ответственных разведывательных заданий.

В своей книге «Пир Бессмертных» Д.А. Быстролетов так рассказывает о встрече с всесильным наркомом:

«Тяжелое время требует личных жертв. Мне напомнили, что на данном мне почетном боевом оружии не напрасно выгравирована надпись: «За бесстрашие и беспощадную борьбу с контрреволюцией». Я получил новое задание — под видом голландца выехать с женой в голландскую Индию, купить там плантацию и вступить в голландскую профашистскую партию, затем перебраться в Южную Америку и вступить там в местную организацию гитлеровской партии. Конечная цель комбинации — возвращение в Европу, где на случай войны с Германией меня свяжут с очень важным источником в немецком Генштабе.

В моем присутствии доклад об этом назначении сделал наркому Ежову начальник Иностранного отдела Слуцкий. Ежов внимательно выслушал, взял синий карандаш, размашисто написал на первой странице доклада: «Утверждаю. Ежов», потом сказал:

— Мы даем вам лучшего источника. Цените это. Вы зачисляетесь в кадры с присвоением воинского звания. Подавайте заявление о приеме в партию. О матери не думайте — мы во всем ей поможем. Спокойно поезжайте за границу. Помните: Сталин и Родина вас не забудут. Ни пуха, ни пера!

Обнял, три раза поцеловал. Я вышел взволнованный и воодушевленный».

Однако отъезд за границу не состоялся. Дмитрий Александрович попал под подозрение как лицо, близкое к Г. Ягоде. Командировку отменили. 25 февраля 1938 года разведчик был неожиданно переведен во Всесоюзную торговую палату на должность заведующего бюро переводов.

В уже упомянутом выше произведении Быстролетов по этому поводу пишет:

«Сначала в Иностранном отделе Главного управления государственной безопасности, где я работал, арестовывали малоизвестных мне людей. Придя домой, в разговорах с женой я только разводил руками: «Откуда у нас столько изменников и шпионов?». Но потом один за другим исчезли все старые начальники и мои товарищи, а сам я был переведен в совершенно гражданское учреждение, хотя и связанное с границей, — в Торговую палату. Но и там волны арестов уносили нужных и проверенных людей, опытных работников. Арестовывали явно по какому-то плану...

Потом начались повальные аресты. При таинственных обстоятельствах скоростигжно скончался Слуцкий. Арестовали полковника Гурского, начальника отделения, к которому я был приписан.

Были арестованы два моих зарубежных начальника — Базаров и Малли. Арестовали вызванных из-за рубежа подпольщиков. Из наших рядов выхватывали самых лучших, талантливых и храбрых. Я стал ждать своей очереди. И вот — дождался...»

В ночь с 17 на 18 сентября 1938 года Быстролетов был арестован. Ордер на арест № 3957 подписал первый заместитель наркома внутренних дел СССР Лаврентий Берия. Позже стало известно, что причиной его ареста стал рапорт, направленный руководству НКВД руководителями Управления НКВД Московской области Станиславом Францевичем Реденсом и Иваном Григорьевичем Сорокиным:

«Совершенно секретно.

Заместителю народного комиссара внутренних дел СССР Фриновскому.

— 3-м отделом УГБ УНКВД МО вскрыта и ликвидируется шпионско-террористическая организация, созданная чешскими разведывательными органами из эмигрантской молодежи, объединившейся в «Союз студентов — граждан РСФСР» в городах Прага и Брно.

По показаниям арестованных установлено, что «Союз студентов — граждан РСФСР» был создан чешскими разведывательными органами и РОВС (Русский общевоинский союз) для легальной переброски в СССР шпионов, диверсантов и террористов. Одним из инициаторов создания этого «союза» является Быстролетов Дмитрий Александрович, который по показаниям арестованных, является агентом чешских разведывательных органов.

Быстролетов прибыл в СССР в 1936 году и до последнего времени ведет разведывательную работу, являясь резидентом чешской разведки.

Сообщая об изложенном, просим вашей санкции на арест Быстролетова, как одного из активных участников вскрытой шпионско-диверсионной и террористической организации. Начальник УНКВД Московской области комиссар государственной безопасности первого ранга Реденс.

Начальник 3 отдела УГБ УНКВД Московской области капитан государственной безопасности Сорокин. 7 декабря 1937 года».

Интересно отметить, что именно в день подписания рапорта И. Г. Сорокин был назначен начальником УНКВД Уссурийской области.

Незавидной оказалась судьба самих подписантов. Иван Сорокин был арестован 16 сентября 1938 года, а 13 августа 1939 расстрелян. Станислава Реденса арестовали 22 ноября 1938 года и 21 января 1940 года расстреляли.

Дмитрия Быстролетова обвинили в шпионаже и в связях с

расстрелянными к тому времени «врагами народа» Николаем Самсоновым и Теодором Малли. В процессе следствия никаких доказательств «контрреволюционной» деятельности Быстролетова получено не было. Да это и не интересовало его палачей. Костоломы Ежова и Берии выбили из него признательные показания, и Дмитрий Александрович оговорил себя. На судебном процессе он заявил о том, что эти показания были получены следствием в результате применения пыток, однако суд не принял это заявление в расчет.

Дмитрий Быстролетов был осужден на 20 лет исправительно-трудовых лагерей. Заключение отбывал в Норильлагс, Краслаге и Сиблаге. В лагере он узнал, что его мать не вынесла ареста и осуждения единственного сына и отравилась. С не меньшей душевной болью разведчик узнал и о кончилось своей жены, чешской красавицы Иоланты, умершей от туберкулеза.

В 1947 году, после десяти лет заключения, Быстролетова доставили из Сиблага в Москву, в МГБ СССР на Лубянке. Тогдашний министр госбезопасности Виктор Абакумов предложил Быстролетову подать прошение о помиловании в обмен на немедленное освобождение и продолжение работы в разведке. Заключение отказался от амнистии, потребовав повторного суда и полной реабилитации. За отказ просить помилование Быстролетов по произволу следователей был брошен на три года в одиночную камеру спецобъекта МГБ «Сухановка». За три года нахождения в нечеловеческих условиях он пережил два кровоизлияния в оба глаза, сильно ослабивших его зрение, заболел психическим расстройством. После лечения в тюремном госпитале Быстролетов был направлен на каторжные работы в Озерлаг и Камышлаг.

Но на этом испытания разведчика не кончились. После возвращения в лагерь в 1952 году его поместили в один барак с 28 немецкими нацистами, отбывавшими срок заключения за свои преступления на советской земле. По словам Быстролетова, это было «заключение в заключение», когда он оставался один на один с нацистскими преступниками, против которых боролся в предвоенное время. В 1954 году Дмитрий Александрович был освобожден из заключения. Из лагерей он вышел инвалидом. В 1956 году Военная коллегия Верховного Суда СССР после повторного рассмотрения его дела вынесла решение: «Приговор от 8 мая 1939 года но вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления».

После реабилитации Д.А. Быстролетов работал во Всесоюзном НИИ медицинской и медико-технической информации Министерства здравоохранения СССР в качестве научного консультанта. Имея много

специальностей — юрист, врач, художник (его картины экспонировались в клубе имени Дзержинского КГБ СССР), Дмитрий Александрович сыграл выдающуюся роль не только в нелегальной разведке, но и в деле расширения знаний о достижениях зарубежной медицины.

Дмитрий Быстролетов оставил потомкам богатое литературное наследие: он написал шестнадцать книг и литературный сценарий многосерийного художественного фильма. В 1973 году по сценарию Быстролетова был снят художественный фильм «Человек в штатском», рассказывающий о работе разведки. В 1974 году журнал «Наш современник» напечатал его повесть «Рага bellum» (с латинского — готов к бою). Позже была опубликована литературная трилогия «Пир бессмертных», в которой Быстролетов рассказал о своей жизни и работе.

Замечательный советский разведчик-нелегал Дмитрий Александрович Быстролетов скончался 3 мая 1975 года и был похоронен на Хованском кладбище в Москве. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

В предисловии к книге «Пир Бессмертных», обращаясь к потомкам, Дмитрий Быстролетов писал:

«Неизбежно придет время, когда о методах государственного управления можно и нужно будет говорить спокойно и свободно, и тогда понадобятся материалы, показывающие не только одни светлые стороны нашей жизни. Нельзя одновременно клясться в том, что прошедшее не повторится, и в то же время решительно не допускать общественного обсуждения допущенных ошибок. Это затрудняет процесс оздоровления. Чтобы понимать — нужно знать...

Преступления кучки проходимцев не могут заслонить бессмертный подвиг народа, приступившего к построению новой жизни.

...Сталинская эпоха ярка и грандиозна, она велика в хорошем и в дурном, и не мне ее огульно хаять и чернить: я горжусь, что жил в это жестокое, трудное, но великолепное время!»

Глава 8. Генерал особого назначения

Я генерал государственной безопасности и еврей. Есть гарантия, что я кончу свои дни в тюрьме...

Н. Эйтингон (Из разговора с П. Судоплатовым)

В середине 1970-х годов на имя члена Политбюро ЦК КПСС, председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова поступило письмо от отставного разведчика Леонида Эйтингона, который был репрессирован во времена правления Хрущева как соратник Берии.

В своем заявлении прославленный чекист писал:

«В 1925 году, перед отъездом в Китай (это был мой первый выезд за кордон), я вместе с бывшим в то время начальником Иностранного отдела ОГПУ тов. Трилиссером был на приеме у товарища Дзержинского. Он, после того как коротко объяснил обстановку в Китае и указал, на что следует обратить особое внимание, сказал: «Делайте все, что полезно революции». И я всю жизнь следовал этому напутствию и делал всегда то, что считал полезным и нужным для советской власти и партии. Легко представить себе, каким нелепым, диким и непонятным явился для меня мой арест. Ни в ходе предварительного следствия, которое длилось четыре года, ни во время суда, также как и в настоящее время, я ни в чем себя виновным перед Советской Родиной и партией не признавал и не признаю. Меня приговорили к 12 годам тюрьмы, которые я провел во Владимирском центральном. Я прошу Вас помочь мне, чтобы как можно скорее разобрались с моим делом о реабилитации и восстановлении в партии».

Однако в то время все попытки Эйтингона добиться справедливости оказались тщетными. Честное имя разведчика было восстановлено только в апреле 1992 года, через одиннадцать лет после его кончины.

Кто же он, легендарный Леонид, он же Наум Эйтингон, он же Леонид Александрович Наумов, он же чекист Котов, вошедший в историю советских органов госбезопасности как их меч, карающий предателей и изменников? Каким был его жизненный путь? Что он успел совершить на этом пути? Обратимся к некоторым страницам биографии разведчика.

6 декабря 1899 года в белорусском городе Могилеве в семье Исаака Эйтингона родился первенец, которого родители назвали распространенным еврейским именем Наум. Детство мальчика прошло в

небольшом уездном городке Могилевской губернии Шклове, где его отец работал конторщиком на местной бумажной фабрике.

Семья жила небогато, хотя родственники будущего чекиста по отцовской линии были приписаны к купеческому сословию. Наум впоследствии гордился одним из своих предков, который в год наполеоновского нашествия на Россию повторил подвиг костромского крестьянина Ивана Сусанина, заведя отряд французских солдат в непроходимые болота, где многие из них погибли. Озверевшие французские солдаты повесили мужественного патриота. В семье Эйтингонов помнили подвиг своего пращура и часто рассказывали о нем.

В 1912 году, когда Науму еще не исполнилось и тринадцати лет, умер отец. Из захолустного Шклова семья перебралась в губернский центр Могилев. Кроме самого Наума на попечении вдовы осталось еще трое детей — две дочери и сын, которых ей одной было не под силу прокормить. Некоторое время семью содержал дед Наума — частный поверенный. Но вскоре и он умер. Детство будущего разведчика закончилось. Как старший в семье он стал зарабатывать на жизнь частными уроками, репетиторством и перепиской всякого рода бумаг. Заработок был небольшим, и такая работа не сулила никаких перспектив на будущее. На семейном совете было решено отправить Наума в Могилевское коммерческое училище. В училище Наум стал заниматься в литературном кружке, где впервые познакомился с революционной литературой.

Февральский переворот, отменивший черту оседлости для евреев, 17-летний Наум встретил в Могилеве. Он уходит из 7-го класса коммерческого училища и начинает работать инструктором отдела статистики. В мае 1917 года он вступает в партию эсеров, пользовавшуюся в то время широкой популярностью среди еврейской молодежи. Однако уже в августе того же года он разочаровался в практической деятельности верхушки партии социалистов-революционеров, которая стремилась в первую очередь к министерским портфелям и большим окладам и мало прислушивалась к народным нуждам, откладывая на потом решение жизненно важных вопросов революции. Среди них — вопросы о мире и земле.

Наум Эйтингон с восторгом встретил Октябрьскую революцию, провозгласившую мир народам и отдавшую землю крестьянам. Поскольку старая городская управа была распущена революционными властями, Наум переходит на работу в пенсионный отдел городского совета, где занимается оформлением пенсий и пособий семьям убитых на войне.

В марте 1918 года, после срыва Троцким Брестского мира, германские интервенты перешли в наступление по всему Восточному фронту, и вскоре

Могилев был оккупирован войсками кайзера Вильгельма II. Могилевский Совет рабочих и солдатских депутатов был разогнан интервентами, и Эйтингон устроился рабочим на бетонный завод.

В ноябре 1918 года в Германии победила революция. Кайзер Вильгельм II был свергнут и бежал в Голландию. Германские оккупационные войска в полном походном порядке, как и положено немцам, покинули Белоруссию. В Могилев вступили войска Красной Армии и восстановили советскую власть. Наум вновь поступает на работу в Могилевский городской совет и занимается реализацией продразверстки. Он много ездит по губернии, участвует в подавлении кулацких мятежей. Вскоре его переводят на работу в Губпродукт, где Наум отвечает за решение вопросов, связанных с кооперацией производителей.

В апреле 1919 года Наум Эйтингон был направлен в Москву для учебы на курсах при Всероссийском совете рабочей кооперации. Его преподавателями были такие видные большевики, как Виктор Ногин, Иван Скворцов-Степанов и многие другие.

В сентябре 1919 года Наум возвращается в родные края. Правда, на сей раз в губернский город Гомель, где принимает участие в подавлении антисоветского мятежа, который возглавил бывший царский офицер Стрекопытов.

Пребывание Эйтингона в Гомеле и его участие в борьбе с мятежниками совпало по времени с приближением к городу войск белогвардейцев и польского генерала Галлера. В октябре 1919 года Наум вступает в партию большевиков и становится бойцом партийного отряда. Для Эйтингона это означало, что в случае захвата города армией Деникина он был бы повешен белогвардейцами. В конце 1919 года, когда красногвардейские отряды отразили наступление польских интервентов, Эйтингон снова вернулся на работу в качестве инструктора по кооперации. Одновременно являлся инструктором по профсоюзной работе в губернии и занимался созданием профсоюзных организаций.

В мае 1920 года Наум Эйтингон по путевке Гомельского губкома партии становится уполномоченным Особого отдела Гомельского укрепрайона. Таким образом, со службы в военной контрразведке началась служба Эйтингона в органах государственной безопасности, которая продолжалась вплоть до его ареста по делу Берии в 1953 году.

Особый отдел ВЧК был образован в декабре 1918 года под руководством видного революционера Михаила Кедрова. Подчиненные ему особые отделы создавались при всех фронтах, армиях, дивизиях, а также в ряде губернских ЧК. Они занимались выявлением вражеской агентуры в

Красной Армии, в ее штабах, на фронтах и в тылу, борьбой с саботажем и диверсиями на железных дорогах, в продовольственных и других организациях, имевших отношение к обороне республики. Поскольку в годы Гражданской войны советское правительство привлекло на службу в Красную Армию до сорока тысяч бывших царских генералов и офицеров, среди которых оказалось немало белогвардейских агентов, сотрудники особых отделов выявляли их, тайно внедряясь в штабы Красной Армии и вербуя осведомителей в армейских частях. Об их принадлежности к особым отделам знал ограниченный круг лиц. Особисты вели также разведку за линией фронта и в ближайшем тылу, внедряясь в белогвардейские организации и в штабы армий интервентов, так как в тот период в ВЧК еще не было Иностранного отдела. Особисты входили в состав военных трибуналов РККА, рассматривавших дела об измене и вредительстве, а также «в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики».

О том, какое значение приобрели особые отделы в годы Гражданской войны, свидетельствует тот факт, что 18 августа 1919 года решением ЦК РКП (б) начальником Особого отдела ВЧК был назначен Ф.Э. Дзержинский, одновременно являвшийся председателем ВЧК. В июле 1920 года на этом посту его сменил будущий председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский. Заслуги Особого отдела ВЧК в борьбе с военным шпионажем и вредительством были отмечены приказом Реввоенсовета республики от 20 декабря 1922 года, наградившим его орденом Красного Знамени.

Особый отдел Гомельской ЧК работал в прифронтовых условиях. Основой его задачей была борьба с бандитизмом, а также с польским шпионажем. В мае 1921 года гомельские чекисты, внедрив своего агента, раскрыли в этом городе штаб так называемого «Западного областного комитета», который структурно входил в «Народный союз защиты Родины и свободы». Руководил им бывший эсеровский боевик, организовавший убийство великого князя Владимира Александровича, бывший товарищ (заместитель) военного министра Временного правительства России Борис Савинков. Именно по его указанию в июле 1918 года в Ярославле был поднят кровавый мятеж. После подавления мятежа Савинков перешел на службу польской, французской и английской разведок.

С этим террористом, казалось бы, все ясно. Однако сегодня в независимой российской прессе появляются публикации о том, что Борис Савинков был чуть ли не святым, идейным борцом против большевиков. Некоторые авторы вообще ставят под сомнение его связь с иностранными спецслужбами.

Но вот выдержки из подлинного документа французской военной разведки, знаменитого Второго бюро, — письма, подписанного самим Борисом Савинковым и направленного им французскому военному министру Луи Барту. Письмо датировано 11 марта 1921 года. К этому времени части Красной Армии приступили к окончательному подавлению Кронштадтского мятежа, спровоцированного разведслужбами Англии и Франции (публикуется в переводе с оригинала, с сокращениями):

«События, имевшие место в Петрограде, в Кронштадте и в Москве, со всей очевидностью показывают, что недалек час падения советской власти в России.

По имеющимся у меня сведениям, всеобщее восстание крестьянских масс неизбежно в России весной этого года. Именно над подготовкой этого восстания и над координацией предстоящих в благоприятный момент операций всех активных антибольшевистских сил работает Политический комитет (по эвакуации) России в Польше...

Специалисты, назначенные Политическим комитетом и правительством Национальной Украинской Республики, в настоящее время по приказу атамана Петлюры и моему приказу вырабатывают план операций на Севере России, в Белоруссии и на Украине, а также планы мобилизации частей бывших русской и украинской армий, интернированных на территории Польской Республики (при условии, что польское правительство не будет этому препятствовать).

Я надеюсь, что одновременно вспыхнут восстания в Петроградской, Псковской и Новгородской губерниях, в Смоленске, Гомеле, Минске и на Украине, а также, может быть, и в казачьих республиках...

Успех подготавливаемого восстания крестьянских масс будет означать не только падение коммунистической власти в России, но также создание демократического правительства, отношение которого к Франции и Польше будет глубоко дружеским...

Беря на себя смелость привлечь Ваше внимание к вышеизложенному, хочу надеяться, что недалек час падения коммунистической тирании и что Франция, во имя прочного мира, интересов своего союзника России и дорогой ей Польши и в своих собственных интересах, не оставит без своей поддержки Русский эвакуационный комитет и сыграет — я в этом не сомневаюсь — важную роль в близящихся революционных событиях».

К счастью, это письмо не имело последствий для Советской России. Министр Луи Барту не наложил на него никакой резолюции, и призыв террориста Савинкова поддержать его военные авантюры в России остался без ответа: французы боялись, что «революционная зараза» захлестнет

французские экспедиционные войска на севере России, как это ранее уже имело место на юге, в частности в Одессе, в 1920 году.

Однако сам Савинков и его головорезы, активно поддерживаемые Польшей, представляли серьезную угрозу. Из Польши на советскую территорию постоянно забрасывались вооруженные отряды, состоявшие из остатков интернированных армий Булак-Балаховича, Перемыкина и Петлюры. Переброску вооруженных банд через советско-польскую границу осуществляла польская разведслужба — знаменитая «двуйка», а также польская жандармерия.

В письме на имя военного министра Франции Луи Барту Савинков предсказывал, что всеобщее выступление крестьян против советской власти состоится весной 1921 года. Однако это пророчество не сбылось. Савинковцы планировали вторжение собственных банд на территорию Советской России на август того же года. Савинковский «Народный союз защиты Родины и свободы» разделил территорию России на три полосы. Гомель в его штанах входил в южную полосу вместе с Минском и Орлом.

Именно туда проникали банды савинковцев. Они уничтожали пограничные заставы, убивали партийных, профсоюзных и хозяйственных руководителей, захватывали поезда. Так, в городе Демянске Новгородской губернии, занятом бандой полковника Павловского, были убиты 192 человека.

Будучи сотрудником Гомельской губернской ЧК, Наум Эйтингон принимал участие в операции «Крот», в результате которой были арестованы около ста членов «Западного областного комитета» Савинковского «Народного союза защиты Родины и свободы». Заговор возглавлял губернский военный комиссар. О важности проведенной чекистами операции свидетельствует тот факт, что для ее реализации из Москвы в Гомель были направлены ответственные сотрудники Особого отдела ВЧК Сергей Пузицкий и Игнатий Сосновский.

В мае 1921 года Наум Эйтингон принимал активное участие в выявлении и аресте в Минске уполномоченного «Народного союза защиты Родины и свободы» Эдуарда Опперпута-Стауница. В том же 1921 году молодому чекисту не раз приходилось выезжать с оперативными группами на ликвидацию вооруженных банд террориста Савинкова. В ходе одной из таких операций в октябре 1921 года в местечке Давыдовка Гомельской губернии Наум Эйтингон был тяжело ранен в левую ногу.

Из госпиталя Наум Эйтингон вышел только в марте 1922 года. Он сразу был назначен членом коллегии Башкирского отдела ГПУ и вскоре выехал в Стерлитамак, являвшийся в то время столицей автономной

республики.

В конце 1921 года в Башкирии возникла критическая ситуация. В республике сложились ненормальные отношения между местной ЧК и национальным башкирским руководством. Несмотря на то, что в Башкирии уже была установлена советская власть, некоторые местные советские работники, не разобравшись в обстановке, а иногда и отдавая дань пережиткам прошлого, проявляли открытое недоверие к башкирским руководителям. Ответной реакцией стали вспышки буржуазного национализма среди башкир. Обострилась национальная рознь между башкирами и татарами. Тяжело сказались на настроениях людей неурожай и голод.

Не все гладко шло в Башкирии и с созданием местного государственного аппарата, регулярно возникали разногласия на почве межнациональных отношений.

В целях исправления создавшегося положения ЦК РКП (б) принял решение сменить руководство ЧК автономной республики.

Положение в республике усугублялось еще и тем, что башкирское население оставалось крайне недовольно проведенной до революции столыпинской аграрной реформой, в результате которой переселенцы из Центральной России получили лучшие земельные наделы. Этим обстоятельством воспользовались башкирские националисты, которые выдвинули лозунг: «Всю землю Башкирии — только башкирам». Таким требованием, в свою очередь, были недовольны татары, являвшиеся более развитыми в экономическом отношении.

Лидером башкирских националистов стал 27-летний сын сельского муллы, получивший хорошее образование, Ахмет-Заки Валидов. В марте 1919 года была создана Башкирская Автономная Республика в составе РСФСР, столицей которой до июня 1922 года был город Стерлитамак. Валидов возглавил Башкирский ревком и вскоре вступил в РКП (б). Именно при нем начались гонения на лиц татарской и русской национальностей. Ситуация осложнилась еще и тем, что в 1920 году в Белебеевском, Бирском и Мензелинском уездах Башкирии вспыхнуло крестьянское восстание, получившее название «Черный орел» и проходившее под оригинальным лозунгом: «Долой коммунистов, да здравствуют большевики и свободная торговля».

В декабре 1921 года председателем Башкирской ЧК был назначен видный чекист Николай Волленберг.

В короткий срок Волленбергу и присланным ему в помощь чекистам, среди которых был Наум Эйтингон, удалось нормализовать обстановку в

республике и создать необходимые условия для ее развития.

Приходилось чекистам бороться и с бандитизмом, который в годы Гражданской войны в России расцвел махровым цветом по всем городам и весям обширного государства. В Башкирии также активно действовал филиал американской организации по оказанию помощи голодающим Поволжья «АРА», служившей «крышей» для американских разведчиков.

Напомним, что «АРА», или «Американская администрация помощи», была создана в США после Первой мировой войны с целью «оказания продовольственной и иной помощи народам Европы, пострадавшим от войны». Возглавлял ее министр торговли Герберт Гувер. Кадровый аппарат «АРА» в Советской России был полностью укомплектован американскими сотрудниками, которых насчитывалось более трехсот человек. Многие из них были кадровыми разведчиками. Директором «АРА» в России был полковник Хаскель, а его секретарем — разведчик Джон А. Лерс, являвшийся в прошлом консулом США в Петрограде. Установленными американскими разведчиками были также помощник директора «АРА» Мэтьюз Филипп, представлявший эту организацию на юго-востоке России, а также уполномоченные «АРА» в Казани Г. Бойд, на Украине — полковник Гров, в Белоруссии — армейский разведчик Харди, в Одессе — полковник Хайнес. В Башкирии эту организацию представлял Крейг, также являвшийся кадровым американским разведчиком.

В Башкирии Наум Эйтингон служил до мая 1923 года. Затем он был отозван в Москву и получил назначение на работу в Восточный отдел Секретно-оперативного управления ГПУ. Это подразделение являлось самостоятельной структурной единицей в составе ГПУ и занималось вопросами борьбы с контрреволюцией на Востоке. Решение о создании Восточного отдела было принято постановлением Политбюро ЦК РКП (б) в 1919 году по предложению Ф.Э. Дзержинского. 2 июня 1922 года Восточный отдел был подчинен Секретно-оперативному управлению ГПУ и его возглавил Владимир Стырне. Отдел был призван объединить работу чекистов на Кавказе, в Туркестане, Башкирии, Татарии и в Крыму, а также в Хивинской и Бухарской народных советских республиках в сфере «специфической восточной контрреволюции и шпионажа». Вскоре начальником Восточного отдела стал член коллегии ОГПУ Яков Христофорович Петерс.

Наум Эйтингон, которому не исполнилось еще и 24 лет, был назначен на должность помощника начальника отделения Восточного отдела. Но поскольку образования у него явно не хватало, руководством отдела было принято решение направить его на учебу на Восточный факультет Военной

академии РККА, которую в то время возглавлял бывший генерал-майор царской армии Павел Лебедев. В апреле 1924 года его сменил Михаил Васильевич Фрунзе, являвшийся до того времени председателем Реввоенсовета СССР. Позже академия стала носить его имя. Начальником Восточного факультета в те годы был бывший морской офицер Борис Иванович Доливо-Добровольский, выдающийся лингвист. На Восточном факультете будущие разведчики изучали военные и общеобразовательные дисциплины, а также овладевали иностранными языками.

В 1925 году, после двухлетнего обучения в академии РККА, Наум Эйтингон был переведен в Иностранный отдел ОГПУ и вскоре получил назначение на пост заместителя руководителя резидентуры ИНО ОГПУ в Шанхае.

В Китае, раздираемом гражданской войной, после победы демократической революции в 1911 году правительство Сунь Ятсена контролировало только несколько южных провинций. Остальная часть территории была поделена между генералами-милитаристами, которые не подчинялись центральному правительству в Кантоне. В 1923 году было подписано советско-китайское соглашение о дружбе и сотрудничестве. В Кантон была направлена группа советских военных советников (135 человек) во главе со старым большевиком Михаилом Бородиным (Грузенбергом). Советский Союз поставлял оружие для армии центрального правительства Чан Кайши, возглавившего его после смерти Сунь Ятсена. На территории Китая нашли убежище многочисленные белогвардейские банды. В стране активно действовали японские спецслужбы. Именно они должны были стать главными объектами агентурной проникновения советской разведки в Китае.

В конце 1925 года Наум Эйтингон прибыл в Шанхай. В резидентуре он находился под прикрытием должности вице-консула.

Еще в дореволюционные времена европейским странам удалось навязать Китаю режим капитуляций, и в экономической столице Китая была обширная иностранная колония, насчитывавшая до миллиона человек. Иностранцы, главным образом англичане, американцы, французы, проживали в отдельных кварталах, называемых сэттьлментами. Эти районы пользовались правом экстерриториальности и на них не распространялась юрисдикция китайских властей. Китайская полиция не могла, например, производить в них обыски и аресты.

В Шанхай Наум Эйтингон прибыл с паспортом на имя Леонида Александровича Наумова. Резидентом ИНО ОГПУ в этом городе был Яков Григорьевич Минскер.

Резидент Минскер

Яков Григорьевич Минскер родился 19 декабря 1891 года в Киеве в семье портного. В 1903 году поступил в Киевское художественное училище, из которого в 1906 году был отчислен за участие в забастовке учащихся.

В 1911 году вступил в партию эсеров. 26 октября 1912 года был арестован. В ноябре 1913 года по 102-й статье «Уложения о наказаниях» был приговорен к ссылке на поселение в Иркутскую губернию.

После Февральской революции 1917 года Яков Минскер был избран в Иркутский Совет солдатских и рабочих депутатов.

В апреле того же года вернулся в Киев, работал в эсеровском издательском товариществе.

В ноябре 1917 года Минскер вновь выехал в Иркутск, где принял участие в подавлении юнкерского мятежа. За сотрудничество с советской властью был исключен из партии эсеров. На 2-м съезде Советов Сибири избран в ЦИК Советов Сибири (Центросибирь), заведовал информационным отделом. Позже стал членом президиума ЦИК.

После поражения советской власти в Сибири Минскер ушел в подполье. Был избран в подпольный ревком. В декабре 1918 года вступил в РКП (б). 22 января 1919 года был арестован колчаковской контрразведкой и до 31 января 1920 года находился во владивостокской тюрьме.

После освобождения Я.Г. Минскер находился на партийной работе, руководил профсоюзами в Харбине, являлся одним из организаторов всеобщей забастовки служащих КВЖД.

В период борьбы с каппелевцами Минскер — уполномоченный Военного совета Амурского фронта в Северной Маньчжурии. С октября 1920 года — уполномоченный (резидент) Разведупра Штаба РККА в Северной Маньчжурии.

С февраля 1922 года Яков Минскер — сотрудник ИНО ГПУ. В 1922–1924 годах находился на разведывательной работе в Персии. В ноябре 1925 года назначен резидентом ИНО ОГПУ в Шанхае. В декабре 1926 года переведен на должность резидента ИНО ОГПУ в Турции.

В 1929 году Я.Г. Минскер был отозван в Москву и работал в центральном аппарате внешней разведки, занимая должность начальника отделения Дальнего Востока ИНО ОГПУ. Скончался 24 сентября 1934 года.

Работа резидентуры в Шанхае осуществлялась в сложных условиях. В марте 1927 года главный советский военный советник Михаил Бородин, следуя пожеланиям компартии Китая и указаниям Коминтерна, предпринял неудачную попытку сместить Чан Кайши с поста главнокомандующего

китайской армии. Руководство КПК стало формировать отряды Красной гвардии в пролетарской столице Китая — Шанхае с целью организации вооруженного восстания, провозглашения революционного правительства и создания китайской Красной армии. В ответ Чан Кайши предпринял наступление на Шанхай, который под ударами его войск пал 12 апреля 1927 года. Восстание китайских коммунистов было подавлено, 25 руководителей компартии Китая были казнены. Но в это время Наум Эйтингон уже работал резидентом ИНО ОГПУ в Пекине.

В апреле 1927 года по указанию Чан Кайши китайская полиция совершила налет на советское Генеральное консульство в Пекине. В результате было изъято большое количество документов, в том числе шифры, списки агентуры и материалы о поставках советского оружия компартии Китая, а также инструкции китайским коммунистам по оказанию помощи советским разведчикам в их работе.

После событий в Пекине Наум Эйтингон был назначен резидентом ОГПУ в Харбине, сменив на этом посту большого специалиста в области разведки Федора Карина. Для молодого разведчика это, безусловно, было повышением по службе, поскольку в Маньчжурии, столицей которой был Харбин, постоянно проживало большое количество — до ста тысяч — выходцев из России. Здесь нашли убежище многочисленные белогвардейские банды, в том числе отряды атамана Семенова.

В то же время харбинская резидентура активно действовала не только по белогвардейской эмиграции. Весьма эффективной была ее работа против японских спецслужб, готовивших оккупацию Маньчжурии императорскими войсками. Возглавляемым Федором Каринным разведчикам удалось также приобрести японские шифры.

Наша справка

5 мая 1921 года постановлением Малого Совнаркома РСФСР при ВЧК была создана криптографическая служба, которую возглавил член Коллегии ВЧК Глеб Бокий — Специальный криптографический отдел (СПЕКО) ВЧК по руководству шифровальным делом в стране и контролю за деятельностью шифровальных органов РСФСР. В постановлении, в частности, говорилось:

«Имея в виду:

1) отсутствие в Республике центра, объединяющего и направляющего деятельность шифровальных органов различных ведомств, и связанные с этим бессистемность и случайность в постановке шифровального дела;

2) возможность, благодаря этому, при существующем положении широкого осведомления врагов Рабоче-Крестьянского государства о тайнах

Республики, Совет Народных Комиссаров постановил:

I

Образовать при Всероссийской Чрезвычайной Комиссии Специальный отдел, штаты в коем утверждаются Председателем ВЧК. Начальник Специального отдела назначается Совнаркомом.

В круг ведения Специального отдела при ВЧК включить:

1. Постановка шифровального дела в РСФСР:

А. Научная разработка вопросов шифровального дела:

а) анализ всех существующих и существовавших русских и иностранных шифров;

б) создание новых систем шифров;

в) составление описаний шифров и инструкций по шифровальному делу и пользованию шифрами;

г) собирание архивов и литературы по шифровальному делу для с концентрирования такового при Спецотделе;

д) составление и издание руководств по вопросам шифрования.

Б. Обследование и выработка систем шифров...

II

Постановка расшифровального дела в РСФСР:

1. Изыскание способов повсеместного улавливания всех радио, телеграмм и писем неприятельских и контрреволюционных;

2. Открытие ключей неприятельских, иностранных и контрреволюционных шифров;

3. Расшифровка всех радио, телеграмм и писем неприятельских, иностранных и контрреволюционных.

Все распоряжения и циркуляры Специального отдела при ВЧК по всем вопросам шифровального и расшифровального дела являются обязательными к исполнению всеми ведомствами РСФСР».

Как мы видим, на Специальный отдел были возложены задачи по ведению радиоразведки и противодействию радиоразведкам ведущих капиталистических стран. 25 августа того же года Ф.Э. Дзержинский подписал приказ по ВЧК, в соответствии с которым всем подразделениям внешней разведки и контрразведки предписывалось направлять полученные шифры в Специальный отдел.

К началу 1930-х годов Специальный отдел стал одним из крупнейших технически оснащенных органов радиоразведки в мире. Его дешифровальная секция была организована по географическому принципу, и работала она весьма успешно. Дешифровкой японских шифров и кодов в японском отделении занимался профессор Шунгский, признанный

авторитет в области японистики.

В связи с тем что харбинской резидентуре удалось получить свыше 20 японских шифров, в Харбин была направлена специальная оперативная группа дешифровальщиков, которой ежемесячно удавалось расшифровывать до 200 японских шифртелеграмм. Кроме того, харбинская резидентура ОГПУ получила доступ к дипломатическим вализам Генконсульства Японии в Маньчжурии, осуществляла перлюстрацию его почты и была в курсе планов Токио в отношении Китая и нашей страны.

Резидент ОГПУ в Харбине Федор Карин в отчете о работе резидентуры, направленном на имя начальника ИНО М. Трилиссера, в частности, писал:

«Резидентура ИНО ОГПУ в Северной Маньчжурии с центром в Харбине... ведет регулярную и систематическую работу по перлюстрации дипломатических и иных секретных почт целого ряда японских учреждений. Японский Генеральный штаб, военные японские миссии в Китае, японские армии в Квантунской области (Порт-Артур), Корею (Сеул), Китае (Тяньцзинь) и другие вошли в сферу действия нашей разведки».

Харбинская резидентура, возглавляемая Кариным, привлекла к сотрудничеству с советской разведкой русского эмигранта Иванова-Перекреста. Он имел обширные связи среди японских военнослужащих, сотрудников жандармерии, китайцев, служивших в японских учреждениях. Именно через него сотрудник резидентуры Василий Пудин получил в 1927 году секретный «меморандум Танаки».

Прибыв в Харбин, Наум Эйтингон сразу же активно включился в работу. Помимо Иванова-Перекреста он принял на связь еще ряд ценных источников, одним из которых был бывший офицер Амурской флотилии Вячеслав Пентковский, с 1924 года работавший вместе с женой на советскую разведку. Свободно владея китайским языком, Пентковский получил китайское гражданство и поступил на службу в харбинский суд, где имел доступ к важной разведывательной информации. На связи у Эйтингона был также источник «Осипов», завербованный в 1928 году и являвшийся сотрудником политического отдела местной жандармерии. В 1929 году резидентура через «Осипова» довела до японцев документы, из которых следовало, что двадцать их активных агентов из числа русских военных эмигрантов якобы подали заявление о восстановлении их в советском гражданстве. В результате этой дезинформационной акции все они были ликвидированы японцами.

Герой фильма «Подвиг разведчика» майор Федотов (артист Павел Кадочников)

*Герой телесериала «Семнадцать мгновений весны» полковник Исаев
(артист Вячеслав Тихонов)*

Донатас Банионис с Кононом Молодым (справа) — прототипом своего героя полковника Ладейникова в перерыве между съемками фильма «Мертвый сезон»

Поручик Борис Базаров. Германский фронт, 1915 г.

Б.Я. Базаров. Полпредство СССР в Австрии. Вена, 1925 г.

Федор Яковлевич Карин. Москва, 1933 г.

Федор Карин в редкие часы отдыха

Разведчик-нелегал Л.Л. Лینیцкий

Доктор Линицкий. Белград, 1935 г.

Николай Федорович Абрамов

Николай Абрамов с женой Натальей. София, 1934 г.

*Руководитель балканского отдела РОВС генерал-лейтенант Ф.Ф.
Абрамов*

Елизавета Юльевна Зарубина. Москва, 1941 г.

Василий Михайлович Зарубин. Москва, 1940 г.

Елизавета и Василий Зарубины. Москва, 1939 г.

Нелегал Ахмеров. Китай, 1934 г.

*Руководитель нелегальной резидентуры в США «Юнг» (И.А. Ахмеров).
1942 г.*

Разведчик-нелегал «Андрей» (Д.А. Быстролетов). 1930 г.

Дмитрий Александрович Быстрыков. Москва, 1937 г.

Д.А. Быстролетов. Конец 1960-х гг.

Разведчик-нелегал Наум Эйтингон

Генерал Н.И. Эйтингон. Москва, 1946 г.

Яков Исаакович Серебрянский. Москва, 1942 г.

Полковник Я.И. Серебрянский. Москва, 1946 г.

Разведчик-нелегал Ф.К. Парпаров

*Ценный источник берлинской нелегальной резидентуры «Марта».
Берлин, 1935 г.*

Моррис и Леонтина Коэны. Возвращение в Москву. Октябрь 1969 г.

Леонтина и Моррис Коэны в своей московской квартире. Конец 1980-х

Герои России разведчики-нелегалы Леонтина и Моррис Козны

Африка де Лас Эрас. Москва, 1944 г.

Джованни Антонио Бертони

Разведчица-нелегал «Патрия». 1954 г.

Сотрудник ФБР сопровождает «Марка» (В.Г. Фишера) на судебный процесс. Нью-Йорк, октябрь 1957 г.

Вильям Генрихович Фишер. Разведчик-нелегал, ставший известным под именем Рудольф Абель

Рудольф Иванович Абель

«Александр Эрдберг» (А.М. Коротков). Германия, 1936 г.

Генерал А.М. Коротков. Москва, 1960 г.

В 1927 году харбинской резидентурой под руководством Эйтингона был завербован бывший офицер-капеллевец и полковник китайской армии, член террористической белогвардейской организации «Братство русской правды», который получил оперативный псевдоним «Браун». От него на постоянной основе поступала информация о положении в белогвардейских

эмигрантских организациях, а также о попытках японцев сформировать при помощи атамана Семенова казачьи части, которые они намеревались использовать в будущей войне Японии против СССР.

В 1928 году Наум Эйтингон получил секретную информацию о переговорах мукденского милитариста Чжан Сюэяна с японцами о создании в Северо-Восточном Китае независимой Маньчжурской республики под протекторатом Японии, которая должна была включать в себя как саму Маньчжурию, так и Внутреннюю и Внешнюю Монголию.

Между тем активность резидентуры ОГПУ в Харбине не осталась незамеченной местными властями. 27 мая 1929 года был произведен налет на советское Генеральное консульство. Наум Эйтингон был отозван в Москву.

В результате провокаций китайских властей советское правительство 17 июля 1929 года заявило о разрыве дипломатических отношений с Китаем. В результате все «легальные» резидентуры ОГПУ в Китае временно прекратили свою работу. Разведка с территории Китая стала вестись с нелегальных позиций.

Что же касается Наума Эйтингона, то он не задержался в Центре и практически сразу был направлен в Стамбул, где сменил на посту резидента ОГПУ своего старого знакомого Якова Минскера. В этом крупнейшем турецком городе Эйтингон находился под прикрытием должности атташе советского Генерального консульства и с паспортом на имя Леонида Наумова.

Во времена правления Кемаля Ататюрка советская разведка не работала против турецких организаций и учреждений. Более того, между спецслужбами обеих стран даже было налажено некоторое сотрудничество. Резидентура ОГПУ в Стамбуле занималась разработкой дипломатических представительств Японии, Франции и Австрии. Ей удалось получить доступ к секретам этих представительств, в частности, читать переписку французского военного атташе. Резидентура получала также информацию о деятельности в стране различных групп антисоветской эмиграции — украинской, азербайджанской, северокавказской. Связь с Центром поддерживалась через курьеров, которые прибывали в Турцию на пароходе «Ильич», совершавшем регулярные рейсы между Одессой и Стамбулом. Именно на этом пароходе в 1929 году был выслан из СССР Лев Троцкий, обосновавшийся первоначально на Принцевых островах в Мраморном море. В дальнейшем, в 1940 году, пути Наума Эйтингона и Льва Троцкого пересеклись.

Поскольку условия ведения разведывательной работы с позиций

Стамбула были исключительно благоприятными, в середине

1928 года Центр принял решение организовать здесь нелегальную резидентуру по Ближнему Востоку во главе со знаменитым Яковом Блюмкиным.

Чекист Блюмкин

Яков Григорьевич Блюмкин родился 27 февраля 1898 года в Одессе в бедной еврейской семье. Отец умер, когда Якову было всего шесть лет. В 1908 году, как это было принято в религиозных семьях, мать отдала Яшу в иудейскую религиозную школу — Первую одесскую талмуд-тору. Другой возможности дать сыну образование у нее не было. Прочувшись в религиозной школе пять лет и не имея средств продолжить образование, Яков поступил учеником в электромеханическую контору Карла Франка.

В 1914 году Яков Блюмкин примкнул к партии социалистов-революционеров, участвовал в создании нелегального студенческого кружка. После февральского переворота был эсеровским агитатором в Одессе, Харькове, Поволжье. В январе 1918 года вступил добровольцем в матросский «Железный отряд» и вскоре стал его командиром, участвовал в боях с войсками украинской Центральной рады. В марте 1918 года отряд Блюмкина вливается в 3-ю Украинскую советскую армию, а сам он становится сначала ее комиссаром, а затем помощником начальника штаба.

В мае 1918 года Блюмкин откомандировывается в Москву в распоряжение партии левых эсеров, которая входила в состав первого советского правительства. Вскоре по соглашению с РКП(б) партия направляет его в ВЧК, где Блюмкину поручается организовать отделение для борьбы с международным шпионажем. В связи с установлением дипломатических отношений с Германией и открытием 23 мая 1918 года в Москве германского посольства Блюмкину поручается разработка его персонала. По подозрению в подрывной работе против Советской России Блюмкин арестовывает графа Роберта Мирбаха, брата посла. Левые эсеры, недовольные Брестским миром и установлением дипломатических отношений с Германией, 4 июля 1918 года принимают решение убить германского посла Вильгельма Мирбаха, и это должно было послужить сигналом к восстанию в Москве.

Убийство посла было возложено на Якова Блюмкина. Он, используя свое служебное положение в ВЧК, изготовил фальшивое удостоверение о том, что ему поручаются переговоры с германским послом по делу, имеющему к нему непосредственное отношение. Подпись Ф. Дзержинского на удостоверении также была подделана, а настоящую печать ВЧК на документ поставил заместитель Дзержинского — левый

эсер Ксенофонов. 6 июля 1918 года Блюмкин и его сообщники явились в германское посольство и, предъявив удостоверение, потребовали личной аудиенции у посла под предлогом необходимости обсудить вопрос, связанный с арестом его брата. Мирбах согласился. В самом начале беседы Блюмкин и пришедший с ним фотограф ВЧК Андреев открыли стрельбу. Германский посол был убит, а его сотрудники ранены. Воспользовавшись возникшей суматохой, террористы выскочили через окно во двор посольства и скрылись на автомобиле.

В Москве началось восстание эсеров. Был арестован и Ф.Э. Дзержинский, который вступил в переговоры с мятежниками. Через два дня эсеровский мятеж был подавлен. Блюмкин и Андреев бежали на Украину. 27 ноября 1918 года Верховный революционный трибунал рассмотрел дело левых эсеров. Блюмкин был заочно приговорен к тюремному заключению сроком на три года с применением принудительных работ. 16 мая 1919 года он явился в ВЧК с повинной и был амнистирован.

В 1920 году Блюмкин вступает в РКП (б) и направляется на военную работу. Летом того же года он принимает участие в создании Гилянской Советской Республики в Северном Иране в качестве комиссара штаба Красной Армии. В сентябре 1920 года его направляют на учебу в Академию Генерального штаба. С 1922 года он работает в секретариате Реввоенсовета республики в качестве сотрудника по особым поручениям при Льве Троцком.

С 1923 года Блюмкин вновь работает в ГПУ, однако связей с Троцким не прерывает. Принимает участие в подготовке к изданию первого тома трехтомного труда Л.Д. Троцкого под названием «Как вооружалась революция».

В 1924–1925 годах Блюмкин занимал должность помощника (второго заместителя) полномочного представителя ОГПУ в Закавказье, а в 1926–1927 годах работал главным инструктором Службы внутренней охраны (органы госбезопасности) Монголии. Близость к Троцкому и быстрый карьерный рост вскружили голову Блюмкину, и он стал относиться к монгольским коллегам высокомерно и бестактно. В ноябре 1927 года по настоянию председателя ЦК Монгольской народно-революционной партии Дамбе-Дорчжи он был отозван в Москву, где, несмотря на протекцию начальника ИНО ОГПУ Трилиссера, несколько месяцев оставался в резерве внешней разведки.

В 1928 году Трилиссер поручает Блюмкину ответственное задание — организовать нелегальную резидентуру на Ближнем Востоке. Он должен

был обосноваться в Стамбуле, а затем создать разведывательную сеть в Палестине и Сирии.

В сентябре 1928 года Блюмкин с паспортом на имя персидского купца Якуба Султанова выезжает из Одессы в Стамбул, где открывает магазин персидских ковров и успешно легализуется. Из Стамбула он совершает поездки в Иерусалим, Вену, Париж. В марте

1929 года, находясь в Берлине, Блюмкин узнает о высылке из СССР в Турцию его кумира Льва Троцкого. Блюмкин принимает решение немедленно возвратиться в Стамбул, где 12 апреля встречается с сыном Троцкого Львом Седовым. 16 апреля он встречается с самим «демоном революции» и в ходе продолжительной беседы заявляет о том, что «полностью передает себя в его распоряжение».

Блюмкин подробно инструктирует Троцкого относительно того, как организовать его личную охрану. Через сына Троцкого он регулярно передает Льву Давидовичу секретные материалы и финансовые средства стамбульской нелегальной резидентуры ИНО ОГПУ. Вскоре «легальная» резидентура ИНО ОГПУ информирует Москву о регулярных контактах Блюмкина с изгнанником.

В начале октября 1929 года Блюмкин был отозван из страны. В Москве он попытался объединить всех сторонников Троцкого. 10 октября Блюмкин проинформировал видного троцкиста Карла Радека о своих встречах с Троцким в Стамбуле. Радек, находившийся в опале, немедленно сообщил об этой беседе Сталину. 12 октября Блюмкин рассказал сотруднице ИНО ОГПУ Лизе Горской (в дальнейшем видная советская разведчица-нелегал Елизавета Зарубина) о своих контактах с троцкистами. Лиза рекомендует Блюмкину немедленно доложить о своих встречах руководству внешней разведки. Блюмкин отказывается, и 14 октября 1929 года Лиза ставит в известность об этом помощника начальника Иностранного отдела Михаила Горба. Горб дает указание Горской прекратить все контакты с Блюмкиным.

15 октября Яков Блюмкин был арестован. Следствие по его делу вел заместитель начальника Секретно-политического отдела ОГПУ Яков Агранов, который впоследствии печально прославился участием в необоснованных репрессиях против чекистов. На допросах Блюмкин ничего не скрывал, надеясь на снисхождение. Однако чистосердечное признание ему не помогло. 3 ноября 1929 года коллегия ОГПУ по указанию Сталина постановила расстрелять Блюмкина «за повторную измену делу пролетарской революции и советской власти и за измену революционной чекистской армии».

Среди сотрудников внешней разведки он стал первой жертвой

внесудебных расправ. Тем самым вождь дал понять чекистам, что впредь любое непослушание будет строго караться.

* * *

После отзыва в Москву и ареста Якова Блюмкина положение Наума Эйтингона как «легального» резидента ОГПУ в Стамбуле серьезным образом осложнилось. Требовалось срочно реорганизовать работу нелегальной резидентуры, которую ранее возглавлял Блюмкин. В октябре 1929 года на замену Блюмкину из Москвы был направлен бывший начальник Восточного сектора ИНО Георгий Агабеков. В Стамбул он прибыл под видом армянского купца и под руководством Эйтингона приступил к реорганизации агентурной сети. Через «легальную» резидентуру он поддерживал связь с Центром. В конце 1929 года Агабеков принял на связь агентуру в Греции в связи с арестом там нелегального резидента ОГПУ. Однако в июне 1930 года Агабеков бежал на Запад. Вскоре в Берлине он выпустил книгу под названием «ГПУ. Записки чекиста», в которой назвал Эйтингона резидентом советской внешней разведки. Это обстоятельство вынудило Центр отозвать разведчика в Москву, чтобы избежать различного рода провокаций.

В Москве Наум Эйтингон был назначен заместителем Якова Серебрянского, возглавлявшего Особую группу при председателе ОГПУ. Этот отдел, не подчинявшийся начальнику ИНО ОГПУ, был создан по инициативе председателя ОГПУ Рудольфа Менжинского в 1930 году с целью глубокого внедрения агентуры на объекты военно-стратегического значения и подготовки диверсионных операций в тылу противника на военный период. В начале 1930 года Наум Эйтингон вместе с Яковом Серебрянским выезжал в США для вербовки китайских и японских эмигрантов, которые могли бы пригодиться советской разведке в случае начала военных действий против Японии. В США Наум Эйтингон действовал параллельно с сотрудником нелегальной резидентуры Исхаком Ахмеровым. Он внедрил в одно из американских учреждений двух агентов, выведенных из Полюны на длительное оседание в США. Одним из завербованных Эйтингоном агентов был японский художник Потоку Мияги, который впоследствии вошел в знаменитую группу «Рамзай» Рихарда Зорге в Японии.

Однако, несмотря на существенные положительные результаты, Наум Эйтингон не сработался с Яковом Серебрянским и в 1931 году поставил

перед руководством ОГПУ вопрос о своем переводе обратно в ИНО. Он был назначен руководителем 8-го отделения ИНО ОГПУ (научно-техническая разведка), сменив на этом посту своего будущего резидента в Испании Александра Орлова.

Что же произошло с Наумом Исааковичем Эйтинггоном дальше? На должности начальника научно-технической разведки он проработал всего несколько месяцев. Уже в конце 1931 года Эйтингон был командирован во Францию, а затем в Бельгию, откуда возвратился лишь в 1933 году. В апреле 1933 года Наум Эйтингон назначается на должность начальника 1-го отделения ИНО, иными словами, становится руководителем нелегальной разведки ОГПУ.

К этому времени во внешней разведке произошли серьезные изменения. 1 августа 1931 года начальник Иностранного отдела Станислав Мессинг за открытое выступление против действий первого заместителя председателя ОГПУ Генриха Ягоды, сфабриковавшего дело так называемой «Промпартии», а также явившегося инициатором операции «Весна», направленной против военных специалистов Красной Армии, был снят с работы и в дальнейшем репрессирован. Руководителем ИНО был назначен выдающийся чекист Артур Христианович Артузов, разработавший свыше 50 оперативных игр типа «Трест» и «Синдикат», возглавлявший до этого Контрразведывательный отдел ОГПУ. Это был сильный и грамотный оперативник, блестящий организатор. Он принял решение укрепить кадры внешней разведки и расширить ее штат. Предвидя неизбежность прихода Гитлера к власти в Германии и, следовательно, неизбежность новой мировой войны, Артур Артузов еще в ноябре 1932 года отдал распоряжение об усилении нелегальной работы и о подготовке «легальных» резидентур к переходу на нелегальные формы работы в «особый период». По предложению Артура Артузова Наум Эйтингон, которому исполнилось всего 33 года, был назначен руководителем нелегальной разведки.

Именно в это время состоялось знакомство Эйтингона с Павлом Судоплатовым, который позже стал его непосредственным начальником и товарищем. В своих мемуарах «Разведка и Кремль», опубликованных во второй половине 1990-х годов, Павел Анатольевич следующим образом охарактеризовал своего коллегу:

«Красивое лицо Эйтингона и его живые карие глаза так и светились умом. Взгляд пронзительный, волосы густые и черные, как смоль, шрам на подбородке, оставшийся после автомобильной аварии (большинство людей принимало его за след боевого ранения), — все это придавало ему вид

бывалого человека. Он буквально очаровывал людей, наизусть цитируя стихи Пушкина, но главным его оружием были ирония и юмор. Пил он мало — рюмки коньяку хватало ему на целый вечер. Я сразу же обратил внимание на то, что этот человек несколько не похож на высокопоставленного спесивого бюрократа. Полное отсутствие интереса к деньгам и комфорту в быту у Эйтингона было просто поразительным. У него никогда не было никаких сбережений, и даже скромная обстановка в квартире была казенной. Эйтингон был по-настоящему одаренной личностью и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал бы научную карьеру».

Однако и нелегальную разведку органов госбезопасности Эйтингон возглавлял недолго. Уже в конце 1933 года он надолго выезжает в командировки в США, Китай, Иран и Германию. Основные задачи, которые были поставлены Артузовым перед Эйтингоном в этих странах, заключались в организации работы по совершенствованию деятельности нелегальных резидентур и созданию условий для перевода «легальных» резидентур на нелегальные методы работы в «особый период». С поставленными задачами Наум Эйтингон справился успешно, о чем свидетельствует присвоение ему в начале 1936 года звания майора госбезопасности, что соответствовало армейскому званию полковника.

В 1936 году в Испании вспыхнул мятеж франкистов против демократически избранного правительства Народного фронта. Мятежников активно под держали нацистская Германия и фашистская Италия, оказывавшие им всестороннюю военную помощь, в том числе людскими ресурсами. Советское правительство, первоначально придерживавшееся принципа невмешательства во внутренние дела Испании, после открытого выступления Германии и Италии на стороне франкистов приняло решение об оказании помощи республиканскому правительству и о направлении туда советских военных советников.

Резидентуру НКВД в Испании возглавил Александр Орлов, который прибыл в Мадрид 16 сентября 1936 года. Его заместителем был назначен Наум Эйтингон, использовавший в оперативной переписке псевдонимы «Котов» и «Пьер». В качестве основной перед ним была поставлена? задача по организации партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу франкистов. Однако Эйтингону пришлось принимать участие практически во всей оперативной деятельности резидентуры.

Помимо Наума Эйтингона в Испании работали такие видные чекисты-разведчики, как бывший резидент в Берлине Наум Белкин, Григорий Сыроежкин, бывший парижский резидент Лев Василевский и многие

другие. В Испанию также неоднократно выезжал первый заместитель начальника внешней разведки Сергей Шпигельглас. Представители НКВД при испанском правительстве принимали участие в реорганизации испанской контрразведки (СИМ), которая формально подчинялась военному министерству, но на самом деле контролировалась ими. К концу 1937 года советские советники помогли испанскому республиканскому правительству создать Службу периферийной разведки (СИЕП), армейскую контрразведку (СЕ), закордонную разведку (СИЕЕ). Испанские спецслужбы под руководством Орлова и Эйтингона вели тайную войну против германских, итальянских, французских и британских спецслужб. В декабре 1936 года по их наводке были арестованы агенты резидентуры военной разведки Франции — знаменитого

2-го бюро Генштаба. В июне 1937 года испанская контрразведка обезвредила агентов британской Интеллидженс сервис индийцев Эриу Эдуарда Дута и Кинга, которые собирали информацию о республиканской армии.

Советские чекисты организовали надежную охрану лидеров компартии Испании во главе с Долорес Ибаррури, на которых франкисты готовили покушение. Они наладили работу испанской разведки за границей, в том числе по получению сведений о вербовке и отправке в страну штурмовых отрядов СА. С территории Испании они вели также разведку Испанского Марокко, Гибралтара и Франции.

В 1938 году резидент НКВД в Испании Александр Орлов совершил побег в США, опасаясь за свою безопасность. Новым резидентом был назначен Наум Эйтингон. Работать ему пришлось в сложных условиях, С конца 1938 года взаимодействие советской разведки с испанскими спецслужбами пошло на убыль. В начале 1939 года резидентура НКВД переместилась в Барселону, являвшуюся в то время прифронтовым городом. Несмотря на это, Эйтингону удалось завербовать испанских троцкистов братьев Руан, нескольких бывших анархистов, а также Рамона Меркадера, вместе с которым он впоследствии осуществил операцию «Утка» по ликвидации Льва Троцкого.

В феврале 1939 года Эйтингон осуществил отправку республиканского руководства и лидеров испанской компартии во Францию, а также советской колонии на родину.

За работу в Испании Наум Эйтингон в ноябре 1937 года был награжден вторым орденом Красного Знамени. Под именем генерала Котова он упоминается в широко известных мемуарах Ильи Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь».

Весной 1939 года Эйтингон возвратился в Москву. К тому времени в результате необоснованных репрессий из 450 сотрудников внешней разведки (включая загранаппарат) было расстреляно или отправлено в лагеря 275 человек, или 61 процент от всего личного состава. Со многими ценными зарубежными агентами была прервана связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда. В 1938 году, когда в результате мюнхенского сговора Англия и Франция отдали Гитлеру на растерзание Чехословакию, в течение 127 дней из внешней разведки руководству страны не поступило ни одной информации — ее просто некому было обработать и подписать.

25 ноября 1938 года наркомом внутренних дел СССР был назначен Лаврентий Берия. Репрессии против чекистов-разведчиков пошли на убыль, однако совсем не прекратились. 2 ноября 1938 года был арестован начальник внешней разведки старший майор госбезопасности Зельман Пассов (расстрелян 15 февраля 1940 года). Назначенный начальником 5-го (разведывательного) отдела ГУГБ НКВД СССР Владимир Деканозов уже 13 мая 1939 года был освобожден от занимаемой должности как не имеющий опыта работы во внешней разведке и переведен на должность заместителя наркома иностранных дел. Внешнюю разведку возглавил выпускник Школы особого назначения (ШОН) старший майор госбезопасности Павел Михайлович Фитин.

Возвратившийся из Испании Эйтингон попал в довольно сложную ситуацию. Григорий Сыроежкин, с которым он работал над созданием диверсионных отрядов в тылу франкистов, был арестован и расстрелян. Резидент Орлов оказался невозвращенцем. К тому же арестованные и затем расстрелянные бывший начальник Восточного отдела ОГПУ Яков Петерс и бывший полпред СССР в Турции Лев Карахан в ходе следствия под пытками вынуждены были подписать показания на Эйтингона как на английского шпиона. В Москве за Эйтингоном была установлена слежка, которую он быстро обнаружил. Правда, после того, как он сказал об этом заместителю начальника внешней разведки Павлу Судоплатову, наружное наблюдение за ним было снято. От ареста Наума Эйтингона спас лишь случай. К этому времени по указанию Сталина НКВД приступил к реализации операции по физическому устранению Льва Троцкого, которая получила кодовое название «Утка» и заняла по времени около двух лет. К операции в качестве одного из ее руководителей был подключен и Наум Эйтингон.

Охота на «Утку»

В конце последнего летнего месяца 1940 года газеты всего мира

сообщили, что 20 августа было совершено покушение на жизнь «демона русской революции» Льва Троцкого. Он получил тяжелое ранение и вечером следующего дня скончался. Нападавший арестован на месте преступления.

В Кремле смерть Троцкого вызвала откровенную радость: по мнению Сталина, устранение его главного политического врага означало, что в случае войны с Германией Гитлер не может рассчитывать на «пятую колонну» в СССР, над созданием которой изгнанник и его сторонники неустанно работали последние десять лет.

После смерти Ленина в январе 1924 года в созданной им партии разгорелась жесткая внутренняя борьба, вылившаяся вскоре в личное соперничество между двумя наиболее яркими ее руководителями — Сталиным и Троцким. Сталин был убежденным марксистом, глубоко верившим в победу социалистической революции даже в условиях враждебного империалистического окружения. Одним из признанных руководителей партии он стал еще в 1912 году и вел активную партийную работу внутри России. Неоднократно подвергался арестам и высылкам в различные районы Российской империи, пять раз совершал побеги из ссылки.

Троцкий же после поражения первой русской революции 1905 года жил в эмиграции в США, а в Россию возвратился после февральского переворота 1917 года, и только после того, как Временное правительство сняло запрет на деятельность политических партий в стране. Троцкий был космополитом. Русский народ он презирал, а всю тысячелетнюю историю России рассматривал как «кучу гнилой картошки», не видя в ней ничего героического. Он возглавил так называемую «группу межрайонцев», объединявшую разрозненные марксистские кружки, не примыкавшие ни к одной из организаций РСДРП, выжидая, кто из них одержит верх во внутрипартийной борьбе. Вскоре эта группа стала насчитывать восемь тысяч членов, тогда как за Лениным в феврале 1917 года шло всего 12 тысяч человек. В партию большевиков Троцкий вступил после возвращения в апреле 1917 года в Россию Ленина, когда стало ясно, что большевики имеют реальные шансы взять власть в стране.

С точки зрения «пролетарского происхождения» Сталин, сын простого сапожника, был более приемлем для широких партийных масс. Троцкий же, отец которого был крупным земельным собственником и торговцем зерном, рассматривался в партии как выскочка, «барин» и белоручка. К тому же несносный характер «демона революции», его откровенно карьеристские устремления оттолкнули от него даже прежних союзников.

С победой Октябрьской революции Троцкий стал наркомом по иностранным делам и «отличился» тем, что вопреки инструкциям правительства отказался подписать Брестский мир. В результате кайзеровская Германия нашла предлог для наступления, приведшего к оккупации значительной части территории России общей площадью свыше одного миллиона квадратных километров.

С сентября 1918 по декабрь 1924 года Троцкий являлся народным комиссаром по военным и военно-морским делам и одновременно возглавлял Революционный военный совет республики, то есть фактически руководил Красной Армией. На фронтах Гражданской войны он «прославился» своей необычайной жестокостью, введя, в частности, на Восточном фронте децимацию — расстрел перед строем каждого десятого бойца подразделения, допустившего отступление. Именно Троцкий был инициатором создания концентрационных лагерей в России в годы Гражданской войны. В них заключали представителей крупной и средней буржуазии, профессоров, священнослужителей, активных контрреволюционеров. Правда, это был ответный шаг большевиков на зверства белогвардейцев, покрывших страну сетью подобных лагерей. Чего, например, стоил лагерь для красноармейцев на острове Мудьюгский в Белом море, созданный командующим Вооруженными силами Севера России генералом Миллером, где отношение к заключенным отличалось особой жестокостью.

Победу социализма в России Троцкий связывал с наличием мировой революции. Но поскольку после Первой мировой войны революционного подъема в Европе не наблюдалось, Троцкий и его сторонники пытались искусственно стимулировать такой подъем, в частности, инициировав в 1923 году революцию в Германии. Затем, когда эти попытки полностью провалились, Троцкий счел необходимым превратить Советскую Россию в военный лагерь, милитаризовать ее экономику и бросить миллионы русских солдат на «освобождение европейского пролетариата от цепей империализма». Дальнейшая судьба России его не интересовала.

В 1920 году Особый отдел Южного фронта получил информацию, что большая группа офицеров Врангеля готова сложить оружие и прекратить братоубийственную войну в России. По просьбе командующего фронтом М.В. Фрунзе прославленный герой Русской армии генерал Брусилов выпустил обращение к офицерам и солдатам Врангеля, предлагая им прекратить войну и перейти на сторону советской власти. В воззвании содержались гарантии личной безопасности всем военным служащим, которые сложат оружие, и амнистии для офицеров. Возникла реальная

возможность прекратить кровопролитие на юге России. Однако такое развитие событий не устраивало председателя Реввоенсовета Троцкого, который сорвал перспективу капитуляции армии Врангеля. Крым был взят штурмом войсками Фрунзе, а Врангель и около 150 тысяч его военнослужащих эвакуировались на военных кораблях и гражданских судах в Турцию и превратились в изгнанников. По указанию Троцкого в Крым были направлены Бела Кун и ряд других его сторонников, которые расстреляли свыше 12,5 тысячи бывших офицеров, несмотря на то, что им была обещана амнистия. Объясняя этот чудовищный акт геноцида против русских офицеров, Троцкий заявил, что «мы уничтожаем их не потому, что офицеры совершили преступления, но лишь потому, что хотим истребить их как класс, способный изменить нам в подобающий момент».

И Троцкий, и Сталин имели своих сторонников и последователей в партии. Высокомерный Троцкий, назвавший впоследствии Сталина «выдающейся посредственностью», недооценил его изощренный интеллект и организаторские способности. В результате Сталин, используя в борьбе за власть свое положение генерального секретаря партии, а также личные амбиции членов Политбюро ЦК ВКП(б) Зиновьева и Каменева, сумел к 1925 году свести влияние Троцкого в партии к минимуму. В январе 1925 года пленум ЦК ВКП(б) освободил Троцкого по собственному желанию от должности председателя Реввоенсовета, а 23 октября 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) его вывели из состава Политбюро.

В начале лета 1926 года Троцкий объединился в единый блок с Зиновьевым и Каменевым, которые были недовольны укреплением позиций Сталина в партии и государстве. Сторонники Троцкого создали в Москве конспиративный центр «объединенной оппозиции». Его возглавили сам Троцкий и Зиновьев. Работа центра велась достаточно активно. Лидеры центра проводили подпольные заседания, имели своих людей в ЦК ВКП(б), в ряде Наркоматов, а также среди представителей высшего военного руководства. Центр создал даже специальную группу в армии. В нее входили комкоры Примаков и Путна, расстрелянные в 1937 году как участники так называемого «заговора генералов». Имел своих сторонников Троцкий и в ОГПУ. Еще в 1923 году, когда он навязал партии дискуссию о роли профсоюзов, примерно 40 процентов чекистов голосовали за его платформу. Подобные конспиративные центры были также организованы в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Деятельность «объединенной оппозиции» вызывала серьезную озабоченность у сторонников Сталина, так как троцкисты все больше скатывались на

антисоветские позиции.

Окончательную победу над Троцким Сталин одержал в 1927 году. В октябре Троцкого вывели из состава ЦК ВКП(б), а 14 ноября за организацию демонстрации оппозиции в Ленинграде в 10-ю годовщину Октябрьской революции исключили из партии. В декабре 1927 года XV съезд ВКП(б) завершил идейный разгром троцкизма.

Троцкий отказался признать свое поражение, и в январе 1928 года был сослан в Казахстан, в город Алма-Ату. Однако и в Казахстане он не прекратил активную оппозицию Сталину и борьбу с партией, рассылая телеграммы, письма и воззвания к своим скрытым сторонникам в ней. 16 декабря 1928 года Троцкому было передано требование коллегии ОГПУ «категорического обязательства прекращения контрреволюционной деятельности». В послании указывалось, что в противном случае он будет выслан за границу.

Следует отметить, что еще в 1922 году ВЦИК наделил ПТУ правом высылки из страны лиц, занимающихся антисоветской деятельностью. Троцкий тоща активно поддержал это решение. На сей раз он официально заявил, что не будет подчиняться ультиматуму ОГПУ. Через месяц Политбюро ЦК ВКП(б) большинством голосов приняло решение о высылке Троцкого за границу. А 18 января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило:

«За контрреволюционную деятельность, выразившуюся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против советской власти, гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР».

10 февраля 1929 года Троцкий, его жена Наталья Ивановна Седова и их старший сын Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, были доставлены специальным поездом в Одессу. А 13 февраля они отбыли на пароходе «Ильич» в Турцию — единственную страну, согласившуюся временно их принять.

20 февраля 1932 года Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства.

Летом 1933 года Троцкий с семьей выезжает во Францию, живет под Парижем, а затем переселяется в небольшой курортный городок Сен-Пале. Здесь он становится объектом слежки белогвардейской эмиграции. Руководство Русского общевоинского союза во главе с генералом Евгением Миллером рассматривает вопрос об организации убийства Троцкого во время его поездки в курортный городок Руайян. В том же городе на

лечения находился и парком иностранных дел СССР М.М. Литвинов. Было решено убрать обоих. Однако в дело вмешались французские масоны и предупредили Троцкого, которого сторожили четыре кольца охраны, о готовящемся покушении. Масоны также оказали давление на французские власти с тем, чтобы те подвергли аресту белогвардейских террористов.

Известно, что Троцкий до революции был масоном и входил во французскую ложу «Ар э травай» («Искусство и труд»), однако через некоторое время порвал с масонством. На IV конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в 1922 году, он выступил с докладом о несовместимости членства в масонской ложе с пребыванием в коммунистической партии, как это имело место во Французской коммунистической партии. Характерно, что председатель Коминтерна Зиновьев, создавший впоследствии единый антисталинский блок с Троцким, при голосовании резолюции по данному вопросу воздержался.

Французский период Троцкого длился недолго. Уже летом 1935 года он отправляется в Норвегию. Норвежское правительство предоставило Троцкому вид на жительство, при условии, что он не будет заниматься политической деятельностью. Но Троцкий проигнорировал это требование, и в результате 19 декабря 1936 года был посажен на торговое судно «Рут», взявшее курс на Мексику.

Оказавшись за границей, Троцкий развернул борьбу не против империализма и фашизма, а против СССР и коммунистического движения. Сразу оговоримся: Троцкий никогда не был агентом гестапо, хотя разведслужбы всего мира, естественно, проявляли интерес к его сторонникам. Он не убивал ни Кирова, ни других советских руководителей, не занимался террором внутри СССР и не совершал диверсий и отравлений. Все это ему приписывалось Сталиным и его сторонниками в стремлении дискредитировать главного политического оппонента.

Однако Троцкий за границей не был безобидным «теоретиком» марксизма, который писал лишь трактаты «об их морали и нашей» (у Троцкого была и такая работа, в которой он выступал против буржуазной морали). Он вел активную подрывную деятельность против СССР и всего коммунистического движения в целом, пытаясь организовать подчиненное ему политическое движение в мировом масштабе.

Таким образом, высылка Троцкого за границу не ослабила его влияния среди членов оппозиции и его сподвижников в СССР. Их деятельность носила целенаправленный антигосударственный характер. Одновременно начали появляться и активно действовать троцкистские группы в ряде зарубежных компартий (США, Германии, Греции и Испании). Только

наметившийся разгром троцкистов в рядах ВКП(б) явился стимулятором для изгнания их из других компартий.

Находясь в эмиграции, Лев Троцкий прилагал немалые усилия к тому, чтобы расколоть, а затем возглавить мировое коммунистическое движение в условиях нарастающей угрозы нацизма. Особенно опасной для СССР была его деятельность в Европе.

Один из основателей испанской Рабочей партии марксистского единства (ПОУМ) Андреас Нин, находившийся в начале 1920-х годов в России и являвшийся в то время личным секретарем Троцкого, во время гражданской войны с франкистами не раз приглашал Троцкого приехать в Испанию, чтобы «возглавить революцию». Как известно, в ходе состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборов к власти в стране пришло правительство Народного фронта, в которое кроме коммунистов входили анархистская Народная конфедерация труда, социалисты и члены партии ПОУМ. Если франкисты, потерпевшие поражение на выборах, были едины в своем стремлении свергнуть вооруженным путем законное правительство, то лагерь республиканцев по вине поумовцев и анархистов раздирали серьезные межпартийные противоречия.

Лидер ПОУМ Андреас Нин являлся близким соратником Троцкого. Будучи председателем Красного Профинтерна и членом Исполкома Коминтерна, Нин неоднократно выезжал на нелегальную работу в Германию и Италию, а после высылки Троцкого возвратился в Испанию. Здесь он занял пост министра юстиции в автономном правительстве Каталонии. Когда же франкисты развязали гражданскую войну в стране, Нин и его сторонники отвергли линию Коминтерна на укрепление Народного фронта и взяли курс на осуществление социалистической революции, формирование рабоче-крестьянского правительства, установление диктатуры пролетариата и создание Советов. Когда правительство Народного фронта отвергло это авантюристическую политику, ПОУМ развернула с ним открытую борьбу. Разумеется, такая политическая линия могла привести лишь к поражению республиканцев.

В мае 1937 года в Каталонии произошло вооруженное выступление сторонников ПОУМ и анархистов. Троцкистские газеты в Барселоне от 5 мая призывали население к вооруженному восстанию против республиканского правительства. Барселонский мятеж троцкистов был подавлен лишь тогда, когда в город были введены части штурмовой гвардии из Валенсии и других регионов страны. В результате провокационной вылазки троцкистов было сорвано тщательно

подготовленное наступление республиканских войск на Северном фронте.

О том, что ПОУМ готовит мятеж против законного правительства Испании, советская разведка узнала еще в декабре 1936 года от своих источников, внедренных в эту партию. А в начале 1937 года подтверждение этой информации пришло от источника берлинской резидентуры НКВД «Старшины» (Харо Шульце-Бойзен), который сообщил, что агенты гестапо проникли в троцкистские круги в Барселоне с целью организовать в ближайшее время путч. В 1942 году, когда «Старшина» и другие члены подпольной антифашистской организации, окрещенной нацистами «Красной капеллой», были арестованы, передача «Старшиной» этой информации советской разведке фигурировала на суде в качестве доказательства его «подрывной работы» против Третьего рейха.

После провала путча Нин был арестован и помещен в тюрьму. Впоследствии возглавлявший в Испании резидентуру НКВД Александр Орлов разработал и осуществил операцию «Николай» по дискредитации связей ПОУМ с франкистами и нацистами. ПОУМ была объявлена вне закона, а Нин был вывезен из тюрьмы и расстрелян на шоссе около населенного пункта Алькала-де-Аренас. Троцкий откликнулся на ликвидацию своего сторонника статьей «Убийство А. Нина агентами ГПУ», которая была опубликована в «Бюллетене оппозиции». В статье он подчеркивал, что «Нин являлся старым и неподкупным революционером. Он защищал интересы испанского и каталонского народов против агентов советской бюрократии».

Нельзя не упомянуть и о том, что Троцкий активно сотрудничал с «Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности» палаты представителей конгресса США (так называемый «Комитет Дайса»), В октябре 1939 года этот «пламенный революционер» дал показания на ряд лидеров компартии США, обвиняя их в антиамериканской деятельности. Оказавшись в Мексике, Троцкий стал передавать представителям американской разведки «конфиденциальные меморандумы» на известных ему деятелях международного коммунистического движения, активистов Коминтерна, агентов советской внешней разведки в США, Франции, Испании, Мексике и других странах. Таков был его вклад в «мировую революцию».

Разумеется, для западных спецслужб антисоветская деятельность Троцкого была «даром небес», а троцкистская оппозиция — благодатной агентурной базой. Так, видный руководитель испанской троцкистской партии ПОУМ Хулиан Горкин был завербован американской контрразведывательной службой ФБР, а по прибытии во Францию в 1938

году предложил свои услуги генеральному директору французской контрразведки ДСТ Вибо, заявив, что имеет разведывательную сеть во всем мире. Услуги троцкиста были, разумеется, приняты с благодарностью.

Безусловно, советская внешняя разведка внимательно следила за подрывной деятельностью Троцкого за рубежом и имела «своих людей» в его ближайшем окружении. Одними из первых были внедрены к нему братья Соболевичусы, сыновья богатого еврейского торговца из Литвы. Позднее они стали известны как Джек Собл и Ричард Соблен. После высылки Троцкого из СССР в 1929 году братья в течение трех лет были ближайшими доверенными лицами изгнанника, получили доступ к шифрам и адресам сторонников Троцкого в СССР. Через них проходила практически вся его переписка, которая незамедлительно передавалась в ОГПУ.

9 января 1937 года Троцкий вместе с женой и внуком прибыл в мексиканский порт Тампико. Оттуда на специальном поезде путешественников доставили в Мехико. Некоторое время они жили на вилле симпатизировавшего троцкистам известного живописца Диего Риверы. Но вскоре Троцкий арендовал, а затем и купил большой дом в предместье мексиканской столицы Койоакане на улице Вены.

Тем временем проживавший с 1935 года в Париже сын Троцкого Лев Седов начал издавать «Бюллетень оппозиции», в котором активно печатался его отец. Одновременно Седов установил надежную связь со сторонниками отца в СССР. Троцкий и Седов явились организаторами так называемого IV (троцкистского) Интернационала, учредительный съезд которого открылся 3 сентября 1938 года под Парижем и на котором присутствовал 21 делегат из 11 стран, что говорило об истинном масштабе влияния троцкистов на международное коммунистическое движение.

С 1936 года разработкой Седова и его окружения занималась группа разведчиков-нелегалов, возглавляемая болгаринцем Борисом Афанасьевым.

В 1934 году резидент советской разведки в Париже Станислав Глинский завербовал ровесника Седова Марка Зборовского, родившегося в состоятельной семье на Украине и эмигрировавшего в 1920 году в Польшу. В 1935 году Зборовский, которому был присвоен псевдоним «Мак», познакомился с Седовым через жену последнего Жанну Молинье. Спустя несколько месяцев Глинский сообщил в Москву:

«Мак» стал работать в «Международном секретариате троцкистов». В настоящее время источник встречается с «Сынком»^[7] чуть ли не каждый день. Этим самым считаем выполненной вашу установку на продвижение источника в окружение Троцкого».

Первоначально у «Сынка» были определенные подозрения в

отношении связей «Мака» с ОГПУ. Однако впоследствии резидентуре удалось их рассеять. Как писал Глинский в оперативном письме в Центр в 1936 году, «Седов извинялся перед «Маком» и почти со слезами на глазах просил у него прощения за то, что в начале их знакомства подозревал его в том, что он агент ГПУ».

Зборовский, имевший в троцкистских кругах подпольную кличку «Этьен», получил доступ к документам Седова и имел возможность информировать резидента ОГПУ Глинского о всех действиях, планах и намерениях Троцкого и его сторонников. Поскольку агент ОГПУ имел непосредственное отношение к выпуску «Бюллетеня оппозиции», советская разведка через него заблаговременно получала номера этого издания, которые Сталин читал раньше самого Троцкого.

Следует отметить, что активная деятельность Троцкого и его сторонников все больше раздражала Сталина. В конце концов он пришел к выводу, что только смерть «трибуна революции» может положить конец его антисоветской деятельности.

В этой связи отметим, что в решении пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося в феврале — марте 1937 года и обсуждавшего деятельность Троцкого и его последователей, в частности, подчеркивалось:

«Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности.

Укрепить кадры ГУГБ, Секретно-политического отдела надежными людьми.

Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки».

В НКВД приняли к исполнению указание партии.

В середине 1937 года деятельность НКВД по борьбе с троцкизмом была перенесена во Францию. Ведь проживавший в Париже Лев Седов активно занимался организацией I съезда IV Интернационала. В Париже находились и основные архивы Троцкого. В ближайшее окружение Седова, как мы уже отмечали, была внедрена надежная агентура, через которую удалось добыть большую часть архивов Троцкого и самого Седова, архив международного секретариата по подготовке IV Интернационала, а позже — новый архив этого секретариата. Были также добыты списки адресов приверженцев Троцкого как в СССР, так и в странах Европы.

Во второй половине 1937 года НКВД получил задание похитить Седова и доставить его в Москву. Осуществить операцию по его похищению было поручено Якову Серебрянскому. План похищения

предусматривал два варианта доставки Седова в СССР — морским путем и по воздуху. Для реализации первого варианта «люди Серебрянского» приобрели рыболовецкое судно и сняли на окраине одного из морских портов Франции небольшой домик, где поселилась «семейная пара» разведчиков-нелегалов. Для второго варианта был закуплен самолет, и надежный агент-летчик стал готовиться к перелету по маршруту Париж — Токио. Всего в этой операции участвовали семь человек, включая жену Серебрянского. Однако поскольку Зборовскому так и не удалось завлечь Седова и его жену в такое место, откуда их можно было бы легко похитить, приказа на реализацию этой операции не поступило.

8 февраля 1938 года у Седова случился приступ аппендицита, он был помещен в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов и в тот же вечер успешно прооперирован. Однако через несколько дней его состояние резко ухудшилось. Была сделана повторная операция, но 16 февраля 1938 года в возрасте 32 лет Лев Львович Седов скончался.

После смерти Льва Седова главной целью НКВД оставался сам Троцкий.

В марте 1939 года Сталин пригласил в Кремль наркома внутренних дел Лаврентия Берия и заместителя начальника внешней разведки Павла Судоплатова. Состоялся разговор о задачах закордонной разведки в условиях приближающейся мировой войны. Берия подчеркнул, что в данных условиях главной задачей внешней разведки должна стать не борьба с вооруженной белогвардейской эмиграцией, а подготовка резидентур к войне на Дальнем Востоке и в Европе. Для добычи разведывательной информации о планах и намерениях потенциальных противников СССР главную ставку внешняя разведка органов госбезопасности должна делать на приобретение агентов влияния из деловых и правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выходы на руководство своих стран и терпимо относятся к коммунистам.

Нарком отметил также, что левое движение в мире расколото из-за попыток Троцкого подчинить его своему влиянию. Он предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом, поручив возглавить операцию по ликвидации Троцкого заместителю начальника внешней разведки П. Судоплатову. Как позднее писал П. Судоплатов в своей книге «Разведка и Кремль», «Сталин после некоторого раздумья заметил:

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну

будет устранена.

Генсек выразил неудовлетворение тем, что разведывательные операции против Троцкого ведутся недостаточно активно. В 1937 году ликвидация этого главного политического противника Сталина была поручена Сергею Шпигельгласу, однако тот «провалил важное правительственное задание».

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий должен быть ликвидирован в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников на международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернув партизанскую войну».

Руководить группой боевиков по ликвидации Троцкого предстояло Павлу Судоплатову. Сталин подчеркнул, что группе будет оказана любая помощь и поддержка. О всех мероприятиях Судоплатов должен докладывать только лично Берии. Вся отчетность по операции «Утка» должна вестись только в рукописном виде.

Кодовое название «Утка» операции дал Наум Эйтингон, который принимал в ней активное участие. Имелось в виду, что Троцкий распространял ложные сведения о положении дел в СССР и ВКП(б), а такая информация в обиходе называется «уткой».

Ну а теперь расскажем о самой засекреченной операции, проведенной советской разведкой.

9 июля 1939 года руководство разведки утвердило «План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Утка». В начале августа план был одобрен Сталиным. В документе, в частности, говорилось:

«...Цель: ликвидация «Утки».

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и исполнитель на месте «Том» (Н.И. Эйтингон)».

В плане определялись способы изучения ближайшего окружения Троцкого и обстановки вокруг его дома.

Смета расходов на шесть месяцев составляла 31 тысячу долларов (по современному курсу это примерно в 10–12 раз больше).

Документ подписали начальник внешней разведки П.М. Фитин, его заместитель П.А. Судоплатов и заместитель Судоплатова — Н.И. Эйтингон, но без упоминания их должностей и воинских званий.

К реализации плана были подключены две группы. Они действовали автономно, и люди, входившие в одну группу, не были знакомы с членами другой группы.

Первую группу возглавлял известный мексиканский художник Давид Сикейрос. В нее входили проверенные бойцы из числа агентуры советских органов госбезопасности, действовавшие в Испании в период гражданской войны, а затем эмигрировавшие в Мексику. Членами второй группу являлись «Мать» и ее сын «Раймонд».

Из дела агентурной разработки

«Каридад Меркадер дель Рио, она же — Мария Каридад, она же — агент советской внешней разведки «Мать».

Год рождения — 1894.

Национальность — испанка.

Член компартии Испании с 1922 года.

Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Привлечена к сотрудничеству с советской внешней разведкой в 1937 году «Томом».

В Париже руководила агентурной группой».

К этому следует добавить, что Каридад родилась в Сантьяго-де-Куба в семье губернатора острова. Ее прадед был послом Испании в России. Отец Каридад первым в истории острова издал указ об освобождении чернокожих рабов, благодаря чему пользовался огромным уважением в стране. Специальным указом ему и членам его семьи было разрешено до конца своих дней проживать на Кубе. Однако семью тянуло на родину, и в начале XX века она возвратилась в Испанию. Каридад училась в привилегированной школе, вела аристократический образ жизни, занималась верховой ездой. Достигнув совершеннолетия, Каридад вышла замуж за миллионера, владельца текстильной фабрики Пабло Меркадера из Барселоны. Брак был счастливым, муж обожал ее, у них родилось пятеро детей: сыновья Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь Монсеррат.

Однако семейная жизнь была не для Каридад. Молодая миллионерша всерьез увлеклась политикой и модными в то время идеями эмансипации. В итоге Каридад сблизилась с анархистами. Муж пытался повлиять на нее, однако безуспешно. Каридад разошлась с мужем и уехала во Францию. В скором времени она вступила во французскую коммунистическую партию. В 1934 году участвовала в восстании в Барселоне. С началом гражданской

войны в Испании в 1936 году ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев. В 1937 году была привлечена Наумом Эйтинггоном к сотрудничеству с советской внешней разведкой.

Сразу же после утверждения плана операции «Утка» стало ясно, что для внедрения своих людей в ближайшее окружение Троцкого потребуется определенное время. Для ускорения выполнения задания было решено совершить налет на его жилище. Группа Сикейроса, имевшая подробный план виллы Троцкого, стала усиленно готовиться к операции. Штурм начался около 4 часов утра 24 мая 1940 года.

Около двадцати человек в форме полицейских и военнослужащих напали на дом Троцкого, обнесенный высоким каменным забором, разоружили и связали полицейских наружной охраны. Затем проникли в дом и открыли перекрестный огонь из ручного пулемета и стрелкового оружия по спальне Троцкого. Троцкому и его жене удалось спрятаться под кроватью и остаться невредимыми. Покидая дом, нападавшие оставили в нем зажигательный снаряд и взрывное устройство. Однако взрывное устройство не сработало, а начавшийся пожар Троцкий и его жена смогли потушить.

О неудачном покушении на Троцкого Эйтингон доложил лично Берии, отправив в Центр донесение:

«О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан позже.

Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

Если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки, так как не все резервы исчерпаны.

Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания.

30 мая. «Том»».

В середине июня Берия и Судоплатов были вызваны к Сталину. Они доложили генсеку подробности несостоявшегося покушения. Сталин был спокоен и предложил осуществить альтернативный план. Он подчеркнул, что акция против Троцкого будет означать полное крушение всего троцкистского движения, и дал указание направить Эйтингону телеграмму с выражением полного доверия.

Из Москвы в Мехико полетел приказ продолжить операцию. Теперь к ней подключалась вторая группа.

Здесь следует сказать, что «Мать» принимала непосредственное участие в подготовке операции «Утка» с первого дня ее разработки. «Том»

и «Мать» хорошо понимали, что для успешной реализации выработанного плана необходимо найти надежного исполнителя. После долгих поисков и сомнений «Мать» предложила на роль главного исполнителя этой рискованной операции... своего собственного сына.

Из дела агентурной разработки:

«Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес Хайме родился 7 февраля 1914 года в Барселоне в многодетной семье владельца текстильной фабрики. В 1925 году родители развелись. Рамон с молодых лет принимал активное участие в революционном движении — являлся одним из комсомольских лидеров Каталонии, членом компартии.

С октября 1936 года участвовал в гражданской войне в Испании в качестве комиссара 27-й бригады на Арагонском фронте, майор. В боях был ранен.

В 1938 году был привлечен резидентом НКВД в Испании «Томом» к сотрудничеству с советской разведкой. С февраля 1939 года задействован в операции по организации физического устранения Троцкого».

Под видом богатого плейбоя, сына бельгийского дипломата, занимающегося спортивной фотожурналистикой, и по документам на имя Жака Морнара «Раймонд» (таким был оперативный псевдоним Меркадера) нелегально приехал в Париж, где познакомился с находившейся там на отдыхе гражданкой США Сильвией Агелофф, родители которой были выходцами из России, а старшая сестра — личным секретарем Троцкого. У новой приятельницы «Раймонда» была репутация старой девы и безупречное прошлое. Но самое главное — она также периодически исполняла обязанности секретаря и переводчика Троцкого.

Вслед за возлюбленной «Раймонд» отправляется в Мексику. После отпуска Сильвия возвращается к работе у Троцкого. Роман, завязавшийся под небом Франции, приобретает все более серьезные формы. «Раймонд» предлагает Сильвии руку и сердце и на правах жениха входит в дом Троцкого.

О том, что произошло позже, узнал весь мир. Сталин свел счеты со своим многолетним ненавистным врагом...

Итак, 20 августа 1940 года «Раймонд» выполнил задание Центра, но был арестован.

В ходе предварительного следствия, несмотря на пытки, а затем и на судебном процессе убийца, имевший документы на имя Жака Морнара, бельгийца по национальности, не назвал своего настоящего имени, объясняя, что пошел на преступление, приревновав к Троцкому свою невесту.

Следствие требовало от арестованного чистосердечного признания и не могло его добиться. В отношении «Раймонда» стали применять меры морально-психологического и физического воздействия. В официальном меморандуме, представленном в судебные инстанции его адвокатом в августе 1946 года, указывалось:

«Сразу после ареста, будучи в бессознательном состоянии вследствие нанесенных охранниками ран, арестованный был направлен в полицейский участок, где истязания продолжались несколько недель. В ходе предварительного следствия 7 месяцев он содержался в подвале, являясь объектом неслыханных издевательств и унижений. По причине изоляции он был на грани потери зрения. В марте 1941 года его перевели в городскую тюрьму, в которой держали 3 года. Выводили на прогулку один раз в день на 20 минут в связке с надзирателем».

После длительных юридических процедур в мае 1944 года суд федерального округа Мехико вынес окончательный приговор — 20 лет тюремного заключения (высшая мера наказания в стране).

Мексиканские спецслужбы усиленно искали в убийстве Троцкого советский след и пытались выяснить подлинное имя арестованного. Однако никакие допросы не смогли заставить его признаться в связях с советской разведкой. Лишь спустя много лет один из бывших активистов испанской компартии и участник гражданской войны в Испании предал его, сообщив мексиканским спецслужбам, что в тюрьме находится Рамон Меркадер. Мексиканцы смогли получить на него из испанских полицейских архивов подробное досье.

Когда личность Жака Морнара была окончательно установлена, перед лицом неопровержимых улик он признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. В то же время до последнего дня заключения он отрицал, что убил Троцкого по заданию советской разведки. Во всех своих заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив убийства.

Из воспоминаний заместителя начальника внешней разведки генерала П.А. Судоплатова:

«В августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон и Каридад вернутся домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, для оплаты адвокатам.

Именно тогда Сталин произнес фразу: «Мы будем награждать всех

участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время».

17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад и я были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где он вручил нам коробочки с орденами. Каридад и Эйтингон получили ордена Ленина. Меня наградили орденом Красного Знамени».

По крайней мере, дважды поднимался вопрос о досрочном освобождении «Раймонда» под залог. Но один из высших судебных авторитетов страны заявил в доверительной беседе: «Единственный путь к освобождению — его полное признание во всем». Но «Раймонд» продолжал упорно отрицать связь с советской разведкой.

Отбыв в заключении 19 лет 8 месяцев и 14 дней, Рамон Меркадер вышел из тюрьмы 6 мая 1960 года.

После освобождения он женился на мексиканке Рокелии Мендоса и вместе с женой был переправлен в Советский Союз. В Москве он получил советское гражданство и документы на имя Рамона Ивановича Лопеса. 31 мая 1960 года «за выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество» Р.И. Лопесу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 8 июля 1960 года награды ему вручил тогдашний председатель КГБ А.Н. Шелепин.

В Москве Меркадер работал старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Являлся членом авторского коллектива четырехтомной истории гражданской войны в Испании. Его жена работала диктором в испанской редакции Московского радио. Супруги взяли на воспитание мальчика 11 лет и семимесячную девочку, мать которых умерла, а отец, испанский коммунист, погиб во франкистской Испании.

В октябре 1974 года Меркадер с семьей переехал на Кубу, где в звании генерала работал советником в кубинском министерстве внутренних дел. Скончался в Гаване 18 октября 1978 года от саркомы. Согласно завещанию, урна с его прахом была перевезена в СССР и захоронена в Москве в могиле на Кунцевском кладбище.

За семьей Меркадера сохранили установленную ему пенсию с выплатой в валюте: Рокелии — пожизненно, детям — до достижения совершеннолетия. После смерти мужа вдова возвратилась с дочерью в

Мексику. Сын остался на Кубе, закончил мореходное училище, служил капитаном в системе торгового флота. Рокелия пережила своего мужа на 11 лет. Скончалась после тяжелой болезни в 1989 году.

После освобождения сына из заключения Каридад Меркадер жила в Москве, позднее выехала из СССР. Получала за границей пенсию от советского правительства. Умерла в Париже в 1975 году.

Завершить наш рассказ об операции «Утка» хотелось бы словами из воспоминаний генерала Судоплатова:

«Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, но и предопределить его полный крах. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перешли на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии...

В то же время мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для гражданской войны. Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому.

Эта конфронтация была войной на уничтожение».

В годы Великой Отечественной войны

Великую Отечественную войну Наум Эйтингон встретил на посту заместителя начальника разведки. За день до нападения нацистской Германии на Советский Союз он получил личное указание Берии о создании Особой группы для проведения диверсий в тылу вероятного противника. Эйтингон должен был установить связь с Генштабом и пограничными округами, чтобы договориться с ними о совместных действиях. Начавшаяся война помешала реализовать эти планы. Однако уже 5 июля 1941 года такая группа была создана при наркомате госбезопасности. Ее возглавил старший майор госбезопасности Павел Судоплатов. Наум Эйтингон стал его заместителем.

Еще ранее, 26 июня 1941 года, приказом наркома были сформированы войсковые подразделения Особой группы, которыми командовал комбриг Павел Богданов. Войска специального назначения включали в себя две бригады, состоящие из батальонов, отрядов и спецгрупп, формирование которых проходило под непосредственным контролем Эйтингона. В

октябре 1941 года они были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН), которая состояла из двух полков четырехбатальонного состава и включала в себя специальные подразделения.

18 января 1942 года, в связи с расширением партизанской борьбы на оккупированной германским вермахтом советской территории, было создано 4-е управление НКВД во главе с П.А. Судоплатовым. 20 августа того же года Эйтингон стал его заместителем. На это управление возлагались задачи по организации в крупных городах на оккупированных территориях нелегальных резидентур, внедрению агентуры в оккупационные военные и административные органы, по подготовке и заброске в тыл врага разведывательно-диверсионных групп, организации резидентур в районах, находившихся под угрозой захвата, обеспечению групп и агентов оружием, средствами связи и документами. Помимо решения этих задач Наум Эйтингон сыграл ведущую роль в проведении оперативных игр «Монастырь» и «Березино».

Операция «Монастырь»

В начале февраля 1942 года, когда немецкие войска впервые после начала Второй мировой войны потерпели сокрушительное стратегическое поражение в битве под Москвой, к немцам за линию фронта перешел агент органов госбезопасности «Гейне» — Александр Петрович Демьянов. Он являлся выходцем из знатного дворянского рода: прадед Демьянова, Антон Головатый, был первым атаманом кубанского казачества. В роду Демьянова все мужчины традиционно были военными. Завербован он был в 1929 году и использовался контрразведкой для разработки связей оставшихся в Советском Союзе лиц дворянского происхождения с зарубежной эмиграцией. Александр Демьянов работал в Москве в Главкинопрокате, был знаком со многими известными актерами театра и кино. Он часто бывал на бегах, держал в Манеже собственную лошадь и был широко известным человеком среди московской богемы.

Выбор «Гейне» в качестве подставы гитлеровским спецслужбам не был случайным. К моменту нападения гитлеровской Германии на Советский Союз «Гейне» уже был опытным агентом. Еще в довоенный период он вышел на представителей германской торговой миссии в Москве и в разговоре с ними назвал ряд фамилий русских эмигрантов, поддерживавших контакт с его семьей в предреволюционный период. Германская разведка заинтересовалась «Гейне» и стала вести его разработку. Абвер присвоил ему кличку «Макс».

В поле зрения органов государственной безопасности в предвоенное

время находились некоторые представители русской аристократии — бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, поэт Садовский, член-корреспондент Академии наук СССР Сидоров и некоторые другие. В свое время они учились в Германии, были известны гитлеровским спецслужбам, а в Москве жили на территории Новодевичьего монастыря, где нашли прибежище потомки некогда знаменитых дворянских родов. Немцы проявляли интерес к этим лицам. Им, в частности, было известно, что поэт Садовский, практически не издававшийся в СССР, написал большую поэму в честь «немецких войск, освободителей Европы». В июле 1941 года руководство 4-го управления НКВД приняло решение создать с помощью этих лиц и другой агентуры легендированную прогерманскую монархическую организацию «Престол», в которую был внедрен агент «Гейне». Операция получила кодовое название «Монастырь».

В феврале 1942 года «Гейне» был доставлен на фронт в районе Можайска. Войсковая разведка перебросила его на нейтральную полосу, которая оказалась заминированной. Только по счастливой случайности «Гейне» не подорвался на mine. С рассветом он встал на лыжи и направился к немцам с белым флагом. «Гейне» рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, которая желает установить связь с немецким командованием и выполнять его задания. Ее цель — борьба с коммунизмом. Гитлеровцы подвергли «Гейне» допросу, затем имитировали его расстрел. Разведчик держался стойко, спокойно отвечал на все вопросы, и немцы сделали вид, что ему поверили.

Однако проверка «Гейне» продолжалась. На следующий день он был отправлен в Смоленск. Его поместили в концлагерь вместе с предателями и изменниками Родины. В лагере продолжались его допросы. Офицеры абвера постоянно интересовались историей его перехода через линию фронта, проверяли знания в области радио-и электротехники. Через некоторое время «Гейне» перевели на городскую квартиру в Смоленске, где два инструктора занимались его подготовкой в качестве агента абвера. Под их руководством он изучал тайнопись, шифровальное и радиodelo. Впоследствии Александр Демьянов вспоминал, что труднее всего ему было скрывать свое умение работать на телеграфном ключе.

Через несколько недель состоялась встреча «Гейне» с высокопоставленным представителем абвера, который сообщил, что вскоре его отправят с заданием обратно в Москву. Были уточнены некоторые детали задания и время связи. Одновременно условились, что курьеры, прибывающие в столицу, будут приходить к его тестю, профессору

медицины, практикующему на дому, а тот будет связывать их с «Гейне». После этой беседы «Гейне» перевели в Минск и поселили на частной квартире. Его всесторонняя проверка гитлеровскими спецслужбами продолжалась. 15 марта 1942 года за «Гейне» пришла машина, и его отвезли на аэродром, выдали деньги для организации «Престол» и посадили в самолет.

Приземлился «Гейне» в лесу около районного центра Арефино. Захватившим его в плен красноармейцам он сообщил свой псевдоним и попросил немедленно связаться с Москвой. Из Москвы поступило распоряжение доставить разведчика в Ярославль. Там он проживал некоторое время, затем в сопровождении сотрудников госбезопасности был доставлен в Москву. Две недели потребовались для написания подробного отчета, а затем «Гейне» вышел в эфир и передал немцам первую дезинформацию, подготовленную Генеральным штабом.

Первые четыре месяца органы госбезопасности сознательно избегали ставить перед немцами какие-либо вопросы. Только в августе 1942 года им было передано, что имеющийся у организации «Престол» передатчик пришел в негодность и требует замены. Вскоре в Москву пожаловали курьеры абвера. 24 августа 1942 года они пришли к тестю «Гейне», а затем встретились и с ним. Курьерами оказались предатели Станкевич и Шакуров. Они вручили «Гейне» новую рацию, батареи, блокноты для шифрования и деньги. Одеты они были в советскую военную форму и прибыли в Москву для совершения диверсий. К вечеру Эйтингоном был отдан приказ усыпить курьеров. Пока курьеры спали, их сфотографировали, обыскали, заменили патроны в револьверах на холостые. Утром им дали возможность погулять по Москве под плотным наружным наблюдением, а затем одного из них арестовали на вокзале, когда он пытался подсчитать воинские эшелоны. Второй курьер был арестован на дому у женщины, с которой он успел познакомиться.

«Гейне» сообщил немцам по рации, что Станкевич и Шакуров благополучно прибыли, но новую рацию не доставили, так как она якобы была повреждена при приземлении. 7 октября 1942 года абвер забросил еще двух курьеров, которые без лишнего шума были арестованы органами госбезопасности. «Гейне» проинформировал немцам, что и эти курьеры благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем радиоигра с немцами велась по двум линиям: по радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол» и по рации прибывших 7 октября 1942 года диверсантов, которые были перевербованы органами государственной безопасности. Руководство 4-го управления

учитывало тот факт, что прибывшие первыми агенты Станкевич и Шакуров имели указание вернуться назад. Было принято решение скомпрометировать одного из них. «Гейне» сообщил немцам по радио, что Шакуров «трусит, много пьет и становится для нас опасным». Абвер приказал его ликвидировать.

12 октября 1942 года немцы предложили «Гейне» передать сведения о месте работы членов организации «Престол». Агент ответил, что члены его организации работают в Москве и некоторых других городах. Абвер интересовало наличие членов организации в Ярославле, Муроме и Рязани. Немцы потребовали переслать им адреса и пароли для связи с этими лицами. Чтобы не вызвать подозрений немцев, им было сообщено, что в названных городах организация «Престол» своих людей не имеет, однако располагает возможностью принять курьеров в Горьком. Немцы запросили адрес явочной квартиры и пароль. Игра с гитлеровской военной разведкой расширялась. Абвер высоко оценил работу «Гейне». 18 декабря 1942 года «Гейне» была передана шифровка из Берлина о том, что он и Станкевич (к этому времени он был перевербован советской контрразведкой и также принимал участие в операции «Монастырь») награждены немецкими орденами.

Вскоре «Гейне» информировал немцев, что его организация приобрела еще одну явочную квартиру. На самом деле в ней проживал сотрудник НКВД. Курьеры абвера все чаще прибывали в Советский Союз. Их встречали не только в Москве, но и в других городах, в том числе в Горьком, Свердловске, Челябинске, Новосибирске. Одному из курьеров даже разрешили вернуться обратно, чтобы подтвердить немцам, что организация «Престол» работает под контролем абвера.

Радиостанции «Гейне» и Станкевича продолжали передавать «важную стратегическую информацию», которая на самом деле готовилась в Генеральном штабе Красной Армии с целью дезинформации германского военного командования. Среди таких сведений, передаваемых за линию фронта, были донесения о «важнейших решениях» Ставки, данные о совещаниях у маршала Шапошникова и другая информация. Шифровки «Гейне» высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» германского Генерального штаба и учитывались при планировании операций на Восточном фронте.

«Гейне» активно передавал выгодные советскому командованию сведения о железнодорожных перевозках воинских частей, боеприпасов и военного снаряжения. Для подтверждения фактов о якобы проведенных организацией «Престол» диверсиях чекистами были организованы

соответствующие публикации в прессе. Приходилось даже имитировать акты вредительства на железных дорогах страны, в частности, под городом Горьким. В отдельных случаях, когда это было выгодно советскому командованию, «Гейне» передавал немцам и настоящую информацию. В ее подготовке принимал участие сотрудник Оперативного управления Генерального штаба генерал Сергей Штеменко.

Накануне контрнаступления под Сталинградом Ставка Верховного командования довела до немцев стратегическую дезинформацию относительно направления главного удара Красной Армии на Западном фронте. При разработке плана контрнаступления под Сталинградом 13 ноября 1942 года Сталин пригласил в Кремль членов Политбюро и членов Государственного Комитета Оборона. На этом совещании присутствовали также генералы Василевский и Жуков. При обсуждении плана контрнаступательной операции Жуков и Василевский обратили внимание присутствующих на то, что германское командование может перебросить в район Сталинграда на помощь группировке Паулюса часть своих войск из района Вязьмы. Чтобы этого не случилось, необходимо было дезинформировать германское командование относительно направления удара Красной Армии, сделав вид, что наступление на советско-германском фронте планируется осуществить в районе Ржевского выступа.

На Жукова возлагалась задача подготовить наступление Калининского и Западного фронтов, чтобы убедить немцев, что именно здесь наносится главный удар. Действительно, появление Жукова на Западном фронте дезориентировало немецкое военное командование, которое сочло, что именно здесь Красная Армия планирует перейти в контрнаступление. Более того, сосредоточение стратегических резервов Красной Армии в районе Москвы также укрепило немцев в этой мысли. На самом деле задача Жукова была более скромной — сковать силы немцев на этом участке советско-германского фронта. Для перехода в контрнаступление у него не было достаточным сил и средств.

Германское командование стало срочно усиливать группировку своих войск в районе Ржевского выступа. Предупрежденные «Гейне» о том, что Красная Армия готовит удар именно под Ржевом, немцы предприняли меры по его отражению, а с началом Сталинградской наступательной операции оказались не в состоянии перебросить из-под Ржева войска на помощь окруженной группировке фельдмаршала Паулюса. Сражение под Ржевом носило ожесточенный и затяжной характер, хотя контрнаступления здесь, как уже отмечалось, не планировалось. В наши дни отдельные средства массовой информации пытаются доказать, что Жуков-де не был

великим полководцем, поскольку под Ржевом он потерпел поражение. Как мы видим, Жуков сумел блестяще выполнить поставлявшую перед ним задачу, сковав в районе Ржевского выступа немецкие войска, и тем самым способствовал их разгрому под Сталинградом.

Интересно отметить, что стратегическая дезинформация, передававшаяся советскими разведчиками для гитлеровского командования в ходе операции «Монастырь», подчас возвращалась в органы госбезопасности от их источников в абвере и британской разведке. Так, в 1942 году внешней разведкой был завербован в одной из оккупированных немцами стран руководитель шифровальной службы абвера полковник Шмидт. До своего провала он успел передать ряд цепных разведывательных материалов абвера, полученных из Москвы. При их анализе было установлено, что речь шла об информационных сообщениях «Гейне».

Кроме того, британская разведка, имевшая свою агентуру в абвере, также получала по своим каналам материалы «Гейне», которые возвращались в Москву в виде агентурных донесений от члена «кембриджской пятерки» Энтони Бланта. Англичане настолько уверовали в то, что абверу удалось завербовать агента в окружении маршала Шапошникова, что даже Черчилль сообщил Сталину в 1943 году, что в Генштабе Красной Армии есть немецкий агент.

Оперативная игра «Монастырь» продолжалась до конца Великой Отечественной войны. В ходе операции органами государственной безопасности было арестовано более 50 агентов абвера и семь пособников немцев, а также получено несколько миллионов рублей на деятельность легендированной организации «Престол». Руководители операции Павел Судоплатов и Наум Эйтингон были награждены орденами Суворова 2-ой степени, Александр Демьянов — орденом Красной Звезды, а его жена Тамара и тесть Борис Березанцев — медалями «За боевые заслуги».

Но это было уже в ноябре 1945 года. А пока кровопролитная война продолжалась. Во время операции «Монастырь» агентуре 4-го управления не удалось проникнуть в Берлин. И Сталин предложил Судоплатову и Эйтингону расширить рамки радиоигры. Чекисты думали вновь направить «Гейне» за линию фронта. Сам «Гейне» предлагал направить члена организации «Престол» переводчика Красной Армии в лагерь немецких военнопленных с тем, чтобы в дальнейшем организовать его «побег». Явившись к немцам, этот переводчик должен был создать условия для более активной связи «Гейне» с абвером. А пока в очередной шифровке «Гейне» информировал немецкую разведку о том, что он переведен из

группы связи Генштаба Красной Армии в технические части с присвоением звания инженер-капитана.

Операция «Березино»

Летом 1944 года «Гейне» был командирован в освобожденный Минск. Вскоре он сообщил в Москву о том, что, по некоторым сведениям, в белорусских лесах скрываются попавшие в окружение разрозненные группы немецких солдат и офицеров, что соответствовало действительности. После осуществления операции «Багратион» остатки разгромленных немецких частей выходили на магистральные шоссе, складывали оружие и сдавались в плен.

Это обстоятельство было использовано руководством 4-го управления для продолжения радиоигры с немцами. По согласованию с Генштабом было решено до немецкого командования информировать о том, что в тылу Красной Армии действуют остатки немецких войск, попавшие в окружение. Замысел заключался в том, чтобы побудить немцев использовать свои ресурсы на поддержку этих частей.

18 августа 1944 года через радиостанцию легендированной организации «Престол» «Гейне» информировал немцев о том, что в Белоруссии в районе реки Березина скрывается крупная немецкая воинская часть численностью до 2000 человек, потерявшая связь со своим командованием и испытывающая нужду в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Немецкие солдаты и офицеры якобы стремятся прорваться за линию фронта. Командование вермахта приняло решение оказать помощь военнослужащим пробиться к своим. Так началась операция «Березино», явившаяся продолжением операции «Монастырь». Возглавлять операцию было поручено заместителю начальника диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР Науму Эйтингону.

По инициативе Эйтингона была сформирована специальная оперативная группа сотрудников 4-го управления НКГБ, которую направили в район Березино для создания ложной базы якобы действующей в тылу Красной Армии немецкой воинской части. Руководил группой майор Борисов. Помимо чекистов в оперативную группу были включены агенты-немцы, бывшие военнопленные, одетые в форму германской армии, 20 автоматчиков ОМСБОН и военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, которому предстояло сыграть роль командира легендированной части.

Из оперативной справки

Подполковник Генрих Шерхорн, кадровый офицер, по профессии администратор коммунального имущества. Член НСДАП с 1933 года.

Командовал охранным полком одной из дивизий, входивших в состав группы немецких армий «Центр». Взят в плен 9 июля 1944 года в районе Минска. В период пленения был настроен пессимистично, в победу Германии не верил.

Завербован органами государственной безопасности. Оперативный псевдоним — «Шубин».

На роль командира легендированной части выбран в связи с тем, что его охранной полк и он сам были мало известны в вермахте, что позволяло Центру использовать Шерхорна в оперативной игре с противником.

Специальная оперативная группа оборудовала расположение легендированной немецкой части во главе с Шерхорном на бывшей партизанской базе на восточном берегу озера Песочное, у деревни Глухое Червенского района Минской области.

Получив телеграмму «Гейне», германское командование первоначально планировало использовать подразделение известного диверсанта Отто Скорцени, который хотел под видом рабочих батальонов военнопленных передислоцировать свой отряд к линии фронта со стороны советских войск и ударить в тыл частям Красной Армии. Однако на начальном этапе от этого варианта решили отказаться. 25 августа 1944 года «Гейне» получил ответную телеграмму следующего содержания:

«Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски груза.

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как придет в обмундировании Красной Армии. Пароль — Ганновер».

В тот же день в район озера Песочное для руководства операцией на месте выехала группа из шестнадцати опытных оперативных сотрудников 4-го управления НКГБ во главе с Эйтингоном. В ее состав, в частности, входили полковники Маклярский, Мордвинов и Серебрянский, а также майор Фишер, ставший в 1960-е годы известным под именем Рудольфа Абеля.

Вскоре «Гейне» передал немцам радиogramму об установлении контакта с воинской частью подполковника Шерхорна, сообщил его биографические данные. Об этом было доложено Гитлеру и Герингу. С их стороны было дано указание оказывать всемерную помощь отряду

Шерхорна боеприпасами, продуктами питания и медикаментами.

В ночь на 15 сентября 1944 года чекистами были задержаны два парашютиста, которые на допросе рассказали, что по приказу штаба группы армий «Центр» были направлены для установления связи с окруженной немецкой воинской частью. В дальнейшем немецкое командование неоднократно забрасывало своих военнослужащих в советский тыл для оказания помощи «немецкой группе в Белоруссии», регулярно направляло ей продовольствие и боеприпасы. Прибывавшие сотрудники абвера перевербовывались чекистами.

В конце сентября 1944 года командующему группой немецких армий «Центр» генерал-полковнику Рейнгарду была доложена информация, полученная от «Гейне». Согласно содержащимся в ней сведениям, часть подполковника Шерхорна насчитывала 1500 человек, в том числе 200 русских — бывших полицейских, спасавшихся от возмездия. Отряд Шерхорна якобы был разбит на четыре группы в целях мобильности и скрытности действий. Группы под командованием майора Диттмана, подполковников Шиффера, Михаэлиса и Эккардта (на самом деле они были завербованы чекистами) продвигаются к линии фронта для соединения с частями вермахта.

С декабря 1944 года связь с вермахтом осуществлялась уже по трем каналам. Чтобы не допустить посадки немецких самолетов в районе дислокации легендированной части, «Гейне» по заданию Эйтингона направлял германскому командованию сообщения о мнимых боевых столкновениях отряда Шерхорна с подразделениями Красной Армии. В начале марта 1945 года «Гейне» радировал в абвер о выходе передовых групп части подполковника Шерхорна к границе с Литвой. Для обеспечения продвижения «соотечественников» в Восточную Пруссию командование вермахта направило Шерхорну своих агентов из числа поляков, которые по прибытии в СССР были арестованы сотрудниками НКГБ.

28 марта 1945 года подполковник Шерхорн получил телеграмму за подписью начальника штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Гудериана, в которой говорилось, что ему присвоено звание полковника и что он награжден Рыцарским крестом 1-й степени. Одновременно ему было приказано прорваться со своей частью через линию фронта, а затем следовать в Польшу и Восточную Пруссию. Однако войска Красной Армии стремительно продвигались на Запад, и «часть» Шерхорна никак не могла их «догнать».

1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая

но всем радиостанциям, участвовавшим в оперативной игре «Березино», немцы передали последнюю радиограмму:

«Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

Это был конец оперативной игры. Из архивной справки по делу «Березино», составленной 8 марта 1947 года, следовало:

«Агентурное дело «Березино» заведено в сентябре 1944 года в целях радиогри с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское главное командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы.

Так, с сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы 4-м управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и один миллион семьсот семьдесят семь тысяч рублей советских денег.

Агентурное дело «Березино» состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

В начале 1950-х годов Генрих Шерхорн и его помощники из числа немецких военнопленных были освобождены и выехали на жительство в ГДР.

Александр Петрович Демьянов, как и до войны, жил в Москве и был связан с кинопрокатом. Скончался он в 1978 году и похоронен на Немецком кладбище.

5 ноября 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР Науму Исааковичу Эйтингону за успешно проведенную операцию было присвоено звание генерал-майора.

В годы Великой Отечественной войны советская разведка инициировала в Советском Союзе начало работ по созданию атомного оружия. В феврале 1945 года ею была получена информация о наличии

запасов высококачественного урана в районе города Бухово в Болгарии, находившейся под контролем Красной Армии. Руда из Бухова была использована при пуске первого советского атомного реактора. Советским руководством было принято решение обеспечить охрану этого района войсками НКВД. Спецслужбы США, узнавшие об этом, стали разрабатывать план диверсий, чтобы сорвать поставки урановой руды в Советский Союз. Руководство внешней разведки направило Наума Эйтингона в Болгарию с целью срыва диверсионных планов наших недавних союзников. Однако к тому времени в СССР были найдены более крупные месторождения урановой руды. Чтобы скрыть от американцев этот факт, Эйтингон провел в Болгарии широкие дезинформационные мероприятия, направленные на создание у них впечатления, будто Советскому Союзу крайне необходим болгарский уран. Эти действия отвлекли силы и средства американской разведки от советского ядерного проекта.

В конце 1946 года Эйтингон получил новое задание руководства разведки. Он был направлен в китайскую провинцию Синьцзян (Восточный Туркестан) для оказания помощи китайским коммунистам в установлении полного контроля над этой провинцией. Дело осложнялось тем, что дубань (правитель) Синьцзяна Шен Шицзяй получил в свое время от Советского Союза крупную партию вооружения, включая авиацию, для борьбы против японских интервентов. Но, когда китайские коммунисты очистили север страны от японцев, Шен Шицзяй переметнулся на сторону Чан Кайши. В Синьцзяне развернулось мощное сепаратистское движение мусульман-уйгуров, которым оказывали активную поддержку британская разведка и режим Чан Кайши. На помощь органам безопасности компартии Китая в подавлении сепаратистского движения и прибыл Эйтингон. Совместно с китайскими коммунистами ему удалось создать диверсионные группы, общее руководство которыми осуществлял Герой Советского Союза Николай Прокопюк. Эти группы эффективно противодействовали мятежникам. В итоге к 1949 году, когда Наум Эйтингон был уже в Москве, уйгурские сепаратисты потерпели полное поражение.

В 1947 году генерал-майор Эйтингон был вновь назначен заместителем П. А. Судоплатова, возглавлявшего отдел по диверсионной работе за границей. В послевоенные годы ему пришлось принимать активное участие в разработке и реализации оперативных мероприятий, в частности, по ликвидации литовских националистических бандформирований.

Следует отметить, что в конце 1940-х годов в Прибалтийских

республиках, освобожденный Красной Армией от немецко-фашистских оккупантов, было неспокойно. Здесь орудовали банды националистов, которые получали широкую помощь, в том числе военную, от спецслужб Великобритании и США. В Литве активно действовала так называемая Литовская освободительная армия, руководимая Верховным комитетом освобождения Литвы. С 1944 по 1956 год литовские «лесные братья» убили 25 тысяч человек, 23 тысячи из которых были их соотечественниками. В эту республику неоднократно выезжал Эйтингон. Под его руководством литовские чекисты разработали и реализовали ряд успешных агентурных комбинаций по образцу операций «Трест» и «Синдикат».

В конце 1940-х годов британская разведка МИ-6 разработала долгосрочную операцию «Лиотэ», направленную на разложение населения стран социализма, в первую очередь — СССР. Автором операции «Лиотэ» был заместитель директора МИ-6 полковник Валентайн Вивьен. Для подрывной работы против СССР на территории Западной Украины и в Прибалтике в рамках МИ-6 был создан специальный отдел «Нора» во главе с британским подданным русского происхождения Маккибином. Помимо засылки в Прибалтику и Западную Украину вооруженных агентов английских спецслужб из числа местных националистов, включая военных преступников, находившихся в международном розыске, а также поставок оружия и взрывчатки действовавшим там бандам террористов, отдел «Нора» занимался ведением «черной пропаганды» на Советский Союз с использованием аэростатов и воздушных шаров, начиненных листовками, а также организацией пропагандистских радиопередач на канале Би-би-си.

В частности, в конце 1940-х годов отдел «Нора» осуществил заброску на территорию Западной Украины и в Литву организаторов националистического подполья Матвейко, Лукши и Охримовича. С помощью британских спецслужб в Западную Украину был также переброшен бывший гауптштурмфюрер СС Шухевич. Однако советская внешняя разведка через свои возможности в британских спецслужбах получила сведения на Шухевича и Йозаса Лукшу. С февраля 1951 года поиск Лукши в Литве осуществляли две специальные оперативные группы, в состав которых входили командированные из Москвы подчиненные Наума Эйтингона. Это агентурно-оперативное мероприятие продолжалось несколько лет. Генерал-майору Эйтингону пришлось трижды выезжать в Литву, чтобы на месте руководить ходом операции. В конце концов чекистам удалось заманить Йозаса Лукшу в засаду и уничтожить его.

В отчете руководству МГБ СССР от 19 января 1953 года министр госбезопасности Литвы генерал-лейтенант Петр Кондаков докладывал:

«Особенно положительные результаты в ликвидации бандитизма были достигнуты после применения таких форм агентурной работы, как создание агентурно-боевых групп, направленных против банд, оперативное использование тайно задержанных бандитов и их вербовка нашей спецслужбой в качестве легендированных представителей банд, штабов и центров сопротивления... В результате нам удалось взять под агентурный контроль самые серьезные организационные бандитские единицы, уничтожить организационную структуру оставшихся формирований, парализовать их активную террористическую деятельность».

18 апреля 1953 года министр госбезопасности Литвы сообщил в МГБ СССР, что чекисты его министерства за неполных четыре месяца этого года провели 240 агентурно-оперативных комбинаций, захватили 72 руководителя националистического подполья, из которых 18 были перевербованы, 23 националиста использованы для других оперативных целей, а остальные арестованы для предания суду.

После ликвидации бандформирований и уничтожения входивших в них военных преступников вооруженная борьба в республиках, занимавших западные территории СССР, постепенно приобрела характер законспирированного противоборства между спецслужбами националистов и стоявшими за ними МИ-6 и ЦРУ США и советской контрразведкой.

Помимо борьбы с националистами в Литве, Эйтингону пришлось решать в те годы много других важных задач.

В сентябре 1950 года отдел, возглавляемый П.А. Судоплатовым, был преобразован в Бюро № 1 МГБ СССР. Эйтингон был утвержден заместителем Судоплатова. В его обязанности входила организация боевых операций против стратегических объектов вероятного противника в случае возникновения новой войны, включая американские ядерные объекты на территории Европы. Эйтингон занимался созданием строго законспирированных боевых агентурных групп за рубежом, закладкой тайников с оружием для этих групп, с тем чтобы в случае нападения на СССР Соединенных Штатов, которые планировали открытую агрессию против стран социализма, вывести из строя стратегические объекты на территории стран НАТО, организовать диверсии против военных складов и на транспортных коммуникациях.

Однако занимаемое Эйтингоном высокое положение и значительные успехи в работе не смогли уберечь его от серьезных неприятностей. К началу 1950-х годов обстановка в самом МГБ значительно осложнилась. Еще в 1947 году было принято негласное решение руководства МГБ не принимать на офицерские должности в органы госбезопасности лиц

еврейской национальности. Михаил Рюмин, ставший заместителем министра госбезопасности по следственной работе в результате разоблачения им так называемого «сионистского заговора в МГБ», состряпал очередное дело, на сей раз — «врачей-вредителей», которые якобы хотели убить Сталина.

В 1951 году, когда Эйтингон находился в командировке в Литве, была арестована его родная сестра, работавшая врачом. Ее приговорили к 10 годам тюремного заключения «за отказ лечить русских пациентов и содействие сионистскому заговору».

В сентябре 1951 года, возвратившись из очередной командировки в Литву, оказался за решеткой и сам Наум Эйтингон. Ему было предъявлено обвинение в том, что он обучал врачей-заговорщиков ведению террористических действий против Сталина и членов советского правительства. Санкцию на его арест дал сам Сталин.

Полтора года Наум Эйтингон провел в тюрьме. Виновным себя не признал. Из тюрьмы он вышел только после смерти Сталина в марте 1953 года. По распоряжению Берии Эйтингон был восстановлен в органах госбезопасности и в партии, ему возвратили все правительственные награды, он снова стал заместителем П. А. Судоплатова, возглавлявшего 9-й (разведывательно-диверсионный) отдел МВД СССР.

В июне 1953 года Лаврентий Берия был арестован. Вслед за ним по «делу Берии» были арестованы Павел Судоплатов и Наум Эйтингон, а также ряд других ответственных сотрудников МВД СССР.

Эйтингон вновь оказался за решеткой. Четыре года он провел в Бутырской тюрьме без суда. В марте 1957 года Эйтингон был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР к 12 годам лишения свободы. На заседании суда в последнем слове он сказал:

«Вы судите меня как человека Берии. Но я — не его человек. Если я чей-то, то считайте меня человеком Дзержинского. Но если быть более точным, то я — человек партии. Я выполнял ее задания и государственные. И с вами о них я говорить не буду. Я считаю, что моя жизнь не дороже государственных тайн, которыми я обладаю. А по вашим лицам я вижу, что вы уже все решили. Поэтому — молчу».

Свой срок Наум Эйтингон отбывал во Владимирской тюрьме, как говорится, «от звонка до звонка». На свободу вышел только 20 марта 1964 года. Эйтингону разрешили проживать в Москве вместе с семьей. Поскольку он свободно владел четырьмя иностранными языками, то работал переводчиком, а затем — старшим редактором в издательстве «Международные отношения».

В середине 1970-х годов Эйтингон написал письмо председателю КГБ Ю.В. Андропову с просьбой о реабилитации. Но тогда его просьба не была удовлетворена, поскольку этому воспротивился «главный идеолог партии» Михаил Суслов. Во время пребывания Эйтингона в Литве между ним и Сусловым произошло столкновение, которое старый партийный догматик не забыл.

Наум Исаакович Эйтингон скончался 3 мая 1981 года, так и не дождавшись реабилитации. О его смерти ничего не сообщалось в средствах массовой информации, никаких официальных некрологов в газетах не было. Во время похорон на Донском кладбище в Москве видный советский чекист Герой Советского Союза полковник Евгений Иванович Мирковский сказал: «Сегодня у этой могилы как бы завершается рыцарская эпоха в истории нашей ЧК...»

Посмертная реабилитация разведчика состоялась только в апреле 1992 года. А 9 мая детям Наума Исааковича Эйтингона были возвращены его награды — два ордена Ленина, два ордена Красного Знамени, ордена Суворова 2-й степени и Отечественной войны 1-й степени, два ордена Красной Звезды, а также медали.

* * *

Что же касается МИ-6, против агентуры которой в Литве успешно боролся Наум Эйтингон, то сегодня ее сотрудники гордятся разработанной и осуществленной ими операцией «Лиотэ», которая, по их мнению, в конечном итоге вызвала раскол в советском обществе на националистической основе и привела к развалу Советского Союза. Правда, вины Эйтингона в этом нет...

Глава 9. Легенда Лубянки и трижды ее узник

30 марта 1956 года в Бутырской тюрьме на допросе у следователя Военной прокуратуры СССР генерал-майора юридической службы Цареградского от сердечного приступа скончался один из организаторов советской внешней разведки Яков Исаакович Серебрянский, трижды становившийся за время своей чекистской деятельности узником Лубянки. Не выдержало сердце даже выдавшего виды разведчика-нелегала, имя которого в 1920-е — 1930-е годы было покрыто легендами в чекистской среде.

И сегодня фамилию Серебрянский можно увидеть среди фамилий лучших сотрудников внешней разведки за всю ее историю, занесенных на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

Активный и талантливый разведчик Яков Исаакович Серебрянский прожил полную тревог и опасностей героическую и в то же время трагическую жизнь.

9 декабря 1892 года в Минске в семье подмастерья у часовых дел мастера Исаака Серебрянского родился сын, которому родители дали имя Яков. Он рос, как и все выходцы из еврейской бедноты, не зная особого достатка. Мальчику было шесть лет, когда его отцу удалось получить место приказчика на сахарном заводе. Материальное положение семьи несколько улучшилось, что позволило Якову поступить в минское городское училище. В 1908 году он успешно закончил обучение.

Неспокойный характер юноши привел его в 1907 году, еще будучи учащимся городского училища, в члены ученического кружка эсеров-максималистов. Именно максималисты организовывали покушения на царских министров, губернаторов, генералов, высших чинов полиции и других представителей власти.

В мае 1909 года Яков, которому едва исполнилось 17 лет, был арестован полицией за «хранение литературы преступного содержания» и по подозрению соучастия в убийстве начальника Минской тюрьмы. В заключении он провел один год, после чего был административно выслан в Витебск. С апреля 1910 года работал электромонтером на Витебской электростанции.

В августе 1912 года Яков был призван в армию. Служил рядовым 122-

го Тамбовского полка в Харькове. После начала Первой мировой войны с июля 1914 года воевал на Западном фронте рядовым 105-го Оренбургского полка. Однако служба в действующей армии для молодого человека длилась недолго. Уже в августе, во время Самсоновского прорыва в Восточной Пруссии, Серебрянский был тяжело ранен. Почти полгода он находился на излечении в госпитале, а затем был демобилизован из армии. С февраля 1915 года работал электромонтером на газовом заводе в Баку.

После Февральской революции 1917 года Серебрянский становится активистом эсеровской организации, членом Бакинского совета. От партии социалистов-революционеров он избирается делегатом Первого съезда Советов Северного Кавказа. С марта 1917 года — сотрудник Бакинского продовольственного комитета. После освобождения Баку от мусаватистов Серебрянский служил в Красной Армии — начальником отряда Бакинского Совета по охране продовольственных грузов на Владикавказской железной дороге.

В 1918 году на квартире у своего друга и коллеги по Бакинскому Совету и эсеровской партии Марка Беленького Серебрянский познакомился с его 18-летней сестрой Полиной. Впоследствии она стала женой Якова и поделила с ним все трудности непростой жизни разведчика-нелегала.

Вскоре Бакинская коммуна пала, город заняли английские интервенты. Серебрянский переселился в персидский город Решт, куда ранее, спасаясь от бедствий Гражданской войны, перебралась с родителями Полина. В мае 1920 года в Персию вошли части Красной Армии, преследовавшие отряды белогвардейцев и англичан. 6 июня Решт был провозглашен столицей Гилянской Советской Республики. Именно в это время судьба свела Серебрянского с видным чекистом того времени Яковом Блюмкиным, который в июле 1918 года по заданию ЦК левых эсеров убил германского посла графа Мирбаха. В Гиляни Блюмкин служил комиссаром штаба Персидской Красной Армии. Он посодействовал принятию Серебрянского на службу в созданный в ней Особый отдел. Так началась работа Якова Серебрянского в ВЧК. После поражения Гилянской республики Серебрянский переехал в Москву, где продолжил службу в центральном аппарате ВЧК в качестве оперативного работника. В сентябре 1920 он становится секретарем Административно-организационного отдела. Здесь он познакомился с руководителем отдела Вячеславом Менжинским и начальником Особого отдела Артуром Артузовым. Впрочем, служба Серебрянского в центральном аппарате ВЧК длилась недолго. Уже в августе 1921 года он увольняется из ВЧК по демобилизации и поступает на учебу в Электротехнический институт.

Работая в ВЧК, Серебрянский продолжал поддерживать связь со своими бывшими друзьями-эсерами, что сыграло с ним злую шутку. Уже учась в институте, он был арестован своими же бывшими коллегами-чекистами. 2 декабря 1921 года Серебрянский зашел в гости к своему старому товарищу правому эсеру Давиду Абезгаузу и угодил в устроенную там засаду. Четыре месяца провел Яков в тюрьме. Следствие изучало вопрос о его возможной принадлежности к правым эсерам, находившимся в то время под фактическим запретом. 29 марта 1922 года Президиум ГПУ, рассмотрев его дело, вынес постановление: из-под стражи освободить, но «взять на учет и лишить права работать в политических, розыскных и судебных органах, а также в Наркомате иностранных дел».

Серебрянский устроился на работу заведующим канцелярией нефтетранспортного отдела треста «Москвотоп», однако в начале 1923 года был арестован по подозрению во взяточничестве. Следствие не подтвердило предъявленных ему обвинений, и Серебрянский был взят на поруки и освобожден. В октябре того же года Яков перешел на работу в редакцию газеты «Известия», где сделал окончательный политический выбор и стал кандидатом в члены ВКП(б).

И вновь в судьбу Серебрянского вмешался Блюмкин. В то время он собирался по линии внешней разведки на нелегальную работу в Палестину в качестве резидента и подыскивал себе заместителя.

Блюмкин предложил Якову, свободно владевшему английским, французским и немецким языками, ехать вместе с ним. Серебрянский дал свое согласие. Ранее принятое постановление Президиума ГПУ в отношении бывшего чекиста было отменено, и он был зачислен особоуполномоченным закордонной части Иностранного отдела. В декабре 1923 года разведчики Блюмкин и Серебрянский выехали в Яффу (ныне Тель-Авив). Накануне отъезда их принял В. Менжинский, который поставил задачу по сбору информации о планах Англии и Франции на Ближнем Востоке. Напутствуя разведчиков, он обратил их внимание на необходимость активизации вербовочной работы.

В июне 1924 года Блюмкин был отозван в Москву, и его на посту резидента сменил Серебрянский.

Историк отечественных спецслужб Олег Капчинский так описывает этот период деятельности разведчика:

«Теперь руководство разведки поставило перед Серебрянским еще более сложную задачу — создание глубоко законспирированной агентурной сети в регионе и в первую очередь в боевом сионистском движении, с чем он отлично справился. Кроме того, в течение года ему

удалось привлечь к сотрудничеству большую группу эмигрантов как из числа сионистских поселенцев, так и из русских, в основном — бывших белогвардейцев, осевших в Палестине. Завербованные Серебрянским люди впоследствии составили ядро руководимой им специальной группы.

В 1924 году к Серебрянскому присоединилась жена Полина, направленная в Яффу помогать супругу по личному указанию начальника Иностранного отдела Трилиссера».

Другой историк российской разведки, Эдуард Шарапов, по этому поводу писал:

«В 1924 году, когда Серебрянский уже почти год был за границей, Трилиссер, бывший в то время начальником ИНО ОГПУ, вызвал к себе его жену — Серебрянскую Полину Натановну.

— Вам нужно ехать к мужу, — сказал Трилиссер. — Ему трудно. Вам надо быть рядом.

— Не поеду, боюсь.

Несколько затянувшаяся беседа Серебрянской и Трилиссера закончилась очень просто. Трилиссер после уговоров и объяснений положил свою ладонь на руку Серебрянской и мягко, но твердо сказал: «Ну вот что, Полина Натановна... Или вы поедете за границу к мужу или вам придется положить на стол партийный билет».

Для нее, члена партии с 1921 года, работницы Краснопресненского райкома партии, это было просто невыносимо, и она поехала. И была с мужем в Палестине, во Франции, в Германии, США и Бельгии, везде помогая мужу в трудной и необходимой для страны работе».

В 1925 году Серебрянского отозвали из Палестины и направили на нелегальную работу в Бельгию. В Москву он возвратился в феврале 1927 года и был принят в члены ВКП(б). В том же году его направили нелегальным резидентом в Париж, где он проработал до марта 1929 года. Материалы о деятельности Серебрянского в Бельгии и во Франции до сих пор носят гриф секретности. Свидетельством его успешной оперативной деятельности может являться лишь тот факт, что по окончании заграникомандировки разведчик был отмечен высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Почетный чекист» и серьезным повышением по службе, а ранее — в 1927 и 1928 годах — дважды личным боевым оружием.

Возвратившись в Москву, Серебрянский возглавил 1-е отделение ИНО ОГПУ (нелегальная разведка) и одновременно стал руководителем Особой группы при председателе ОГПУ, которая в чекистском обиходе неофициально именовалась «группой Яши». Это было не зависимое от

руководства ИНО разведывательное подразделение, задачей которого являлось глубокое внедрение агентуры на объекты военно-стратегического значения в США, Западной Европе и Японии, а также подготовка и проведение диверсионных операций в тылу противника на случай войны. Одновременно одной из основных задач нелегального аппарата группы Серебрянского была организация специальных мероприятий за рубежом в отношении наиболее злобных врагов СССР, предателей и изменников Родины.

Особая группа действовала за границей только с нелегальных позиций. Ее сотрудники не использовали в качестве прикрытия официальные советские дипломатические или торговые представительства. Она подчинялась непосредственно председателю ОГПУ Менжинскому, по инициативе которого и была создана.

Летом 1929 года руководство ОГПУ вышло в ЦК с предложением о похищении и вывозе в Советский Союз председателя Русского общевойскового союза (РОВС) генерала Кутепова, активизировавшего диверсионно-террористическую деятельность организации на территории СССР. Это предложение было утверждено Сталиным.

1 марта 1930 года Яков Серебрянский и один из руководителей внешней разведки Сергей Пузицкий выехали нелегально в Париж для руководства этой операцией.

Следует подчеркнуть, что до середины 1960-х годов причастность советских органов государственной безопасности к похищению генерала Кутепова не афишировалась и даже категорически отрицалась. Лишь в 1965 году газета «Красная звезда» — официальный орган Министерства обороны — рассказала об этой операции. А подробности ее проведения были опубликованы в 1997 году в 3-м томе «Очерков истории российской внешней разведки».

Похищение генерала Кутепова

25 апреля 1928 года в Париже скончался председатель Русского общевойскового союза генерал Петр Николаевич Врангель. Его преемником на посту председателя РОВС стал генерал-лейтенант Александр Павлович Кутепов.

Кутепов родился 16 сентября 1882 года в Череповце в семье лесничего. После окончания полного курса классической гимназии в Архангельске он поступил в Петербургское юнкерское училище, которое окончил в 1904 году в чине фельдфебеля.

С началом Русско-японской войны Кутепов подал рапорт о направлении в действующую армию, где служил в полковой разведке. За

отличия в боях был награжден орденом Святого Владимира с мечами и бантом.

После войны поручик Кутепов являлся командиром учебной роты в Лейб-гвардии Преображенском полку. В годы Первой мировой войны командовал ротой и батальоном преображенцев, был трижды ранен, награжден орденом Святого Георгия. В 1916 году за бои на реке Стоход получил Георгиевское оружие и звание полковника.

После Февральской революции Кутепов стал командиром Преображенского полка, а когда фронт развалился и солдаты разбежались по домам, уехал на Дон и вступил в Добровольческую армию генерала Корнилова. Командовал ротой 1-го офицерского полка, а затем — Корниловским полком. В январе 1919 года — командир 1-го армейского корпуса. За победу над частями Красной Армии под Харьковом был произведен в генерал-лейтенанты.

Оказавшись в эмиграции, Кутепов продолжил вооруженную борьбу против большевиков. В начале 1924 года он возглавил боевую организацию РОВС, засылавшую террористов и диверсантов на территорию Советского Союза. В мае 1927 года боевики Кутепова попытались взорвать дом в Москве, в котором проживали сотрудники ОГПУ, в июне 1927 года был организован взрыв Дома политпросвещения в Ленинграде, в июле 1928 года была брошена бомба в бюро пропусков ОГПУ в Москве.

С целью снижения диверсионной активности РОВС руководство ИНО ОГПУ приняло решение организовать с ним оперативные игры от имени легендированной организации. Одна из таких — «Северо-Кавказская военная организация» (СКВО) была успешно подставлена представителям РОВС в Румынии генералам Штейфону и Геруа. Данное оперативное мероприятие позволило вскрыть каналы переброски в Советскую Россию боевиков, выявить их связи с подпольными организациями на Северном Кавказе, Кубани и в Донской области. Чекистам также удалось вывести за границу и внедрить свою агентуру в филиалы РОВС в Румынии, Югославии и Болгарии.

Одновременно проводилась оперативная игра непосредственно со штаб-квартирой РОВС от имени так называемой «Внутренней русской национальной организации» (ВРНО), созданной ОГПУ с привлечением в нее бывших царских офицеров.

На первом этапе ВРНО наладила контакты с редактором журнала «Борьба за Россию» С.П. Мельгуновым, который поддерживал тесные связи с начальником канцелярии генерала Кутепова князем Сергеем Трубецким.

Затем в Париж был направлен в качестве представителя ВРНО агент ОГПУ, бывший полковник царской армии А.Н. Попов. Он встретился с Мельгуновым, проинформировал его о положении в России, целях и задачах ВРНО и попросил организовать встречу с председателем РОВС генералом Кутеповым. Кутепов согласился встретиться с Поповым.

Такая встреча состоялась в начале января 1930 года в Берлине, куда из Москвы прибыли представители ВРНО полковник Попов и полковник де Роберти, бывший в 1918 году начальником штаба Кутепова в Новороссийске. В ходе беседы они поставили вопрос о направлении в СССР нескольких групп надежных офицеров РОВС для подготовки восстаний весной 1930 года. Однако во время обеда в ресторане де Роберти, оставшись ненадолго наедине с генералом, сообщил ему, что Попов и он действуют по заданию ОГПУ, что никакой подпольной организации ВРНО не существует и что на Кутепова готовится покушение.

Кутепов хладнокровно воспринял информацию де Роберти и во время дальнейшей беседы с Поповым ничем себя не выдал. Позже ОГПУ стало известно о предательстве де Роберти. Он был арестован и после непродолжительного следствия в мае 1930 года расстрелян.

Похищение генерала Кутепова было осуществлено в воскресенье 26 января 1930 года около 11 часов дня на углу улиц Удино и Русселе в 7-м квартале Парижа. Парижской резидентуре ОГПУ было известно, что в этот день в 11 часов 30 минут Кутепов должен был присутствовать на панихиде по умершему генералу Каульбарсу в Галлиполийской церкви на улице Мадемуазель, что в 20 минутах ходьбы от его дома. Однако до храма генерал не дошел.

Накануне, 25 января, одним из сотрудников опергруппы Серебрянского была передана записка генералу Кутепову, в которой ему назначалась кратковременная встреча на пути к церкви. При этом разведчики учитывали, что генерал на встречи, связанные с агентурой и боевой деятельностью РОВС, всегда ходил один. Прождав некоторое время автора записки на трамвайной остановке на улице Севр, Кутепов продолжил свой путь. Сотрудники группы Серебрянского, а также агенты парижской резидентуры ОГПУ, выдававшие себя за французских полицейских, задержали генерала под предлогом проверки документов и предложили проехать в полицейский участок для выяснения личности. Кутепов дал усадить себя в автомобиль, но, услышав русскую речь, попытался оказать сопротивление. Его усыпили хлороформом. Однако больное сердце генерала не выдержало последствий наркоза, и он умер от сердечного приступа.

Предпринятые французской полицией и лично начальником контрразведки РОВС полковником Зайцевым меры по розыску Кутепова положительных результатов не дали. Находившийся в то время в Париже генерал Штейфон, посетивший в день пропажи генерала Кутепова его семью, писал 27 января генералу Геруа в Бухарест:

«Вчера неожиданно при невыясненных обстоятельствах исчез А.П. Кутепов. Он вышел утром в церковь, никуда не предполагая заходить, никому не назначал свидания и условился с женой, что после обеда в час дня они всей семьей отправятся в город».

Спустя несколько дней обнаружился свидетель похищения генерала Кутепова. Это был дворник из клиники, расположенной на улице Удино, по имени Огюст Стеймец. Дворник заявил, что утром 26 января около 11 часов он увидел в окно клиники большой серозеленый автомобиль, возле которого стояли двое рослых мужчин в желтых пальто, а неподалеку от них — такси красного цвета. Тут же на углу находился полицейский. Когда Кутепов, приметы которого Стеймец описал точно, поравнялся с серозеленым автомобилем, люди в желтых пальто схватили его и втолкнули в автомашину. В нее же сел и полицейский, который спокойно наблюдал за происходящим. Автомобиль на большой скорости уехал в сторону бульвара Инвалидов. Вслед за ним отправилось и красное такси.

Больше генерала Кутепова никто не видел.

* * *

Возвратившийся в Москву Яков Серебрянский 30 марта 1930 года за удачно проведенную операцию был награжден орденом Красного Знамени.

Сразу же после завершения операции по нейтрализации Кутепова Серебрянский приступил к созданию автономной агентурной сети в различных странах мира. Следует отметить, что уже к середине 1930-х годов группа Серебрянского имела за рубежом 16 работоспособных нелегальных резидентур, главным образом в фашистской Германии, Франции, США и на оккупированной японцами территории Северо-Восточного Китая.

Среди его помощников было немало лиц, особо отличившихся при выполнении заданий нашей Родины. К их числу следует отнести «Генри», возглавлявшего одну из нелегальных групп. По плану, разработанному Серебрянским, он сумел изъять архив Троцкого, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Другая нелегальная группа, руководимая «Эрнстом», сумела потопить семь германских судов с оружием, предназначенным для генерала Франко в период гражданской войны в Испании.

Сотрудниками Серебрянского были получены весьма ценные данные о новых самолетах, военных кораблях и другом вооружении фашистской Германии.

13 июня 1934 года, то есть через три дня после создания НКВД СССР, «группа Яши» была напрямую подчинена наркому внутренних дел и преобразована в Специальную группу особого назначения (СГОН). При ней была создана школа разведчиков-нелегалов диверсионного профиля. Многие ее выпускники в годы Великой Отечественной войны стали крупными специалистами по проведению диверсий в тылу противника.

После начала гражданской войны в Испании группа Серебрянского, которому 29 ноября 1935 года было присвоено звание старшего майора госбезопасности, участвовала в нелегальных поставках оружия республиканскому правительству. Так, в сентябре 1936 года сотрудникам спецгруппы при помощи агента «Бернадет» удалось закупить у французской фирмы «Девуатин» 12 новых военных самолетов якобы для некоей нейтральной страны. Самолеты доставили на приграничный с Испанией аэродром, откуда их под предлогом летных испытаний благополучно перегнали в Барселону.

Упоминавшийся выше историк отечественной разведки Эдуард Шарапов в этой связи писал:

«Разразился неслыханный международный скандал. Президента Франции Блюма и военного министра Пернэ обвинили в покровительстве республиканской Испании. А несколько позже, 31 декабря 1936 года, в советской прессе было опубликовано постановление ЦИК Союза ССР «О награждении за особые заслуги в деле борьбы с контрреволюцией тов. Серебрянского Я.И. орденом Ленина».

Одним из объектов разработки группы Серебрянского во второй половине 1930-х годов был сын Троцкого Лев Седов, проходивший в материалах ОГПУ — НКВД под псевдонимом «Сынок».

Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, в 1937 году приступил к работе по организации первого съезда IV Интернационала. А в Москве начали подготовку операции по похищению Седова. Ее проведение было поручено Серебрянскому, находившемуся в то время нелегально во Франции. Позже Серебрянский писал: «В 1937 году я получил задание доставить «Сынка» в Москву... Задание было о бесследном исчезновении «Сынка» без шума и доставки его живым в

Москву...». В свою очередь, в «Очерках истории российской внешней разведки» относительно этой операции сообщается следующее:

«План похищения Седова был детально разработан и предусматривал его захват на одной из парижских улиц. Предварительно путем наблюдения были установлены время и обычные маршруты передвижения Седова в городе. На месте проводились репетиции захвата.

Предусматривалось два варианта его доставки в Москву. Первый — морем. В середине 1937 года было приобретено небольшое рыболовецкое судно, приписанное к одному из северных портов Франции. На окраине города-порта сняли домик — место временного укрытия, куда поселили супружескую пару сотрудников «группы Яши».

Подобрали экипаж. Только до капитана довели легенду, что, возможно, придется совершить переход в Ленинград с группой товарищей и взять там снаряжение для республиканской Испании.

Капитан изучил маршрут, имел достаточный запас угля, воды, продовольствия. В ожидании команды экипаж судна совершал регулярные выходы в море за рыбой.

Второй вариант — по воздуху. Группа располагала собственным самолетом с базой на одном из аэродромов под Парижем.

Летчик — надежный агент. В авиационных кругах распространили легенду: готовится спортивный перелет по маршруту Париж — Токио. Пилот начал тренировки, доведя беспосадочное время пребывания в воздухе до 12 часов. Расчеты специалистов показывали, что в зависимости от направления и силы ветра самолет мог бы без посадки долететь из Парижа до Киева за 7–8 часов.

В подготовке оперативного мероприятия участвовали 7 сотрудников нелегальной резидентуры Серебрянского. Какая-либо связь с «легальной» парижской резидентурой НКВД отсутствовала. Активная роль в операции отводилась самому Серебрянскому и его жене.

Однако судьба распорядилась по-иному. Похищение Седова так и не состоялось — в феврале 1938 года он умер после операции по удалению аппендицита».

А на родине разведчика всюду раскручивался маховик репрессий, которые вскоре коснулись и его самого. Летом 1938 года исчез прибывший по делам во Францию резидент НКВД в Испании А. Орлов. Неожиданно вызванный в Москву, он посчитал, что там его ждет арест, и вместе с семьей бежал в США. Бегство Орлова бросило подозрение на руководящие кадры разведки, в том числе и на Серебрянского. Осенью 1938 года он был отозван из Парижа и 10 ноября вместе с женой арестован в Москве прямо у

трапа самолета. Ордер на их арест подписал начальник ГУГБ НКВД Л. Берия. До 13 февраля 1939 года Серебрянский содержался под стражей во внутренней тюрьме на Лубянке без санкции прокурора.

21 февраля был уволен из НКВД в связи с арестом.

Историк советской разведки В. Прокофьев в своей книге «Внешняя разведка: боевое содружество» обращает внимание на следующий факт в период нахождения Серебрянского под следствием:

«Характерно, что во время следствия в 1939 году, находясь в жутких условиях, Серебрянский писал «Наставление для резидента по диверсии».

В этом «Наставлении» Серебрянский рассматривал нелегальную работу как важный участок обороны страны за счет уничтожения 209 важных военных объектов противника в случае его нападения на Советский Союз. Считая этот участок работы очень ответственным, он указывал: «Только тот имеет право посылать товарищей на опасную для их жизни работу, кто сам готов подвергнуть себя этой опасности. Ты должен быть счастлив, что партия тебе доверяет такой ответственный участок работы». Это было написано 15 октября 1939 года.

В ходе следствия, которое вел будущий министр госбезопасности Виктор Абакумов, а на более поздней стадии — заместитель начальника следственной части НКВД Соломон Мильштейн, разведчика подвергали «интенсивным методам допроса». Первый допрос Серебрянского состоялся 13 ноября 1938 года. А за день до этого Берия наложил на документ, касающийся разведчика, резолюцию: «Тов. Абакумову! Хорошенько допросить!»

Спустя четыре дня в допросе Серебрянского приняли участие сам Берия, а также его заместитель Кобулов и Абакумов. Разведчик был жестоко избит и принужден оговорить себя. Допросы, сопровождавшиеся пытками и истязаниями, продолжались. В результате 4 октября 1940 года следователем следственной части ГУГБ НКВД лейтенантом госбезопасности Перепелицей было составлено следующее обвинительное заключение:

«УТВЕРЖДАЮ»

Начальник следчасти ГУГБ НКВД СССР капитан государственной безопасности (Эсаулов)

4 октября 1940 года.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ по следственному делу № 21782 по обвинению СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 1а и II УК РСФСР

10 ноября 1938 года органами НКВД СССР был арестован

подозреваемый в шпионской деятельности СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович.

Проведенным по делу следствием установлено, что СЕРЕБРЯНСКИЙ, в прошлом активный эсер, дважды арестовывался органами ОГПУ и при содействии разоблаченных врагов народа проник в органы советской разведки.

В 1924 году, будучи в Палестине, был завербован эмигрантом ПОКРОВСКИМ для шпионской деятельности в пользу Англии.

В 1927 году СЕРЕБРЯНСКИЙ по заданию английской разведки перебросил из Палестины в СССР группу шпионов-террористов в лице ТУРЫЖНИКОВА, ВОЛКОВА, АНАНЬЕВА, ЗАХАРОВА и ЭСКЕ, которых впоследствии в лаборатории спецгруппы ГУГБ подготовлял к диверсионной и террористической деятельности на территории СССР. Через ТУРЫЖНИКОВА СЕРЕБРЯНСКИЙ передал английской разведке шпионские сведения о политическом и экономическом положении Советского Союза.

В 1933 году СЕРЕБРЯНСКИЙ был завербован разоблаченным врагом народа ЯГОДОЙ в антисоветскую заговорщическую организацию, существовавшую в органах НКВД.

По заданию ЯГОДЫ СЕРЕБРЯНСКИЙ установил шпионскую связь с французской разведкой, которую информировал о деятельности советской разведки за кордоном, добывал сильнодействующие яды для совершения террористического акта над руководителями партии и Советского правительства.

В предъявленном обвинении виновным себя признал.

Изобличается показаниями ВОЛКОВА, СЫРКИНА, АЛЕХИНА, УСПЕНСКОГО, БУЛАНОВА, ТУРЫЖНИКОВА (осуждены), ПЕРЕВОЗНИКОВА, СЕРЕБРЯНСКОЙ (арестованы) и очной ставкой с ТУРЫЖНИКОВЫМ.

На основании изложенного обвиняется СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович, 1892 года рождения, уроженец гор. Минска, еврей, гр-н СССР, бывший эсер, член ВКП(б) с 1927 года (исключен в связи с арестом), до ареста — начальник специальной группы ГУГБ НКВД СССР в том, что:

- 1) с 1924 года являлся агентом английской разведки,
- 2) с 1933 года по день ареста являлся активным участником антисоветского заговора в НКВД и проводил шпионскую работу в пользу Франции, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. 58 п. 1а и II УК РСФСР.

Считая следствие по настоящему делу законченным, а добытые

данные — достаточными для предания суду, руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело № 21782 по обвинению СЕРЕБРЯНСКОГО Якова Исааковича направить в Прокуратуру Союза ССР для передачи по подсудности.

Следователь следчасти ГУГБ НКВД лейтенант госбезопасности (Перепелица).

Пом. нач. следчасти ГУГБ НКВД капитан госбезопасности (Никитин)».

Практически такое же обвинительное заключение было предъявлено и жене Серебрянского Полине Натановне.

7 июля 1941 года, когда на просторах Советского Союза уже вовсю полыхала война, Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Серебрянского к расстрелу с конфискацией имущества, а его жену — к 10 годам лагерей за недоносительство о враждебной деятельности мужа.

На суде Серебрянский свою вину не признал, заявив, что на предварительном следствии он оговорил себя в результате физического воздействия со стороны следователей. Однако суд проигнорировал заявление разведчика.

После ареста Серебрянского его специальная группа прекратила свое существование. Однако Великая Отечественная война, принявшая неожиданно для Сталина трагический оборот, потребовала концентрации всех сил на отпор врагу. В этих условиях органам государственной безопасности приходилось перестраиваться на военный лад, а не заниматься ведомственными разборками и поисками внутренних врагов. Враг был налицо, невиданно жестокий и могучий. В рамках НКВД было создано 4-е управление, в задачу которого входила организация зафронтной разведки и развертывание диверсионной борьбы в тылу врага. Но из-за имевших место перед войной репрессий этому управлению явно не хватало профессионалов, подобных Серебрянскому. Начальник 4-го управления генерал Судоплатов обратился к Берии с просьбой освободить из заключения ожидавшего расстрела Серебрянского и еще ряд чекистов. Вот как он позже вспоминал об этом в своих мемуарах:

«В начале войны мы испытывали острую нехватку в квалифицированных кадрах. Я и Эйтингон предложили, чтобы из тюрем были освобождены бывшие сотрудники разведки и госбезопасности. Циничность Берии и простота в решении людских судеб ясно проявились в его реакции на наше предложение. Берию совершенно не интересовало, виноваты или не виноваты те, кого мы рекомендовали для работы. Он задал

единственный вопрос:

— Вы уверены, что они нам нужны?

— Совершенно уверен, — ответил я.

— Тогда свяжитесь с Кобуловым, пусть освободит. И немедленно их используйте.

Я получил для просмотра дела запрошенных мною людей. Из них следовало, что все были арестованы по инициативе и прямому приказу высшего руководства — Сталина и Молотова. К несчастью, Шпигельглас, Карин, Малли и другие разведчики к этому времени были уже расстреляны».

Для лучшего понимания имевших место в то время событий хотелось бы здесь остановиться на интересном эпизоде, о котором рассказывает в одном из своих произведений известный российский писатель, ветеран советской внешней разведки и один из бывших сотрудников Особой группы НКВД СССР, считающий Серебрянского своим учителем, и отмеченный в 1995 году за свои подвиги во время Великой Отечественной войны высоким званием Героя России, Юрий Антонович Колесников:

«Июль 1941 года был на исходе. Шла пятая неделя войны. На чашу весов легла судьба Отечества.

Заседание Государственного Комитета Обороны давно закончилось. Последний задержавшийся в кабинете генсека ВКП(б) нарком внутренних дел Берия, выдержав паузу после затянувшегося разговора со Сталиным, тоже собирался уходить.

Берия уже стоял с папкой в руке, когда Сталин вышел из-за стола и в некоторой задумчивости, не торопясь, направился к двери. Однако, сделав несколько шагов, он остановился, медленно повернул голову в сторону шедшего рядом Берии и, как бы между прочим, спросил:

— Где тот эсер, который напавал уложил начальника жандармского управления Могилева?

Память наркома мгновенно подсказала исполнителя акции, но полной уверенности не было в том, что именно его имеет в виду генсек. Ошибиться очень не хотелось.

Сталин искоса скользнул взглядом по озабоченному лицу Берии и, недовольный недогадливостью соратника, нехотя пояснил:

— В Париже он возился с бандой Кутепова... Потом неплохо помогал немецким фашистам вывозить сырье из Норвегии...

— Серебрянский? — поспешно выпалил Берия, довольный, что память не подвела, но продолжать, на всякий случай, не стал.

Он хорошо знал своего хозяина. И в данный момент не обманулся:

Сталин спрашивал о том, что самому было хорошо известно. В то же время с иронией ли говорит, что Серебрянский «помогал фашистам», или нет? Определить сразу было непросто. Немецкие суда, загруженные в Норвегии никелем или цинковой рудой, редко достигали порта назначения. Что было тому причиной, он тоже знает.

Сталин спросил:

— Чем он занимается?

У Берии перехватило дыхание, но тут же сообразив, несколько сдавленным голосом ответил:

— В камере смертников дожидается приведения приговора...

— Что за чушь! Есть там у вас голова на плечах?..

Берия невольно подумал — «пока она есть» и объяснил о данном распоряжении воздержаться с исполнением приговора суда.

Оборвав его, Сталин неожиданно участливо спросил:

— Как он себя чувствует?

— Ничего, здоров.

— Это хорошо...

Явно удовлетворенный ответом, Сталин решительно шагнул к выходу. Стало ясно — именно это, последнее, интересовало его.

Прибыв в Наркомат, Берия срочно вызвал к себе с «делом» Серебрянского начальника Первого специального отдела НКВД майора госбезопасности Леонида Фокеевича Баштакова.

Учитывая развитие событий на фронте, Баштаков быстро связал вызов к наркому с его интересом к бывшей сфере деятельности Серебрянского, с которой он был достаточно знаком.

Баштаков прекрасно понимал также, что не окажется страна в столь тяжелом положении, вряд ли кто-либо поинтересовался бы участью верой и правдой послужившего режиму разведчика-чекиста, как и освобождаемых в последнее время из тюрем и лагерей военачальников. Выручили военные события. Правда, далеко не всех.

...Берия перестал листать «дело» и, вскинув голову, устремил пронзительный взгляд на начспецотдела.

— Хорошо... С него уже сняты все обвинения.

— С Серебрянского? — удивился Баштаков.

— А о ком, по-вашему, говорим? — хмуро отреагировал Берия. — В течение ближайшего часа будет поднят наверх. Направим бумагу на его восстановление во всех правах. Также и в отношении жены».

Решением Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года Яков Серебрянский и его жена Полина были амнистированы. Они вышли из тюрьмы и были восстановлены в партии.

22 августа им были возвращены все награды. После двухмесячного отдыха и лечения Серебрянский был назначен начальником группы в 4-м управлении НКВД. В годы Великой Отечественной войны он занимался подготовкой и заброской в тыл врага оперативных групп для выполнения разведывательно-диверсионных задач. За конкретные результаты в работе Серебрянский был повторно награжден орденами Ленина и Красного Знамени, а также медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

В 1946 году министром госбезопасности СССР был назначен Виктор Абакумов, который в предвоенные годы вел дело Якова Серебрянского и лично участвовал в его допросах. Разведчику ничего не оставалось, как выйти в отставку «по состоянию здоровья». Это было неприятно, но все-таки лучше, чем снова попасть в лапы Абакумова. Однако боевой и профессиональный опыт Серебрянского вновь понадобился органам госбезопасности, и в мае 1953 года по ходатайству Судоплатова он восстанавливается на работе в 9-м отделе МВД СССР в качестве оперативного работника 1-й категории.

И вновь судьба оказалась неблагоприятной к Серебрянскому. В июле 1953 года был арестован Берия. А 8 октября решением генерального прокурора СССР арестовывается Серебрянский «за тяжкие преступления против КПСС и Советского государства».

В процессе следствия найти доказательства его причастности к «заговору Берии» не удалось. Однако и выпускать Серебрянского на волю власти не стремились. Тогда было реанимировано фальшивое дело 1938 года. 27 декабря 1954 года было отменено постановление Президиума Верховного Совета СССР от 9 августа 1941 года об амнистии, несмотря на то, что уже начинался процесс реабилитации жертв необоснованных репрессий. Интенсивные допросы разведчика продолжались. Следователи, правда, мер физического воздействия к арестованному не применяли, однако на него постоянно оказывалось психологическое давление с целью получения признательных показаний. Такого поворота событий Яков Серебрянский не ожидал. 30 марта 1956 года на очередном допросе у следователя Военной прокуратуры СССР генерал-майора юридической службы Царегородского сердце Серебрянского не выдержало, и

выдающийся разведчик-нелегал скончался на 64-м году жизни.

В 1971 году, в связи с подготовкой первого учебника по истории советской внешней разведки, председатель КГБ Ю.В. Андропов узнал о героической и вместе с тем трагической судьбе Якова Исааковича Серебрянского и распорядился провести дополнительное расследование. Его указание было выполнено.

13 мая 1971 года решением Военной коллегии Верховного Суда СССР приговор в отношении Якова Серебрянского от 7 июля 1941 года был отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления. Через неделю было прекращено и дело 1953 года в связи с недоказанностью обвинений в его адрес. Разведчик был полностью реабилитирован. Но только спустя четверть века, 22 апреля 1996 года, Указом Президента России Яков Серебрянский был посмертно восстановлен в правах на изъятые у него при аресте награды. Их возвратили сыну разведчика Анатолию Серебрянскому.

Глава 10. Федор и «Марта»

Разразившийся в 1929–1932 годах мировой экономический кризис показал непрочность существующего в мире порядка, поскольку отдельные страны, прежде всего Германия, Италия и Япония, стали искать выход из неблагоприятного экономического и внешнеполитического положения на путях реванша и агрессии. В целом ряде европейских государств — Венгрии, Италии, Болгарии, Испании, Германии, Финляндии и других установились откровенно фашистские и авторитарные режимы. Европа перестала быть островом свободы и демократии в мире и превратилась в очаг напряженности, который в любой момент мог привести к новой мировой войне.

С приходом Гитлера к власти в 1933 году Германия приступила к установлению «нового порядка» в Европе, предполагавшего завоевание «жизненного пространства» на Востоке, пересмотр в свою пользу колониального раздела мира, сложившегося в результате Первой мировой войны. Планы Гитлера выходили далеко за рамки ревизии Версальского мирного договора, лишившего Германию всех ее колоний, урезавшего ее территорию и ограничившего суверенитет, в том числе право иметь значительные вооруженные силы. Гитлер был одержим идеей установления германского мирового господства и обращал свои алчные взоры прежде всего на Восток.

В связи с обострением внутривойсковой обстановки в Германии в начале 1930-х годов руководитель внешней разведки Артур Артузов принял решение об усилении работы в стране с нелегальных позиций. В Берлин был направлен разведчик-нелегал Федор Парпаров, который ранее уже работал в Германии.

Федор Карпович Парпаров родился 23 ноября 1893 года в городе Велиж Витебской губернии. Сдал экстерном экзамены за шесть классов гимназии. С 14-ти лет работал учеником на лесозаготовительной фирме в Риге, затем конторщиком в Народном банке в Петербурге. В августе 1918 года вернулся в родной Велиж. Там в ноябре того же года стал членом РКП (б), работал заведующим отделом горкома партии. В апреле 1919 года вступил добровольцем в Красную Армию. Служил красноармейцем, политинспектором, затем комиссаром штаба дивизии и комиссаром инженерного управления армии.

В 1920 году демобилизовался по болезни. Работал заместителем

начальника административного управления Наркомпроса, затем в тресте «Моссукно». В 1924 году окончил юридический факультет МГУ. В начале 1925 года поступил на работу в Наркомат внешней торговли и уже в феврале того же года, как в совершенстве владевший немецким языком, был направлен в советское торгпредство в Берлин. Там был привлечен к сотрудничеству с внешней разведкой. В 1929 году отозван в Москву с целью подготовки для работы с нелегальных позиций и последующего направления в нелегальную резидентуру в Германию.

В 1930 году Парпаров вместе с женой и сыном возвратился в Берлин, где объявил себя невозвращенцем, заявил о разрыве с советской властью, получил вид на жительство сначала как лицо без гражданства, затем приобрел румынский паспорт. Для легализации своей деятельности открыл в Берлине экспортную контору. Позднее им были открыты филиалы этой фирмы в ряде европейских стран, а также в Северной Африке, Турции, Иране и Афганистане, что создавало надежное прикрытие для разведывательных поездок. После завершения легализации Центр создал под его началом агентурную группу, которая затем была развернута в самостоятельную резидентуру.

В 1931 году Парпаров поместил в берлинской газете следующее объявление: «Молодой предприниматель ищет партнершу для совместного времяпрепровождения и помощи в журналистской работе. Полная конфиденциальность гарантируется».

Через две недели на его имя поступило письмо. В нем незнакомая женщина писала: «Хотела бы познакомиться с вами, если вы обладаете такой скромностью, как заверяете. Я из лучшего берлинского общества, куда и вас охотно введу, когда мы познакомимся. Я замужем, но часто бываю одна, так как слишком честна. Вы должны сами решить, хотите ли познакомиться со мной. Как только вы ответите, вы узнаете, кто я. Конечно, доверие необходимо».

Предложение было многообещающим, и разведчик решил действовать. Он встретился с женщиной в кафе. Завязалась оживленная беседа. Женщина, которая впоследствии получила оперативный псевдоним «Марта», рассказала, что ее муж является ответственным чиновником МИД Германии. Вскоре между молодыми людьми установились приятельские отношения. Из бесед с «Мартой» разведчик узнал, что она страдает от одиночества в связи с постоянными командировками мужа. К тому же время от времени она бывает стеснена в средствах и рассчитывает на дополнительный приработок.

Центр весьма сдержанно отреагировал на контакт Федора с

иностранкой: «В отношениях с «Мартой» проявляйте осторожность, продолжайте ее разработку, но не идите на вербовку до проведения проверочных мероприятий. Не проявляйте интереса к ее мужу и его работе, к имеющимся у него документам. Создайте у «Марты» впечатление, что она интересуется вас как женщина, а также как возможный помощник в вашей журналистской деятельности», — говорилось в оперативном письме.

В беседах с «Мартой» оперработник все чаще затрагивал вопросы политики, касался положения в Германии, Европе и мире. Его собеседница также проявляла интерес к таким разговорам. В суждениях и оценках Федора она находила ответы на многие волновавшие ее вопросы. Его слова разительно отличались от того, что говорили ей муж и его сослуживцы. «Марта» верила, что ее оценки нужны Федору для его журналистской работы. Вскоре оперработнику стало ясно, что немка может стать серьезным источником политической информации и согласится на передачу материалов мужа.

Проведенная проверка «Марты» дала положительные результаты. Сведений о ее сотрудничестве с германскими спецслужбами получено не было. В отчете о проверке «Марты» Парпаров писал в Центр:

«Ей чуть больше тридцати лет; она родилась в одном из городов на Рейне в семье крупного коммерсанта. Окончила консерваторию, а затем с целью усовершенствования посещала музыкальные курсы. Любит музицировать у себя дома. После смерти отца «Марта» с матерью и сестрой проводила летние месяцы на южных курортах Германии. Там она познакомилась со своим будущим мужем — уже немолодым дипломатом, типичным прусским чиновником. Знающие «Марту» люди характеризуют ее как жизнерадостную, общительную особу, любящую повеселиться, но в рамках, дозволенных этикетом. Она знает себе цену и пользуется хорошей репутацией. Она отличается воодушевленностью и жизнелюбием. Про таких женщин немцы обычно говорят: «Легко живущая, но не легкомысленная»».

Несмотря на то что «Марта» была женой высокопоставленного чиновника МИД Германии, Центр не торопился ставить задания разведчику по организации доступа к имеющимся в распоряжении немца мидовским документам. Между тем встречи оперработника с ломкой продолжались, доверие «Марты» к Федору росло. В апреле 1931 года она рассказала, что муж попросил ее во время проведения одной из международных конференций выполнить ответственное поручение германских спецслужб. «Марта» должна была под благовидным предлогом пригласить в заранее снятый отдельный кабинет в ресторане иностранца,

который постоянно носил с собой портфель с секретными документами. Эти документы интересовали МИД Германии. «Марта» справилась с поручением. Немецкие спецслужбы подмешали снотворное в бокал с вином иностранца, он уснул, а его документы были сфотографированы и возвращены на место. Опасаясь разоблачения, иностранец был вынужден поддержать на конференции Германию при голосовании по вопросу о снятии ограничений на вооружение ее армии, предусмотренных Версальским договором.

В одном из оперативных писем в Центр Федор указывал: «Семейная жизнь тяготит «Марту», и поэтому она ищет удовлетворения в какой-либо деятельности. Муж скуп, и недостаточность личных средств несомненна, о чем она часто говорит. Однажды она обратилась с просьбой дать ей денег на покупку пальто. Выдано 150 марок. Достигнутый уровень отношений позволяет уже сейчас ставить вопрос о постепенном втягивании ее в работу в наших интересах. Попросил ее выяснить интересующие нас сведения экономического характера. Она сообщила содержание неофициального доклада по данной проблеме, увиденного у одного из знакомых журналистов».

Вскоре Федор под предлогом оказания ему помощи в журналистской работе попросил «Марту» подготовить обзор на основе материалов ее мужа к сессии Лиги Наций. Соответствующую справку она составила и передала оперработнику. Информация, направленная в Москву, получила положительную оценку Центра. В заключение Центра отмечалось:

«Предварительное ознакомление с первыми полученными от «Марты» материалами свидетельствует о том, что мы имеем дело, по-видимому, с серьезным источником».

Через некоторое время Центр санкционировал вербовку немки под «чужим флагом». Она легко согласилась с предложением Федора подзаработать на продаже документов ее мужа какому-либо иностранному государству. Так в мае 1931 года состоялась вербовка «Марты» на флаг Японии. В отчете в Центр оперработник писал:

«Без сопротивления с ее стороны договорились о том, что она будет изымать документы из досье мужа или переписывать их... Ей передано 400 марок на лечение».

С целью усиления безопасности в работе Федор обсудил с «Мартой» возможность перефотографирования документов мужа, которые тот брал домой для работы. Был куплен фотоаппарат, и Федор научил немку пользоваться им. Для легендирования наличия у нее фотоаппарата «Марта» стала говорить окружающим о своем увлечении фотографированием.

Тем временем к власти в Германии пришли нацисты. Поступавшая от «Марты» информация однозначно свидетельствовала о том, что главной целью агрессии Германии в Европе станет Советский Союз. В этой связи получаемые от нее документальные материалы становились все более важными. Муж «Марты» подчинялся непосредственно министру иностранных дел, присутствовал на совещаниях руководящего состава министерства, а иной раз и на совещаниях у Гитлера.

«Марта» не принимала нацизм, критически относилась к сотрудничеству мужа с гитлеровским режимом, продиктованному карьеристскими соображениями. От немки продолжала поступать ценная информация о внешнеполитических планах Гитлера. По роду службы муж «Марты» участвовал во всех международных конференциях, на которых присутствовала делегация Германии. К удовольствию мужа, «Марта» стала сопровождать его в зарубежные поездки. Она использовала их для получения актуальной информации, которая имела особое значение для Москвы.

Во время одной из таких международных встреч за границей секретные материалы германской делегации были помещены в надежный сейф, доступ к которому был ограничен и который располагался в апартаментах, отведенных для их семьи. «Марта» сумела изготовить дубликат ключа и, пользуясь удобным случаем, извлекала документы и копировала их, переписывая от руки. Она была, как жена Цезаря, вне подозрений.

Предупреждаемый о предстоящей поездке «Марты» с мужем за границу, Федор заблаговременно отбывал туда для подбора мест конспиративных встреч с источником. Прodelав эту работу, он возвращался в Берлин и тщательно отработывал с «Мартой» условия встречи в незнакомом для нее городе.

Политическая атмосфера в Европе ухудшалась, Центр все чаще оценивал информацию «Марты» как «весьма важную и интересную». Было принято решение о переводе работы с ней на «советский флаг», чтобы ставить перед немкой информационные вопросы, непосредственно затрагивающие интересы СССР. К этой беседе Федор подготовился особенно тщательно, однако «Марта» совершенно спокойно реагировала на его признание о работе на советскую разведку.

Через некоторое время муж «Марты» получил назначение на должность посла в одну из европейских стран. Федору предстояло подготовить «Марту» к передаче на связь другому оперработнику. Однако она категорически отказалась встречаться с незнакомым человеком. Связь с

«Мартой» какое-то время осуществлялась в периоды ее приездов в Берлин или выездов в другие европейские столицы. В этой связи встречи стали носить нерегулярный характер, что отрицательно сказалось на оперативных результатах работы с ней.

Напряженность в Европе и, в частности в Германии, возрастала. Европа стояла на пороге Второй мировой войны. Информация о намерениях гитлеровской Германии была необходима советскому руководству, однако добывать ее становилось все труднее. В результате массовых репрессий, развязанных в Москве, советская внешняя разведка была парализована. Был отозван в Москву и Федор. Позже по ложному обвинению в сотрудничестве с гестапо он был арестован и брошен в застенки, где подвергался пыткам и избиениям. Связь с «Мартой» была утрачена.

Для восстановления контакта с немкой в Берлин была направлена опытная разведчица «Вардо» — жена известного разведчика-нелегала Василия Зарубина Елизавета Зарубина. Она привезла с собой письмо от Федора, написанное им во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке. Однако «Марта» заподозрила, что письмо написано не оперработником, так как оно было напечатано на машинке: ежовские костоломы повредили Федору руки, и он не мог писать. «Марта» в ультимативной форме потребовала от «Вардо» немедленно вызвать Федора в Берлин для встречи с ней.

Разумеется, это требование невозможно было выполнить, поэтому «Вардо» сказала «Марте», что Федора собираются направить на работу в такую страну, откуда он в течение нескольких лет не сможет приехать в Берлин. «Марта» ответила, что верит главным образом только Федору и опасается неосторожности со стороны новых людей. Тем не менее «Вардо» сумела убедить немку в безопасности встреч с ней. Сыграло свою роль и то, что разведчица свободно говорила по-немецки. Поток важной информации от источника возобновился.

К сожалению, это продолжалось недолго. «Марта» по-прежнему требовала встречи с Федором и постепенно стала уклоняться от контактов с разведчицей. Устойчивая связь с этим ценнейшим источником информации была налажена лишь после того, как «Марта» получила от Федора собственноручно написанное им письмо. В письме Федор просил ее не беспокоиться, верить «Вардо» и не отказываться от контакта с ней. «Марта» продолжила сотрудничество с советской разведкой, ее информация высоко оценивалась в Москве. В одном из писем, направленных ею в Центр для Федора и сохранившихся в архивах внешней разведки, «Марта» писала: «Я работаю в сложнейших условиях, тружусь,

как автомат. Но если я буду расхолаживаться, я могу утратить активность».

В другом письме она отмечала: «Мужа снова хотят использовать на работе в центральном аппарате МИД, и это даст нам много больше и будет намного важнее, чем его нынешний пост за границей... Я очень довольна, что Молотов побывал в Берлине. Было бы ужасным, если бы между нашими странами возникли конфликты, которые привели бы к войне. Я надеюсь, что хорошие отношения возобновятся».

Однако эти ее надежды не оправдались. Началась война, которая навсегда нарушила связь «Марты» с советской разведкой. Накануне нападения гитлеровской Германии на Советский Союз «Вардо» передала «Марте» условия связи на чрезвычайный период, но ими уже никто и никогда не воспользовался. Долгое время судьба «Марты» была неизвестна. Только после войны резидент внешней разведки в Германии Александр Коротков установил, что во время одной из бомбардировок Берлина британской авиацией ее надломленная психика не выдержала. «Марта» заболела, попала в психиатрическую больницу, откуда уже не вышла.

Что касается Федора, то после отъезда в Москву он в 1937 году выезжал в Голландию, где установил контакт с бывшим разведчиком одной из западных стран, проживавшим в Германии, и привлек его к работе на Советский Союз. От источника поступали весьма важные материалы, которые освещали главным образом вопросы строительства военных судов, аэродромов и посадочных площадок в Германии.

В начале 1938 года в связи с предательством Вальтера Кривицкого Федор вновь был отозван в Москву. 27 мая 1938 года он был арестован и находился под следствием до июня 1939 года. Причиной ареста была его совместная работа с репрессированными сотрудниками ИНО Гордоном и Силли, а также рекомендации, которые ему ранее дали репрессированные к тому времени Дерибас и Смирнов. Лишь в июне 1939 года он был освобожден из заключения по указанию Берии. Как ни странно, этому способствовали письма «Марты» к нему, а также то, что она продолжала по просьбе оперработника сотрудничать с советской разведкой. Обвинения в том, что Федор работал с «Мартой» «под колпаком» гестапо, также отпали как беспочвенные.

В 1940 году Парпаров был восстановлен в НКВД с присвоением звания майора госбезопасности, что соответствовало званию армейского полковника.

В конце 1940 года Ф.К. Парпаров выехал в Эстонию, где восстановил связь с «Эльзой», одним из ранее завербованных им агентов в германском министерстве иностранных дел. «Эльза» сообщила, в частности, о

концентрации германских вооруженных сил на юго-восточном направлении и передала разведчику другие ценные сведения. Особо важное значение имела информация о наращивании Германией своих войск на югославской границе, которые затем были введены в эту страну для подавления народного восстания. Эта операция на три недели отсрочила нападение Германии на Советский Союз. Активная работа с «Эльзой» продолжалась до весны 1941 года. Позднее выяснилось, что «Эльза», подобно «Марте», пострадала во время бомбардировки Берлина английской авиацией, получила тяжелую контузию и скончалась в американской зоне оккупации.

С весны 1941 года Ф. Парпаров с «легальных» позиций выполнял ответственное задание Центра в Прибалтике. Война застала его вместе с семьей в Литве. Эвакуироваться пришлось под непрерывными бомбежками и под огнем немецких танков. С большим трудом разведчик добрался до Москвы. В июне 1941 года он был зачислен в состав Отдельной мотострелковой бригады особого назначения 4-го управления НКВД.

В октябре 1941 года Парпаров был возвращен во внешнюю разведку и направлен нелегальным резидентом в Швейцарию через Иран. Однако в апреле 1943 года у разведчика возникли проблемы со швейцарской визой, и он вынужден был возвратиться в Москву.

Ф.К. Парпарова вновь направили в распоряжение 4-го управления НКВД. Ему пришлось работать с генерал-фельдмаршалом Паулюсом, находившимся после разгрома его армии под Сталинградом, в плену в лагере под Суздалем. Как крупный специалист по Германии, после окончания войны Парпаров участвовал в подготовке Потсдамской конференции и Нюрнбергского процесса, на котором он представил фельдмаршала международным судьям, что вызвало сенсацию у присутствовавших на процессе журналистов. Затем участвовал в мероприятиях, связанных с организацией деятельности оккупационных властей в Германии.

В середине 1950-х годов Федор Карпович вышел в отставку. До кончины в 1959 году возглавлял военную кафедру в МГУ.

Как рассказывал сын Ф.К. Парпарова — Лев Федорович, находившийся вместе с отцом в Германии и работавший на Нюрнбергском процессе в качестве переводчика немецкого языка, Федор Карпович после войны стеснялся появляться на общественных пляжах, поскольку когда он снимал рубашку, на его спине были отчетливо видны рубцы и полосы от заживших ран. Они остались еще с того довоенного времени, когда отважный разведчик подвергался пыткам и истязаниям в ежовских

застенках.

Лев Федорович Парпаров работал над книгой воспоминаний о своем отце, и разведка оказывала ему помощь в подборе интересующих его материалов. Однако довести до конца начатый труд ему не удалось. Преждевременная смерть, наступившая в результате сердечного приступа в 2001 году, оборвала работу. Книга осталась незавершенной.

Глава 11. Герои России родом из США

15 июня 1996 года Указом Президента Российской Федерации за успешное выполнение специальных заданий по обеспечению государственной безопасности в условиях, сопряженных с риском для жизни, проявленные при этом героизм и мужество звание Героя России было посмертно присвоено замечательной советской разведчице-нелегалу Леонтине Коэн.

Несколько ранее, 20 июля 1995 года, такого же высокого звания был посмертно удостоен другой легендарный советский разведчик-нелегал Моррис Коэн — муж и боевой товарищ Леонтины.

В галерее разведывательной славы нашей страны, ставшей для них второй родиной, Моррису и Леонтине Коэн принадлежит видное место. В военные и послевоенные годы они участвовали в добывании для Советского Союза информации о разработках атомной бомбы в США, а затем о программах создания вооружений в Англии. Убежденные интернационалисты, Коэны внесли значительный вклад в установление ядерного паритета и делали все возможное, чтобы «холодная война» не переросла в «горячую».

Моррис Коэн родился 2 июля 1910 года в Нью-Йорке в семье выходцев из России. Его отец был родом из-под Киева, а мать родилась в Вильно. Еще в начале XX века семья Коэнов эмигрировала в США и поселилась в Нью-Йорке, в районе Ист-Сайда.

В автобиографии, хранящейся в его оперативном деле, Моррис Коэн, писал:

«Мои родители — эмигранты. Мать родом из Вильно, отец из местечка Тарища, что под Киевом. Жили они в Нью-Йорке, в районе Гарлема, на Ист-Сайде. В доме у нас часто собирались выходцы из России и Украины и слушали привезенные с собой пластинки, пели народные песни, по праздникам устраивали балы, на которых танцевали польку и гопак. Но больше всего мне запомнились их рассказы о неведомой мне стране — России. Всякий раз, как только они начинали вспоминать о ней, у меня возникало желание хоть одним глазком увидеть родину моих предков. Это желание с возрастом еще больше укреплялось.

Россия в самом деле была не похожа ни на какую другую страну, она являла собой эталон нового, справедливого общества, и потому многие обращали к ней свои взоры. Да и как было не обращать, если весь Запад

впадал в состояние глубочайшей экономической депрессии, а юная Русь набирала обороты, смело приступала к осуществлению геркулесовского плана первой пятилетки. Советский Союз был привлекателен для меня еще и потому, что в нем всем предоставлялась работа, а у нас, в Америке, наоборот, процветала безработица».

Учась в колледже, Моррис прославился как отличный игрок в регби. Семья была небогатой, и полученная юным Моррисом спортивная стипендия позволила ему поступить в Колумбийский университет, который он окончил в 1935 году. Затем работал преподавателем истории в средней школе в Иллинойсе.

В 1936 году Моррис вернулся из Иллинойса домой в Нью-Йорк, вступил в компартию США и начал активную деятельность в ее нью-йоркском территориальном отделении. Безработица в городе была огромной, и трудоустроиться где-либо было практически невозможно. Товарищи по партии нашли Моррису временную работу: распространять прогрессивные газеты и журналы за пятнадцать долларов в неделю. Потом он устроился наборщиком в типографию, работал слесарем на машиностроительном заводе, был служащим в одном из отелей Нью-Йорка. Одновременно вел агитационную работу в профсоюзах и продолжал заниматься распространением партийной литературы. «Пожалуй, не было в то время в Нью-Йорке ни одного массового митинга, пикета или демонстрации, в ходе которых я не распространял бы газету компартии и другую литературу», — вспоминал Моррис Коэн в конце 1980-х годов.

На массовом митинге в поддержку республиканской Испании, проходившем в мае 1937 года в Нью-Йорке, товарищ Морриса познакомил его с молодой и красивой девушкой Лоной Петке. А двумя месяцами позже Моррис уже был в Испании. Гражданская война в этой стране не оставила его равнодушным, и он отправился туда добровольцем.

Из автобиографии Морриса Коэна, хранящейся в его оперативном деле:

«Это было время митингов и демонстраций в поддержку республиканской Испании. В Америке, как и во всем мире, шла поляризация сил: с одной стороны — силы мира, прогресса и демократии, с другой — приверженцы реакции, угнетения и тирании. Каждому надлежало тогда сделать выбор: на чьей он стороне. У меня иного выбора, чем добровольно встать на защиту Республики, быть не могло: это соответствовало моим политическим убеждениям. На митинге в Мэдисонсквер-гарден я, не задумываясь, в числе первых подал заявление о

вступлении в интернациональную бригаду имени Авраама Линкольна».

Вначале Моррис был пулеметчиком, а затем — политическим комиссаром батальона Маккензи Папино. В октябре 1937 года в сражении при Фуэнтес-де-Эбро Моррис был ранен в обе ноги и попал в госпиталь. После выздоровления продолжил участвовать в боевых действиях.

Отважный американец, ненавидевший фашизм, попал в Испании в поле зрения советской внешней разведки. В первых числах июля 1938 года его пригласил на беседу в барселонскую разведшколу резидент внешней разведки НКВД в Испании Александр Орлов. В ходе беседы Орлов сделал Коэну предложение о сотрудничестве. Моррис дал согласие оказывать помощь советской внешней разведке в борьбе против нацистской угрозы.

В направленном в Центр рапорте о вербовке Коэна резидент Орлов, в частности, отмечал:

«После моих объяснений о перспективах сотрудничества с советской разведкой Коэн погрузился в глубокое раздумье. Чтобы вывести его из этого состояния, я заговорил с ним о возможности развязывания Гитлером новой мировой войны, что с приходом фашистов к власти Германия превратилась в агрессивное государство, что для советской разведки нет сейчас важнее задачи, как своевременное выявление планов нападения Гитлера на Советский Союз...

Давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, «Луис»^[8] прекрасно понимал, на что он идет. Уверен, что им двигала не любовь к приключениям, а политические убеждения, верность социалистическим идеалам, делу мировой революции, которым он решил посвятить всю свою жизнь».

В ноябре 1938 года по решению Центра Коэн выехал из Испании в США для работы в качестве связника нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки.

Из сообщения в Центр руководителя нью-йоркской резидентуры:

«Связь с «Луисом» установлена. Работает с ним «Твен»^[9]. Перед «Луисом» поставлена задача: подобрать группу источников, которые могут бы помочь нам в получении информации по немецкой колонии. В целях выполнения поставленных перед «Луисом» задач прошу вашей санкции на предоставление ему возможности проведения самостоятельных вербовок».

По возвращении в Нью-Йорк Моррис сразу же позвонил Лоне...

Леонтина Тереза Петке родилась в Массачусетсе (США)

11 января 1913 года в семье польских эмигрантов. До 13 лет училась в школе, а затем была вынуждена бросить учебу и начать зарабатывать на жизнь. Работала домработницей, официанткой, продавщицей, трудилась на фабрике кожизделий, на кондитерской фабрике. С 15 лет Лона, как ее звали друзья и близкие, стала принимать участие в работе прогрессивных групп и организаций, являлась профсоюзной активисткой, а в 1936 году вступила в ряды компартии США.

Со своим будущим мужем Моррисом Коэном Лона, как мы уже отмечали, познакомилась там, где по логике и должна была познакомиться, — на антифашистском митинге.

И вот новая встреча. Смелый молодой человек, боец интербригады покорила сердце Лоны. 22 июня 1941 года, в день нападения Германии на Советский Союз, они подали заявление на регистрацию брака. А 4 июля 1941 года, в День независимости США, состоялась свадьба. Это был выходной — единственный день, когда они не были заняты работой. Лона догадывалась о связях мужа с советской разведкой и без колебаний согласилась помогать ему в его тайной деятельности.

Из характеристики на Леонтину Коэн, направленной нью-йоркской резидентурой в Центр в ноябре 1941 года:

«В процессе ознакомительной беседы с женой «Луиса» у оперработника сложилось о ней благоприятное впечатление: истинная интернационалистка, активная участница митингов и демонстраций в поддержку Испанской республики, охотно выполняла различные поручения компартии США.

Ей в полной мере присущи качества, необходимые для закордонного источника, — она красива, смела, умна, обладает удивительным свойством располагать к себе собеседника.

Иногда излишне эмоциональна и прямолинейна, но мы считаем, что это поправимое дело. Главное — она способна перевоплощаться и играть отведенную ей роль.

В процессе наблюдения за ее поведением в свободное от работы время компрометирующих материалов не получено.

По нашему мнению, она пригодна к сотрудничеству с разведкой».

Из воспоминаний Морриса Коэна:

«Я тогда долго не мог решиться, привлекать или не привлекать Лону к сотрудничеству с советской разведкой. Я, конечно, понимал, что играть в прятки не имело смысла. А тем более мне к тому времени уже сообщили о принятом в Москве решении, согласно которому я и Лона могли вместе

выполнять задания Центра. Я прекрасно понимал, что хорошая супружеская пара — это наилучший вариант для ведения совместной разведывательной работы».

Из воспоминаний ветерана разведки Юрия Соколова, также работавшего в те далекие годы с Моррисом и Леонтиной в Нью-Йорке в ходе своей первой заграникомандировки и затем долгое время дружившего с ними:

«Моррис и Лона были неразделимы и как любящие супруги, и как друзья, и как соратники в разведывательной работе. Почти всегда, когда мы говорим о Моррисе, фактически имеем в виду обоих».

Супружеская пара разведчиков поддерживала связь между нью-йоркской резидентурой и ее источниками. Импульсивная эмоциональность Доны, ее любовь к риску достойно уравнивались холодной рассудительностью, осторожностью Морриса.

В 1942 году Моррис был мобилизован в американскую армию и направлен в Европу. Участвовал в боевых действиях против фашистов, в высадке союзных войск в Нормандии. Дошел до Эльбы и закончил войну в чине капрала, имел боевые награды.

А Лона в военные годы продолжала активно сотрудничать с советской разведкой.

Нет сомнения в том, что она была женщиной энергичной и решительной и имела сильно развитое чувство справедливости.

Как-то раз, в конце 1942 года, поздно вечером Лона ехала в нью-йоркском метро. Было это после сверхурочной работы на заводе, производившем запчасти для военных самолетов. Пассажиров в вагоне было мало. Недалеко от нее сидели две женщины, которые довольно громко обсуждали вопросы, связанные с войной в Европе. Женщины были примерно такого же возраста, что и Лона, одеты довольно богато, на них были только входившие тогда в моду меховые жакеты. Одна из них заявила, что чем дольше будет продолжаться война, тем больше будут зарабатывать их мужья и тем богаче они станут. Вспыхнув от возмущения, Лона вскочила со своего места, подошла к пассажиркам и со словами: «Так вот за что борется мой муж?!» — влепила желавшей поживиться за счет войны даме звонкую пощечину. Затем, не оглянувшись, вышла из вагона на следующей станции.

Начиная с 1943 года резидентура в Нью-Йорке приступила к активному сбору информации по так называемому «Манхэттенскому проекту» — разработке в лабораториях ядерного центра в Лос-Аламосе первой в мире американской атомной бомбы. Сотрудникам резидентуры

удалось добыть и направить в Москву важнейшие материалы по атомной энергии и ее использованию в военных целях. О предстоящем первом испытании атомной бомбы нью-йоркская резидентура информировала Центр заранее. И когда 16 июля 1945 года над пустыней Нью-Мехико поднялся гриб атомного взрыва, основные данные, касающиеся устройства бомбы и материалов, примененных в ее конструкции, уже находились в распоряжении советских ученых. Особая роль в этом принадлежала Леонтине Коэн.

* * *

...Лос-Аламос являлся закрытым городком со строжайшим режимом секретности. Проживали там только научные работники, да больные, лечившие легкие. И еще те, кто непосредственно создавал атомную бомбу. Сотрудникам ядерного центра разрешалось покидать городок лишь раз в месяц, в одно из воскресений. Как в таких условиях получить материалы, подготовленные источником для передачи в Москву? Решить эту задачу было поручено Лоне.

Она выехала на курорт Альбукерк, расположенный неподалеку от Лос-Аламаса. Для обеспечения личной безопасности запаслась свидетельством нью-йоркского врача, удостоверяющим необходимость прохождения курса лечения легких в этой курортной зоне. Поселилась на окраине городка, сняла комнату и начала готовиться к разведывательной операции.

Встреча с источником информации была назначена на воскресенье у храма в центре Альбукерка. И здесь Лоне пришлось поволноваться: источник пришел только на четвертое воскресенье. Ждать целый месяц, находясь вблизи засекреченного объекта! А произошла банальная история — источник перепутал дату встречи. Наконец встреча состоялась. Обмен паролями, получение ценнейших секретных документов, и можно трогаться в обратный путь. Однако судьба приготовила для Лоны еще одно испытание.

На вокзале в Альбукерке, уже при посадке в поезд, сотрудники ФБР неожиданно организовали тщательную проверку пассажиров и их багажа. Лона не растерялась. Сымитировав насморк, она достала коробку с бумажными салфетками, в которой были спрятаны полученные от источника документы, и вытащила из нее салфетку. И когда ее вещи начали осматривать, сунула эту коробку прямо в руки одному из проверяющих, а сама начала рыться в сумочке в поисках билета. Билет «нашелся», когда

поезд уже готов был тронуться. Лону в спешке подсадили в вагон, и проверяющий машинально, на ходу возвратил ей «забытую» коробку, так и не проверив её. Через некоторое время ценнейшие документы были уже в Центре.

В ноябре 1945 года Моррис Коэн демобилизовался из армии и возвратился в США. В декабре того же года с ним была восстановлена связь. Начался новый этап в работе разведчиков. Коэны обеспечивали конспиративную связь с рядом ценных источников нью-йоркской резидентуры, причастных к разработке американского ядерного оружия.

Из воспоминаний Юрия Соколова:

«В работе Моррис отличался высочайшей надежностью. Кроме блестящих аналитических способностей он обладал спокойным характером и завидной выдержкой. Я никогда не видел его сердитым или раздраженным. Любую напряженность он мог снять своей доброй улыбкой, убедительностью доводов.

Для меня Моррис был и как старший брат, и как добрый советчик. Я постоянно чувствовал с его стороны и понимание, и поддержку в новой, непривычной для меня на первых порах обстановке. В то же время Моррис внимательно прислушивался к моим советам и рекомендациям, понимая, что они диктуются деловыми соображениями и заботой о его безопасности.

Обстановка в США тем временем становилась для нашей работы все более неблагоприятной. Особенно после подъема волны маккартизма, закрытия нашего Генконсульства в Нью-Йорке в 1948 году и ухудшения отношений между США и СССР. Все это заставило нью-йоркскую резидентуру значительно повысить уровень средств обеспечения безопасности связи и ужесточить требования к их соблюдению. Центр принял решение о подготовке к передаче Морриса и Лоны на связь нелегалу».

В начале 1949 года Коэны были включены в состав резидентуры разведчика-нелегала Вильяма Фишера, ставшего впоследствии известным всему миру под именем полковника Рудольфа Абеля, и проработали с ним почти два года. Однако в конце 1950 года Моррис и Леонтина были выведены из США в Советский Союз. И сделано это было целенаправленно. Ведь Моррис Коэн был хорошо известен как боец испанских интербригад, и это могло привлечь к нему ненужное внимание в США, где поднималась волна маккартизма. Как показали дальнейшие события, Коэны покинули Америку вовремя. Тем самым Центр смог избежать провалов в сети атомных источников и сохранить семейную пару разведчиков-нелегалов для дальнейшей работы.

Более трех лет находились Коэны в Москве. Здесь Леонтина прошла дополнительную специальную подготовку для работы радистом-шифровальщиком.

В 1954 году руководством внешней разведки было принято решение направить супругов Коэн в Англию в качестве связников-радистов нелегальной резидентуры, которую возглавил другой знаменитый советский разведчик-нелегал — Конон Трофимович Молодой, работавший в этой стране под видом канадского бизнесмена Гордона Лонсдейла (оперативный псевдоним «Бен»).

В Англию Коэны прибыли с паспортами на имя новозеландских бизнесменов Питера и Хелен Крогеров, Супруги приобрели небольшой дом в двух километрах от базы ВВС Нортхолт под Лондоном, где оборудовали радиоточку для связи с Москвой, и вскоре начали регулярно передавать в Центр сведения особой важности. С 1955 по 1960 год резидентура «Бена» успешно добывала и передавала в Москву в большом количестве весьма ценную секретную документальную информацию Адмиралтейства Великобритании и военно-морских сил НАТО, касавшуюся, в частности, английских программ разработки вооружений, в том числе — ракетного оружия, получившую высокую оценку советских специалистов.

Ветеран внешней разведки генерал-майор Василий Дождалев, который в начале своей разведывательной карьеры лично поддерживал периодический контакт с «Беном» и работал с одним из его источников в Англии, позже отмечал:

«Думаю, Москва знала о подводном флоте Великобритании не меньше, чем королева Елизавета. Помимо того, что мы полностью владели ситуацией, брали на вооружение и какие-то новые разработки. Полученные данные направляли в институты, в конструкторские бюро, активно внедряли в жизнь. Скажем, целая серия наших эхолотов была сделана на основе английских. Интерес в Центре к этим материалам был огромен».

Однако в связи с предательством резидентура «Бена» была раскрыта. 7 января 1961 года разведчики были арестованы.

Позже на суде было обнародовано заключение Королевской комиссии по делу Лонсдейла, в котором подчеркивалось, что в результате деятельности разведчиков «сколь-нибудь важных секретов в британском Адмиралтействе более не осталось».

Что же случилось в 1961 году?

В результате предательства одного из руководящих сотрудников польской разведки Голеневского ЦРУ получило сведения о том, что СССР якобы располагает информацией с базы английских военно-морских сил в

Портленде.

Еще в 1958 году Голеневский, завербованный ЦРУ, сообщил американцам о том, что у советской разведки в Портленде есть ценный источник информации. ЦРУ проинформировало об этом английскую контрразведку. Последняя затратила на поиски советского агента, работавшего на базе, целый год. К концу 1959 года он был установлен и взят в активную разработку. К середине 1960 года контрразведчики установили «Бена», а затем и супругов Крогер.

Из воспоминаний генерала В.А. Дождалева:

«Англичане «пасли» резидентуру семь месяцев. Действовали они очень уверенно. Зная об истинном лице Лонсдейла, они выпустили его летом 1960 года в отпуск, на континент. Не сомневались, что он вернется обратно. Откуда такая уверенность? Ну, во-первых, операция контрразведки — это всегда игра, всегда некий риск. Во-вторых, они понимали, что ни с того ни с сего уходить Лонсдейл не станет. И в-третьих, брать его все равно было рано. Им нужно было выявить связи, собрать необходимые доказательства вины. Риск себя оправдал».

5 января 1961 года, испугавшись разоблачения, Голеневский, который находился в то время в командировке в Берлине, бежал в США. Предупрежденные об этом англичане из опасения, что Москва сообщит об этом побеге своим разведчикам, поспешили с арестом «Бена» и Крогеров, произведя его через два дня — 7 января.

На судебном процессе в Лондоне в знаменитом уголовном суде высшей инстанции Олд Бейли, рассматривавшем так называемое «портлендское дело», который начался 13 марта 1961 года, Лонсдейл взял все на себя, утверждая, что Крогеры ничего не знали о его разведывательной деятельности. Несмотря на то что суду не удалось доказать причастность Крогеров к работе на советскую разведку, 22 марта на основании сообщенных американцами сведений Питер и Хелен были приговорены к 20 годам тюремного заключения. А днем позже, 23 марта, Гордон Лонсдейл был приговорен к 25 годам тюремного заключения.

Во время ареста, следствия и судебного процесса Питер и Хелен Крогеры вели себя стойко и мужественно и не выдали противнику никаких секретов.

Для Крогеров последовали девять долгих лет мотаний по английским тюрьмам, частая их смена обуславливалась опасениями побега. Питер и Хелен должны были отбывать свой срок заключения, находясь в разных тюрьмах Англии: Питер, естественно, в мужской, Хелен — в женской. Им было разрешено встречаться раз в месяц, и с этой целью их привозили в

тюрьму, находившуюся где-нибудь на полпути от мест их заключения. Они виделись в тюремной комнате в присутствии надзирателя, им разрешалось пить чай с печеньем и беседовать. Эти встречи, которые продолжались ровно один час, были для них каждый раз важным событием, так как разлука, несомненно, была самым тяжелым испытанием в их тюремной жизни.

Как и всем заключенным, им было разрешено писать одно письмо в неделю. Эти письма должны были быть написаны на тюремном бланке небольшого формата из четырех страниц и вложены в открытый конверт, чтобы тюремный цензор мог их читать. Крогеры переписывались между собой и с Лонсдейлом. Содержание этих писем Служба внешней разведки России обнародовала в начале 2001 года, а московский Центр общественных прикладных проблем Александра Жилина включил их в изданный двухтомник под общим названием «Письма из тюрем Ее Величества».

Безусловно, Хелен страдала от отсутствия свободы, и жизнь в тюрьме оказалась для нее более трудной, чем для Питера и Лонсдейла. Но ей помогали большая сила воли и врожденная стойкость к возникающим трудностям.

Из письма Хелен Крогер Гордону Лонсдейлу от 11 сентября 1961 года, тюрьма Ее Величества Уинсон Грин Роуд, Бирмингем, 18:

«Всю свою жизнь я боролась против несправедливости, дорогой мой, и любила тех, кто поступал так же. Как-нибудь я расскажу тебе об одной суфражистке^[10] из Англии, которая в молодости прошла через ад, добиваясь того, чтобы женщины имели больше свободы. Я никогда ее не забуду — ее дух живет в моем сердце. Она учила меня и нескольких других девушек социализму, когда мы были еще подростками. Во время нашего процесса в Олд Бейли ее дух жил во мне... Если бы она была жива сегодня, она гордилась бы своей ученицей. Я часто задумываюсь о том, будут ли мои ученицы помнить меня так, как я помню ее.

Питер и я очень любим тебя, но как жаль, что мы не узнали о тебе больше до судебного процесса. Были ли твои друзья так же верны тебе, как наши остались верны нам? Мы с Питером навсегда останемся твоими друзьями. Ты всегда можешь быть уверен в нашей дружбе, пока мы живы».

Следует подчеркнуть, что Питеру и Хелен было присуще такое важное качество, как беспредельная верность делу, которому они посвятили свою жизнь. МИ-5 (английская службы безопасности — контрразведка) неоднократно предлагала, особенно в первое время их заключения, предоставить им свободу, а также возможность вести спокойную и

обеспеченную жизнь в одной из стран Британского Содружества в обмен на согласие сотрудничать и сообщать информацию о своей работе и работе других лиц на советскую разведку. И каждый раз Питер и Хелен решительно отвергали подобные предложения и даже вообще отказывались встречаться с представителями МИ-5.

В октябре 1966 года другому советскому разведчику — Джорджу Блейку, арестованному в Англии в результате предательства в апреле 1961 года и приговоренному английским судом к 42 годам тюремного заключения, удалось бежать из тюрьмы, в которой он отбывал наказание, и добраться к концу года до Москвы. Как только стало известно о побеге Дж. Блейка, Питер и Хелен были переведены в другие тюрьмы. Питера поместили в тюрьму «максимально строгого режима» на острове Уайт, где содержались самые опасные преступники: убийцы и участники известного в то время ограбления почтового вагона в Англии (так называемого «ограбления века»), Хелен была направлена в тюрьму строгого режима. Тюремные власти старались сломать ее морально и физически. У Хелен началось истощение нервной системы. Но она решительно отказывалась от каких-либо успокаивающих лекарств, которые ей усиленно навязывали тюремные врачи, опасаясь, что эти препараты могут содержать наркотики. К тому же количество встреч супругов было сокращено до одного раза в три месяца.

Из письма Питера Крогера к Хелен Крогер от 16 октября 1967 года, тюрьма Ее Величества, Паркхерст, Ньюпорт, остров Уайт:

«Я вынужден сказать тебе, что ты должна взять себя в руки. Нервный срыв ничего не решит и только принесет боль и горе тебе самой и мне. Я не пытаюсь уменьшить или представить в неверном свете условия, в которых ты вынуждена жить. Я осознаю все влияющие факторы: физические, психологические, эмоциональные и делаю что могу, чтобы облегчить положение, привнести в него чуточку легкости и радости. Ежедневно, ежечасно я чувствую твою ношу. И я бы чувствовал тяжелые угрызения совести, если бы не обратился к тебе сейчас с призывом собрать все твои внутренние резервы, чтобы избежать какого-либо срыва.

В предыдущем письме ты писала мне: «Все, что мы можем сделать, это стиснуть зубы и продолжать. Я знаю, что это трудно, но выбора у нас нет. Мы должны беречь наше здоровье и не поддаваться отчаянию. Когда мой мозг лихорадочно горит и мой ум сбит с толку и путается, я заставляю себя думать о других несчастных, которые тоже переживают подобные муки, и эти мысли дают мне силу встретить лицом к лицу собственное испытание». Эти слова сильного духа и характера вызвали у меня глубокое

восхищение».

Наконец в августе 1969 года британские власти согласились обменять Крогеров на арестованного в Москве агента английских спецслужб Джеральда Брука и двух его соотечественников, отбывавших наказание в СССР за контрабанду наркотиков (советский разведчик Конон Молодой — Гордон Лонсдейл был обменян в 1964 году на арестованного ранее в Москве сотрудника британских спецслужб Гревилла Винна).

Ее величество королева Великобритании Елизавета II подписала 23 сентября 1969 года Указ, в котором, в частности, говорилось:

«...В отношении Питера Джона Крогера, который 22 дня марта месяца 1961 года Центральным Уголовным судом был признан виновным в тайной передаче сведений в нарушение Статьи 1 Закона о государственной тайне от 1911 года и был приговорен к двадцати годам тюремного заключения, всемилостивейше объявляем, что, принимая во внимание некоторые обстоятельства, представленные на высочайшее рассмотрение, мы соблаговоляем простереть Наше милосердие и прощение на поименованного Питера Джона Крогера и даруем ему помилование и освобождение его от оставшегося по вышеизложенному приговору срока наказания на день 24 октября 1969 года: по Нашему желанию и благоволению повелеваем освободить его из-под стражи, для чего настоящий указ будет достаточным основанием».

Указ такого же содержания был подписан Королевой Елизаветой II и в отношении Хелен Крогер.

На другой день после подписания указов, 24 октября 1969 года, супруги были освобождены из английских тюрем, а уже 25 октября прибыли в Москву. В начале 1970 года они были приняты в советское гражданство.

Условия конспирации до сих пор не позволяют рассказать о многих операциях, в которых участвовали Моррис и Леонтина Коэн, находясь на разведывательной работе в США и Англии. Однако о качестве их работы свидетельствует такой факт: за конкретные результаты каждый из них был награжден орденами Красного Знамени и Дружбы народов, медалями, а также почетным нагрудным знаком «За службу в разведке». А позже последовали и указы о присвоении им звания Героев России, с которых мы начали рассказ об этих замечательных и исключительно скромных людях.

До последних дней жизни Коэны продолжали трудиться в нелегальной разведке. Они выполняли специальные задания, выезжали в различные европейские страны для организации встреч с разведчиками-нелегалами, принимали участие в подготовке молодых сотрудников.

23 декабря 1992 года Леонтины Коэн не стало. Моррис Коэн скончался 23 июня 1995 года. Похоронены супруги на Новокунцевском кладбище, в московской земле, ставшей для них родной навечно.

В день похорон Морриса одна из российских центральных газет писала: «Он любил Россию страстно и оптимистично». Эти же слова с полным основанием можно было бы отнести и к его боевой подруге и соратнице Леонтине.

Незадолго до своей смерти Моррис Коэн ответил на письменные вопросы американских публицистов Джозефа Олбрайт и Марши Курстель, которые впоследствии написали интересную книгу о жизненном пути разведчиков-нелегалов. Обращаясь к Моррису Коэну, они, в частности, писали:

«В наши дни, когда люди руководствуются мотивами личной выгоды скорее, чем принципами, мы уверены, что жизнь, прожитая Вами и Вашей женой, представляет собой редкое и интригующее повествование, которое следует рассказать».

Приведем некоторые выдержки из ответов Морриса Коэна:

«Вопрос. Что заставило вас принять решение о сотрудничестве с советской разведкой?

Ответ. Я родился в США в начале века. Мое формирование как личности пришлось на то время, когда в среде пролетариев, к которым относились не только мои родители, но и все мое окружение, были очень сильны чувство солидарности с российскими рабочими и чувство гордости за своих братьев по классу, совершивших революцию. Именно эти чувства впоследствии сыграли огромную роль при формировании моего мировоззрения. Одним из ярчайших воспоминаний моего детства является митинг солидарности с народами России, на котором выступал Джон Рид по приезду из Москвы, на который меня взяли родители.

Это чувство любви к России как к родине всех пролетариев, где уничтожено угнетение человека человеком и решены многие противоречия капиталистического общества, я пронес через всю свою жизнь. Именно поэтому, когда встал вопрос об оказании посильной помощи России, я ни минуты не колебался и сделал все возможное, чтобы оправдать доверие.

В атмосфере того времени я принял сторону страны, в политическую правоту которой верил и верю.

Вопрос. Каким образом, родившись в США, вы решились работать против своей страны?

Ответ. Парадокс состоит в том, что я никогда не работал против интересов США, которые понимал и понимаю как обеспечение

возможности для простых людей жить в мире с народами других стран. Мир, как это подтверждается всем ходом истории, зависит от доверия и паритета сил, а доверие, в свою очередь, — от информации, зачастую секретной, о планах и намерениях. Получение информации о планах и намерениях политического руководства, а также о научно-технических достижениях, способных повлиять на сложившийся паритет сил, — задача под силу только разведке.

В каких бы странах я ни жил, я всегда с уважением и большой любовью относился к своей родине — США».

Глава 12. Полковник Африка

В течение долгих лет жизни этой замечательной разведчице-нелегалу — Африке де Лас Эрас — не раз приходилось менять имена. Но для большинства своих коллег по разведке она навсегда осталась в памяти под оперативным псевдонимом «Патрия», что в переводе с испанского означает Родина. Этот псевдоним был выбран ею не случайно. Для нее, 245 испанки по происхождению, Советский Союз стал второй родиной.

Более 45 лет эта мужественная, самоотверженная женщина отдала работе в советских органах государственной безопасности. Большую часть из них она находилась за кордоном, на самом ответственном и опасном направлении деятельности внешней разведки — на нелегальном положении.

По жизни «Патрию» постоянно сопровождали тайны. И до сих пор не наступило то время (да и вряд ли оно наступит в ближайшие годы), когда о ее подвигах в разведке можно будет рассказать более подробно, чем в данном очерке. Но даже при всем при этом жизнь этой удивительной женщины с таким необычным для российского читателя именем заслуживает, как нам представляется, глубокого уважения.

В различных справочниках по разведке, изданных в последнее время, анкетные данные Африки (год и место рождения) существенно разнятся. В свое время ее сослуживцы — ветераны разведки поговаривали о том, что еще до приезда в Союз в связи с оперативной необходимостью Африка изменила год своего рождения. И лишь сейчас, благодаря копиям официальных документов, которые передал автору этой книги испанский историк и журналист Херман Санчес, можно открыть одну из многочисленных, но далеко не самую важную из ее тайн.

В свидетельстве о рождении будущей советской разведчицы указывается, что Африка де Лас Эрас Гавилан родилась 26 апреля 1909 года в 9 часов 40 минут в городе Сеуте (Испанское Марокко). Отец: Зоило де Лас Эрас Хименес, военный архивариус, 32 года. Мать: Виртудес Гавилан де Про, домохозяйка, 25 лет.

В свое время отец Африки, опальный испанский офицер и родной брат известного испанского генерала Мануэля де Лас Эрас, был отправлен в ссылку в Марокко за свои оппозиционные настроения по отношению к существовавшему в Испании режиму Примо де Ривера и служил в Сеуте военным архивариусом.

Необычное имя — Африка — отец дал дочери в благодарность к Африканскому континенту, приютившему его и его семью. К тому же в Сеуте находился католический собор Святой Африки.

Мать Африки была домохозяйкой. Семья, в которой кроме Африки была еще старшая дочь Виртудес, жила в достатке и счастливо. Сестры очень дружили.

Африка получила среднее образование. До 1923 года она училась в Мадриде в колледже «Святое Сердце Иисуса», затем продолжила образование в монастырской школе в городе Мелилья. Отрочество оборвалось внезапно — скоропостижно скончался отец. В свидетельстве о его смерти говорится: «Зоило де Лас Эрас Хименес, военный, 57 лет, умер в городе Сеуте 29 января 1933 года в 16 часов у себя дома, оставив, помимо жены, двух дочерей: Виртудес и Африку».

Африке пришлось вступать в самостоятельную жизнь. Уже в середине 1933 года она окончательно переезжает в Испанию, работает в Мадриде на текстильной фабрике, вступает в ряды коммунистической партии и вскоре принимает участие в подготовке вооруженного восстания горняков в провинции Астурия.

Как известно, 4 октября 1934 года всеобщая политическая стачка охватила Мадрид, Каталонию, Бискайю, Валенсию, Леон и Астурию. Буквально на другой день забастовочная борьба испанского пролетариата и других антифашистских и демократических сил стала перерастать в вооруженные бои. Однако вскоре вооруженные выступления были подавлены во всех областях Испании, за исключением Астурии, где активно действовал единый фронт различных политических объединений, создавший 20-тысячную армию. В период восстания Африка выполняла самые опасные поручения: распределяла оружие и осуществляла связь между различными отрядами восставших. Против повстанцев были брошены иностранный легион и марокканские части, на стороне которых было значительное превосходство в людских резервах и вооружении. К 20 октября борьба закончилась поражением повстанцев.

После подавления восстания Африка более года находилась на нелегальном положении, в глубоком подполье. Будущий лидер испанских коммунистов Сантьяго Карильо, который также принимал участие в событиях в Астурии, вспоминал Африку как «красивую смуглянку, прекрасно сложенную и статную».

С началом гражданской войны в Испании в 1936 году Африка ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев, была делегатом испанской компартии в правительстве Народного фронта.

В 1937 году Африка де Лас Эрас начала сотрудничать с советской внешней разведкой, войдя в состав ее мадридской резидентуры. Ее резидентом являлся Александр Орлов, руководивший сотрудниками советской внешней разведки в Испании. Африка выполняла специальные задания резидентуры в различных странах. Именно тогда в оперативной переписке ее стали называть «Патрия». До сих пор операции, в которых она принимала участие, носят гриф секретности. Можно лишь констатировать, что информация, которую Африка передавала в Москву, являлась исключительно важной.

В конце 1938 года Александр Орлов из-за боязни быть ликвидированным в ходе обрушившихся на органы внешней разведки репрессий стал невозвращенцем. Опасаясь разоблачения Африки, которую Орлов хорошо знал, Центр принял решение отозвать ее в Москву. Через некоторое время Африка была нелегально выведена в Советский Союз. Она получила советское гражданство и стала работать в текстильной промышленности.

С первых же дней Великой Отечественной войны Африка начала добиваться, чтобы ее отправили на фронт. Сначала она попала в специальное медицинское подразделение Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД. Затем училась на ускоренных курсах радистов, которые окончила в мае 1942 года и была направлена в формирующийся разведывательно-диверсионный отряд «Победители» под командованием будущего Героя Советского Союза Дмитрия Николаевича Медведева, которому предстояло действовать на оккупированной немцами советской территории.

Что же произошло дальше? Приведем некоторые отрывки из воспоминаний самой Африки де Лас Эрас, которые находятся в Зале истории внешней разведки:

«Через несколько дней после окончания курсов меня вызвал командир и сказал:

— Хочешь сражаться на фронте? Зайди в соседнюю комнату, там тебя ждут.

Когда я открыла дверь, там меня уже ждали товарищ Медведев и еще два неизвестных мне человека. Меня спросили:

— Умеешь стрелять?

— Да, у меня есть значок «Ворошиловский стрелок».

— Умеешь плавать?

— Да, я плавала лучше всех в своей деревне.

— Прыгала с парашютом?

— Нет, но я готова сделать это в любое время.

— Хорошо. Завтра тебя представят комиссару отряда товарищу Стехову, и ты перейдешь к нам.

С большим трудом я смогла сдержать желание прыгать от радости и кричать во весь голос: «Ура! Я еду на фронт! Я самый счастливый человек в мире!».

На следующий день ранним утром я пришла в отряд. Меня представили товарищу Стехову. А вскоре, уже с вещами и санитарной сумкой через плечо, я входила в казарму. Там я встретила товарищей, вместе с которыми сражалась потом в тылу врага более двух лет.

Началась подготовка. Марш-броски с полной выкладкой, многокилометровые кроссы, стрельба, спецподготовка. Отдыхать было некогда, да об отдыхе никто и не думал.

Через некоторое время я дала клятву радиста. Я торжественно поклялась, что живой врагу не сдамся и, прежде чем погибну, подорву гранатами передатчик, кварцы, шифры... Мне вручили две гранаты, пистолет, финский нож. С этого момента все это снаряжение я постоянно носила с собой.

В ночь на 16 июня 1942 года наша группа была выброшена на парашютах близ станции Толстый Лес в Западной Украине.

Наша борьба в тылу врага — это время, полное печальных и радостных событий, время неустанного труда. В отряде было девять радистов. Мы принимали телеграммы от тридцати боевых групп. Шифровка, передача, прием, расшифровка... У нас почти не оставалось времени для сна. В нашем отряде была железная дисциплина, а между собой мы были спаяны дружбой, как настоящие братья и сестры...

Для связи с Москвой из лагеря выходили сразу три радиста. Шли в разных направлениях километров 15–20 в сопровождении бойцов. Работу начинали все одновременно на разных волнах. Одна из нас вела настоящую передачу, а две другие — для дезориентированный противника, так как нас постоянно преследовали немецкие пеленгаторы. Затем мы возвращались в лагерь и, если не было переходов, снова принимались за работу. Задачей нашей группы было поддержание постоянной связи с Центром, поэтому рация была нашим основным оружием. В отряде Медведева ни разу не прерывалась связь с Москвой. В течение полутора месяцев мы поддерживали также связь с отрядом Колпака во время его перехода в Карпаты».

Следует отметить, что в отряде «Победители» сражался будущий Герой Советского Союза прославленный разведчик-нелегал Николай

Кузнецов. Африка была хорошо с ним знакома и нередко передавала в Центр его исключительно важную информацию.

А командир отряда «Победители» Дмитрий Медведев так рассказывал о работе своих радистов в тылу врага:

«Радистов и радиоаппаратуру мы охраняли как зеницу ока. Во время переходов каждому радисту для личной охраны придавались по два автоматчика, которые помогали также нести аппаратуру.

Ежедневно, в точно установленный час, мы связывались с Москвой. Если отряд находился на марше и останавливать его было нельзя, мы оставляли радиста и с ним человек двадцать охраны в том месте, где заставлял радиочас».

Не раз приходилось Африке участвовать в боевых операциях отряда «Победители», проявлять смелость и отвагу при выполнении заданий командования. За ней прочно закрепилась репутация одной из лучших специалистов.

В справке, которую ей выдали по возвращении в Москву и которую подписал комиссар специального партизанского отряда С.Т. Стехов, в частности, говорилось:

«Дана настоящая справка партизанке де Лас Эрас Африке в том, что она с июня 1942 года по апрель 1944 года находилась в специальном партизанском отряде.

Вначале она была радистом и за отличную работу была назначена помкомвзвода. Находясь на этой должности, де Лас Эрас показала себя как умелый командир и хороший радист. Ее радиоаппаратура всегда находилась в образцовом состоянии, этого же она требовала и от подчиненных».

За выполнение боевых задач и активное участие в партизанском движении в годы войны Африка была награждена орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, а также медалями «За отвагу» и «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

Летом 1944 года Африка вновь оказалась в Москве. Ей делается предложение о переходе на работу в нелегальное подразделение внешней разведки, и она дает на это свое согласие. С этого времени Африке пришлось оборвать все прежние связи с испанскими товарищами по борьбе. Больше она их не увидит никогда, ничего не будет знать о судьбе сестры, других родственников и знакомых. В свою очередь и для них она также навсегда уйдет в небытие. Таковы были жесткие правила игры, в которую она вступила.

Помимо родного испанского Африка в совершенстве владела французским и русским языками. Началась специальная подготовка,

приобретение необходимых навыков для ведения разведки с нелегальных позиций. И вновь, теперь уже в мирное время, Африка-«Патрия» на активной боевой работе. Война, закончившаяся, кажется, еще вчера, для нее продолжилась. Изменились лишь методы борьбы: теперь ей предстояло действовать не просто в тылу противника, но и в постоянном соприкосновении с ним, с ежедневным риском быть им разоблаченной.

Знаменитый советский разведчик Джордж Блейк как-то подчеркнул, что сотрудник разведки — это человек, который ставит интересы своей страны выше личных. Эти слова в полной мере можно отнести к «Патрии». Интересы новой родины стали основой ее деятельности в советской разведке.

Двадцать два года продолжалась спецкомандировка «Патрии», во время которой она выполняла важные и ответственные задания. И ни разу за этот период она не усомнилась в необходимости и важности своей работы.

В январе первого послевоенного года «Патрия» на автомашине была переброшена из Берлина в Париж, где вскоре сумела надежно обосноваться, выдавая себя за беженку, которая якобы в конце 1945 года перешла испано-французскую границу.

В 1947 году Центр принял решение направить «Патрию» для разведывательной работы в Западное полушарие — в одну из стран Латинской Америки. А уже в декабре 1948 года она завершила свои дела во Франции и выехала в страну назначения, в которой ей суждено было осесть на долгие 20 лет. Все это время разведчица успешно выполняла ответственные задания по сбору и передаче в Центр ценной разведывательной информации. Ей удалось первой в данном регионе установить и поддерживать постоянную двустороннюю радиосвязь с Центром.

За достигнутые результаты в работе, проявленные при этом инициативу и настойчивость «Патрия» была награждена вторым орденом Красной Звезды и второй медалью «За отвагу».

В мае 1956 года «Патрия», находившаяся уже более восьми лет на боевой работе в Латинской Америке, получила из Центра радиограмму, в которой сообщалось, что к ней в качестве резидента направляют «итальянского товарища». Разведчица выехала в столицу соседнего государства. В течение нескольких дней «Патрия» прогуливалась по центральному проспекту города, разглядывая витрины магазинов и держа в левой руке книгу в желтой обложке. На правом плече у нее висела маленькая белая сумочка, из которой выглядывал платок. Это были

опознавательные признаки, по которым ее должен был узнать прибывающий руководитель. В начале июня произошла встреча разведчиков-нелегалов. Вскоре, согласно выработанной в Москве оперативной легенде-биографии, они должны были стать мужем и женой.

Наша справка

Джованни Антонио Бертони (оперативный псевдоним — «Марко») родился 27 апреля 1906 года в небольшом городке Фаэнца, что в провинции Эмилия на севере Италии, в рабочей семье. После окончания начальной школы и технического училища поступил на работу в мастерскую фирмы «Фиат». В 1922 году вступил в итальянский комсомол, на следующий год — в Коммунистическую партию Италии. Являлся секретарем молодежной организации провинции Равенна, боевиком антифашистского движения. Трижды арестовывался. В 1925 году был вынужден перейти на нелегальное положение, а затем покинуть Италию и выехать в СССР.

В конце 1927 года итальянский фашистский суд заочно приговорил Бертони к 25 годам тюремного заключения за вооруженное сопротивление при попытке его ареста.

С июня 1925 года по июнь 1927 года Бертони работал слесарем в Одессе. Затем поступил в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада, который окончил в августе 1931 года. Член ВКП(б) с 1931 года. Работал переводчиком «Дирижабльстроя», инструктором ЦК МОПР СССР.

С мая 1936 года Бертони являлся сотрудником аппарата Исполкома Коминтерна, а затем был принят на работу в советскую внешнюю разведку. В начале Великой Отечественной войны выполнял задания в тылу у немцев.

В 1943 году руководством внешней разведки было принято решение о направлении Бертони на нелегальную работу за границу. В характеристике за тот период, подписанной начальником Первого (разведывательного) управления НКГБ СССР генералом Фитиным, говорилось:

«Является политически грамотным, волевым и решительным человеком. Имеет богатый жизненный опыт. Знаком с нелегальной закордонной работой. Инициативен и находчив».

В июне 1944 года «Марко» был сброшен на парашюте в Югославию, а затем перебрался в Северную Италию. Перед ним было поставлено задание создать там нелегальную разведывательную сеть. Все складывалось удачно: «Марко» устроился на работу в Риме в исключительно важное с разведывательной точки зрения государственное учреждение и приступил к выполнению стоявших перед ним задач. Однако в начале 1949 года он

попал под подозрение местной контрразведки и был вынужден вновь покинуть родину и возвратиться в СССР. В Москве в 1951 году он получил советское гражданство. Позже «Марко» прошел дополнительную подготовку для нелегальной разведывательной работы в одной из латиноамериканских стран, где вскоре стал заместителем резидента.

В 1956 году «Марко» возглавил нелегальную резидентуру, в которой трудилась «Патрия». В страну он был направлен специально для того, чтобы руководить работой женщины, с которой, по замыслу руководства разведки, он должен был сочетаться узами брака. И это несмотря на то, что раньше «Патрия» и «Марко» друг друга не знали.

Подобная ситуация, безусловно, не относится к регулярно повторяющимся в деятельности разведчиков-нелегалов, но и не является чем-то неординарным для ее сотрудников. Сама «Патрия» ничего из рада вон выходящего в этом решении Центра не видела, поскольку интересы дела всегда стояли у нее на первом месте. Не задумываясь, она согласилась с поступившим от руководства предложением и заключила брак с незнакомым ранее человеком.

За годы совместной работы разведчиков-нелегалов эффективность разведывательной деятельности резидентуры существенно повысилась. Уже в середине 1958 года, оценивая работу резидентуры, Центр писал:

«Мы считаем, что Вы с «Патрией» за эти два года проделали серьезную работу: осели и закрепились в стране; наладили двустороннюю радиосвязь; организовали надежное прикрытие; выполнили ряд важных заданий Центра (поездки в другие страны, получение информации по конкретным вопросам); приобрели полезные для нашей работы связи».

Хотя «Патрия» и «Марко» создали семейную пару по воле Москвы, чтобы способствовать выполнению поставленных перед ними важных разведывательных задач, их брачный союз оказался счастливым. Они прожили вместе в полном согласии дружной семьей восемь лет. Вспоминая о своем муже, «Патрия» неизменно отзывалась о нем как о хорошем друге и настоящем человеке.

1 сентября 1964 года «Марко» скоропостижно скончался. Так при исполнении служебных обязанностей закончил свой жизненный и боевой путь советский разведчик-нелегал полковник Джованни Бертони.

«Патрия» глубоко переживала смерть «Марко», бывшего ей другом, руководителем, боевым товарищем. В письме в Центр она писала:

«В связи с неожиданной смертью «Марко» и моей чрезмерной нагрузкой в последний месяц его жизни я очень устала и испытываю упадок сил. Врач находит у меня сильный невроз сердца, а все остальное

без каких-либо изменений, и не рекомендует мне интенсивно работать. Оформление наследства (антикварный магазин «Марко» и его автомашина) не должны вызывать каких-либо осложнений, поскольку я единственная наследница по закону. Прошу сообщить мне данные на человека, которому можно было бы передать дом как наследнику или администратору. Убедительно прошу организовать мне встречу с представителем Центра для обсуждения и решения всех возникающих теперь вопросов».

И все же потеря не сломила разведчицу. Похоронив мужа на чужбине, «Патрия» продолжала активно работать еще три года. Уже в ноябре 1964 года она сообщала в Центр:

«В стране сейчас крайне напряженное положение и неизбежен военный переворот. У меня имеются возможности развивать прежние интересные связи. Считаю, что могу и далее продолжать разведывательную работу. Настроение у меня боевое».

Осенью 1967 года Африка де Лас Эрас покинула страну, где проработала почти 20 лет, и вновь вступила на московскую землю. Однако с возвращением в Москву работа в нелегальной разведке для нее не закончилась. Еще трижды ей пришлось выезжать в заграникомандировки для выполнения важных заданий, которые Центр не мог поручить никому другому.

С 1971 года Африка активно участвовала в воспитании молодого поколения разведчиков-нелегалов, передавая им свой поистине бесценный опыт. Вышла в отставку только в 1985 году. Было ей... 76 лет. Однако связи с разведкой не теряла до последнего дня. Ей разрешили встречаться с ветеранами разведывательно-диверсионного отряда «Победители». Эти встречи были очень важны для нее, одинокой женщины, отдавшей всю себя без остатка делу служения безопасности своей второй родины.

В марте 1976 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за особые заслуги Африка де Лас Эрас была награждена орденом Ленина, а в мае 1985 года в связи с 40-летием Победы ей был вручен второй орден Отечественной войны.

Незадолго до смерти Африка писала:

«Моя Родина — Советский Союз. Это укоренилось в моем сознании, в моем сердце. Вся моя жизнь связана с Советским Союзом. Я верю в революционные принципы, в избранный мною путь. Ни годы, ни трудности борьбы не поколебали моей веры. Напротив, трудности всегда были стимулом, источником энергии в дальнейшей борьбе. Они дают мне право жить с высоко поднятой головой и спокойной душой, и никто и ничто не сможет отнять у меня этой веры, даже смерть».

Африка де Лас Эрас постоянно видела перед собой уважительные лица мужчин-сослуживцев. И секрет такого уважения был прост: вся ее жизнь с памятного для нее 1937-го была посвящена службе в советских органах государственной безопасности и разведке. Свыше 45 лет в строю! Бесспорно, сделать в разведке — а особенно в нелегальной — даже малую часть того, что сделала Африка, можно лишь служа великой идее.

В публикациях о разведке редко цитируют Сергея Есенина: вроде бы «непрофильный» поэт. А ведь его перу принадлежат строки, столь органично отвечающие моменту:

Я тем завидую, кто жизнь провел в бою,
Кто защищал великую идею.

Скончалась Африка де Лас Эрас 8 марта 1988 года. В этот день руководители разведки должны были вручить ей нагрудный знак «Почетный сотрудник госбезопасности». Похоронена на Хованском кладбище в Москве.

Глава 13. Как Вильям Фишер стал Рудольфом Абелем

Чаще всего разведчиков называют легендарными вопреки их воле, так как им выпала судьба становиться известными разве что в случае провала или предательства. С Рудольфом Ивановичем Абелем такое случилось более пятидесяти лет тому назад, когда он был арестован в США. Легендой разведки он стал именно под этим именем, хотя от рождения был Вильямом Генриховичем Фишером.

14 октября 1957 года в здании Федерального суда Восточного округа Нью-Йорка начался шумный судебный процесс по обвинению в шпионаже полковника Абеля Рудольфа Ивановича. Ему грозила смертная казнь или пожизненное тюремное заключение. В ходе следствия Абель категорически отрицал свою принадлежность к советской внешней разведке, отказался от дачи каких-либо показаний на суде и отклонил все попытки работников американских спецслужб склонить его к сотрудничеству. Через месяц судья зачитал приговор: 30 лет каторжной тюрьмы.

Лишь в начале 1990-х годов Служба внешней разведки России официально сообщила, что настоящее имя советского разведчика-нелегала, назвавшегося при аресте Рудольфом Абелем, — Вильям Генрихович Фишер.

Заглянув за фасад его легенды, есть все основания считать, что это человек необыкновенной судьбы. Он прожил сравнительно недолгую, всего 68 лет, но очень яркую, насыщенную и интересную жизнь.

Вильям Генрихович (или Вилли, как его называли в семье и в коллективе разведчиков) родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасле-на-Тайне, в Англии, в семье русских политэмигрантов Генриха Матвеевича и Любови Васильевны Фишер. Его отец — уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев. В 16 лет он приехал в Петербург в поисках работы и сразу же активно включился в революционную деятельность, за что неоднократно подвергался репрессиям со стороны жандармерии. Со своей женой, уроженкой Саратова, русской, он познакомился, находясь в ссылке в Саратовской губернии. Помимо чувств, их объединяла общность политических взглядов. В 1901 году супруги Фишер за революционную деятельность были выдворены из России за границу.

В детстве Вилли был молчуном, упрямым, настойчивым и упорным в

достижении поставленной цели, исключительно правдивым и честным. Учеба давалась ему легко, но явное предпочтение мальчик отдавал естественным наукам. Самым большим его увлечением было чтение. Из-за финансовых затруднений в семье Вилли был вынужден оставить среднюю школу и поступить учеником чертежника в конструкторское бюро. Одновременно самостоятельно занимался по школьной программе. Незаурядные способности позволили ему в 16 лет сдать вступительный экзамен в Лондонский университет.

В 1920 году Фишеры, не прекращавшие заниматься революционной деятельностью и в Англии, возвращаются в Москву. Все члены семьи становятся советскими гражданами. Вилли привлекается в качестве переводчика к работе в отделе международных связей Исполкома Коминтерна.

В 1924 году Вилли поступил на индоостанское отделение Института востоковедения в Москве, успешно закончил первый курс. Но дальше учиться не пришлось. Его призвали на военную службу и зачислили в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. В армии Вилли получил профессию радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль.

После демобилизации Вилли поступает на работу в Научно-исследовательский институт военно-воздушных сил РККА.

Вскоре он знакомится с Леной Лебедевой, студенткой Московской консерватории по классу арфы. Вилли хорошо играл на пианино, гитаре, мандолине. Любовь к музыке сблизила молодых людей. Через два года у них родилась дочь, которую назвали Эвелиной. Она оказалась единственным ребенком в семье Фишеров и поэтому была предметом особой заботы всех ее членов.

В органы госбезопасности Вилли пришел в 1927 году по рекомендации Московского комитета ВЛКСМ. В беседе с начальником Иностранного отдела ОГПУ он признался, что только после обстоятельной беседы с отцом, старым большевиком, у него отпали многие сомнения относительно деятельности ОГПУ. Решение работать во внешней разведке было принято осознанно, с полным пониманием ответственности за выполнение стоящих перед ним задач. Вилли был назначен на должность помощника уполномоченного центрального аппарата.

Он уверенно входит в профессиональную среду и становится ее полноправным членом, боеспособной единицей коллектива. Приобретенный опыт работы и незаурядные способности Фишера позволили руководству Службы доверить ему выполнение важных

поручений по линии нелегальной разведки в ряде европейских стран.

Первым заданием Фишера в 1931 году стала спецкомандировка в Англию, куда он направился с женой и дочерью по своим собственным английским документам, под настоящей фамилией. В Лондоне он работал в качестве радиста нелегальной резидентуры «Шведа» (Александра Орлова) под прикрытием владельца радиомастерской. Жена его преподавала балет в частной школе. Во время командировки разведчик выезжал в Скандинавские страны, где организовал сеть тайных радиоточек.

В конце 1934 года Фишер вернулся в СССР и после 6-месячного пребывания в Москве в июне 1935 года был направлен с семьей в Бельгию, а затем осел в Норвегии, где работал, выдавая себя за художника.

В мае 1936 года разведчик возвратился в Москву, где работал в центральном аппарате внешней разведки.

Работа Фишера в загранкомандировках была признана положительной. Он получил повышение по службе, и ему было присвоено звание лейтенанта государственной безопасности (капитан — в Красной Армии). В 1938 году выезжал в город Черновцы, на польскую границу, где осуществлял связь с агентами, завербованными среди немцев, поляков и украинцев.

Будущее казалось безоблачным. И вдруг невероятное — в последний день уходящего 1938 года в отделе кадров ему сообщили, что руководством НКВД СССР без объяснения причин принято решение об увольнении его из органов. Это был тяжелейший удар для Вилли. Коллеги пытались успокоить его, объясняя, что дело не в нем, не в его недостатках и промахах, а в особенностях переживаемого момента. Они высказывали надежду, что времена переменятся и его опыт еще пригодится. Ему ничего не оставалось делать, как вернуться к гражданской профессии. Но и здесь его поджидали непреодолимые трудности. Пять месяцев упорных поисков работы не увенчались успехом. Как только его документы попадали в руки работников отдела кадров, следовал отказ со ссылкой на различные предлоги. Убедившись в бесполезности дальнейших поисков и остро чувствуя несправедливость по отношению к себе, он решился на крайнюю меру — обратился с письмом в ЦК ВКП(б). Ответ был положительным: Вилли приняли на работу во Всесоюзную торговую палату. Позже он перешел на авиапромышленный завод, где проработал до начала Великой Отечественной войны.

В сентябре 1941 года с Вилли встретился сотрудник органов госбезопасности и предложил ему вернуться в НКВД. Нелегко было решиться принять это предложение. Но его убедили, что обстановка в

органах теперь иная и его опасения совершенно излишни. Фишер был зачислен во вновь созданное 4-е управление НКВД СССР, занимавшееся организацией боевых разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов в тылу врага. Руководил отделением радиосвязи. Готовил радистов для партизанских отрядов и разведывательных групп, засылаемых на оккупированные Германией советские территории.

Именно в этот период он сблизился с товарищем по работе Рудольфом Ивановичем Абелем, которому впоследствии суждено было стать «двойником» Фишера. Начались дни упорной, напряженной работы, требовавшей отдачи всех сил, опыта, знаний. В 1942–1944 годах Фишер руководил радиотехническим обеспечением ряда радиоигр с противником, в том числе получившими широкую известность операциями «Монастырь» и «Березино», о которых мы рассказали в очерке, посвященном деятельности Н. Эйтингона (глава 8).

Вскоре после окончания войны Вильям Генрихович вновь становится сотрудником внешней разведки органов госбезопасности.

Резкое обострение международной обстановки и усилившаяся активность разведывательных органов противника потребовали от всех подразделений советских органов государственной безопасности, в том числе и внешней разведки, принятия мер противодействия с тем, чтобы своевременно выявить замыслы противника, парализовать его действия и обеспечить безопасность нашей страны.

В этот сложный период ряд работников внешней разведки подали рапорты руководству о зачислении их в штат разведчиков-нелегалов для работы за кордоном. Среди них был и Вилли.

Рапорт был принят, и сразу же началась интенсивная работа по программе подготовки разведчика-нелегала. Учитывая его личные и деловые качества, оперативный опыт и степень подготовки, руководство внешней разведки приняло решение направить «Марка» (оперативный псевдоним Фишера) на самый ответственный участок работы — в США, страну, именовавшуюся тогда главным противником.

В октябре 1948 года «Марк» выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет. Позже «Марк» рассказывал:

«Утром 16 октября 1948 года я сошел с поезда на Центральном вокзале Нью-Йорка. Было семь часов утра. С этого момента я обретал новое обличье гражданина Соединенных Штатов Америки. Я снял номер в маленькой гостинице — старенькой, плохо поддерживаемой и населенной третьеразрядными актрисами и коммивояжерами. Прожил я там недолго и вскоре переехал на частную квартиру».

Так в Нью-Йорке появился свободный художник Эмиль Роберт Голдфус, гражданин США, родившийся в Нью-Йорке 2 августа 1902 года в семье немца-маляра и прибывший с Запада Америки в поисках лучшей жизни.

Как хозяин художественной мастерской, отличный специалист своего дела, «Марк» зарекомендовал себя среди клиентуры только с положительной стороны. Никому из них и его окружения и в голову не могла прийти мысль, что он является не тем, за кош себя выдает. Все неизменно отмечали его добропорядочность, обязательность, надежность и честность.

Приближалось 7 ноября. О том, как встретил разведчик-нелегал свой первый советский праздник в США, в отрыве от близких и друзей, он рассказал позже в своих воспоминаниях. Предоставим вновь слово «Марку»:

«5 ноября я приобрел всеволновый приемник. Наладил его, убедился, что смогу услышать, конечно через наушники, передачи на английском языке из Москвы. Этим я выполнил первую часть намеченной мною программы встречи праздника. Вторая часть была более легкой. Накануне купил себе разной закуски и водки, правда не советского производства, а с этикеткой «Смирнофф». В полночь я задернул занавески, включил приемник, разостлал на столе чистое полотенце (скатерти не было), поставил закуску, водку и две рюмки, купленные в магазине стандартных цен «Вульворт».

Надев наушники, я настроился на Москву. Слышу рассказ диктора о приготовлениях к параду, о сборе воинских частей и колонн демонстрантов. К двум часам ночи по местному времени (10 утра по московскому) обе рюмки были налиты, бутерброд с черной икрой приготовлен и нарезан ломтиками. Сквозь треск помех слышу бой часов на Спасской башне. Чокаюсь со второй рюмкой и с первым ударом курантов выпиваю ее, мысленно произнеся тост: «Поздравляю вас с праздником!». Я представляю себе огромную площадь, наполненную стройными рядами войск, курсантов военных училищ и слушателей академий, гостей на трибунах, руководителей государства на Мавзолее. После речи министра обороны снова чокаюсь со второй рюмкой и поздравляю наш народ и его армию с праздником.

Кругом тишина. В той части города, где я жил, ночное движение затихало около полуночи. Шум Бродвея едва пробивался ко мне, в окруженный высокими домами двор.

В наушниках слышались команды по перестройке частей к параду,

топот сапог, а затем — тишина, нарушенная мощным грохотом танковых и моторизованных частей.

Затем начинается прохождение колонн трудящихся Москвы. В последний раз наливаю рюмку, чокаюсь и выпиваю за здоровье и счастье нашего народа. Пью и из второй рюмки, служившей мне наместницей семьи и друзей, поздравляя их с праздником...

Убрав остатки со стола и сполоснув рюмки, я приготовился спать и около четырех часов утра заснул. Днем на Бродвее купил газету и прочитал репортаж московских корреспондентов Ассошиэйтед Пресс о празднестве и на фотографиях, переданных по фототелеграфу, увидел то, что я так ярко представлял себе ночью».

* * *

«Марк» очень быстро и уверенно вошел в местную среду. К концу мая 1949 года все организационные вопросы были решены, и он доложил о готовности приступить к выполнению разведывательных задач. Началась кропотливая работа по сбору интересующей Центр политической информации, созданию устойчивых нелегальных каналов связи с Москвой. Получал «Марк» и очень важную информацию стратегического характера, хотя перед ним непосредственно эта задача не стояла. Так, например, он некоторое время поддерживал контакт с руководителем группы «Волонтеры» «Луисом» и связником «Лесли». Сейчас уже не является секретом, что под этими оперативными псевдонимами скрывались сотрудники советской внешней разведки, граждане США, а затем СССР, Моррис и Леонтина Коэн, ставшие впоследствии Героями России. Они сумели обеспечить передачу нашей разведке сверхсекретной информации о разработках американской атомной бомбы.

Условия конспирации до сих пор не позволяют раскрыть многие операции, в которых участвовал «Марк». Однако о качестве его работы свидетельствует такой факт: уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награжден орденом Красного Знамени.

Для того чтобы разгрузить «Марка», занятого выполнением большого объема текущей работы и многих специальных заданий, Центр в 1952 году направил ему в помощь Хейханена (оперативный псевдоним «Вик»), кадрового сотрудника внешней разведки, прошедшего подготовку в качестве радиста нелегальной резидентуры. Он должен был организовать двустороннюю радиосвязь между Нью-Йорком и Москвой для быстрой

передачи разведывательной информации в Центр.

К сожалению, «Вик» оказался слабым человеком. Четыре года, проведенные в Америке, оказали на него пагубное влияние. Падение «Вика» началось с обыкновенной рюмки спиртного и как следствие — нехватка денег, отчего он стал тратить на личные нужды государственные средства, выделенные на оперативную работу. Весной 1955 года «Вик» присвоил пять тысяч долларов, выданных ему для передачи семье одного из агентов. Пьянство повлекло за собой и моральную распущенность. В тайне от Центра он женился и, по существу, самоустранился от выполнения задания. Особенно пагубными для него были девять месяцев 1955 года, когда «Марк» по вызову Центра находился в Москве на отдыхе и переподготовке. Почувствовав отсутствие должного контроля, «Вик» окончательно спился. Возвратившись в январе 1956 года в США, «Марк» убедился в бесполезности дальнейшего пребывания своего помощника в стране и поставил перед Центром вопрос о его отзыве.

Приказ о возвращении в СССР «Вик» воспринял очень болезненно и выехал в Европу лишь после настойчивых требований Центра.

В связи с таким поведением «Вика» Центр рекомендовал «Марку» прекратить контакты с ним, законсервировать связь с источниками информации, перейти на другие документы и переехать из Нью-Йорка на юг страны, а в случае опасности — покинуть страну по известному ему маршруту. «Марк» четко выполнил указание Центра.

В Дейтон-Бич, во Флориде, он пробыл 18 дней, выдавая себя за Мартина Коллинза. С большим трудом ему удалось получить и расшифровать только одну телеграмму Центра, где сообщалось о встрече с «Виком» в Париже, который заявил, что у него все в порядке и обстановка вокруг него спокойная. Полагая, что опасность миновала, «Марк» на свой страх и риск решил вернуться в Нью-Йорк, но до установления связи с Центром и получения дальнейших инструкций проживать по документам Коллинза и на своей квартире не появляться.

По почтовому каналу «Марк» информировал Центр о своем возвращении в Нью-Йорк и намерении взять из квартиры радиоприемник и находившиеся там в тайнике оперативные материалы. Из-за помех ответа из Центра он не смог получить. Приняв все необходимые меры предосторожности, ему удалось пройти в свою квартиру и изъять из тайника все необходимое. Рассматривая содержимое вещей, «Марк» случайно уронил контейнер с мягкой пленкой на пол. Пошарив безуспешно в темноте по полу, он подошел к окну и взглянул вниз на улицу. Не заметив там ничего подозрительного, он зажег свет и спустя две-три минуты нашел

контейнер, затем покинул квартиру.

Вечером следующего дня состоялась очередная радиопередача Центра. Несмотря на безотказный в прошлом приемник, на этот раз сигналы проходили слабо из-за сильных помех телевизионных передатчиков. Разведчик все же принял с трудом телеграмму, ее расшифровка заняла очень много времени, и текст полностью прочитать не удалось. «Марк» лег спать поздно ночью.

А утром 21 июня 1957 года последовал его арест...

Причиной ареста послужило прямое предательство «Вика», который добровольно явился в посольство США в Париже, сообщил о своей принадлежности к советской нелегальной разведке и попросил политического убежища, пообещав сотрудничать со спецслужбами. На военном самолете он тайно был доставлен в США, где поступил в распоряжение ФБР. На поиски «Марка» были брошены значительные силы этого ведомства. Девятилетнее пребывание разведчика на территории США, под боком ФБР, рассматривалось как крупный провал в деятельности американской контрразведки.

Руководитель ФБР Гувер впоследствии отмечал:

«Хейханен дал нам ключ к тайне. В одном лишь случае «Марк» поступил неосторожно и позволил раскрыть себя. Хейханену не хватило фотоматериалов, а они требовались срочно, и «Марк» привел его в Бруклин, где хранил эти материалы. Хейханен не мог вспомнить адреса кладовой, но она была на 4-м или 5-м этаже, он знал, что это здание расположено где-то рядом с Фултон и Кларк-стрит. ФБР наводнило этот район сотрудниками и вскоре их поиски привели к дому № 252 по Фултон-стрит, в котором на 5 этаже располагалась студия Эмиля Р. Голдфуса. От жильцов узнали, что Голдфус исчез с конца апреля, примерно в тот же день, когда Хейханен отправился во Францию. За домом № 252 по Фултон-стрит было установлено постоянное наблюдение».

Длительное безуспешное наблюдение за домом, очевидно, притупило бдительность сотрудников ФБР, и они не заметили, как «Марк» прошел в ателье. Лишь когда в его комнате на некоторое время загорелся свет, со стационарного поста на 12-м этаже отеля «Турэйн» (напротив дома № 252) наружным постам последовало команда начать слежку за находившимся в ателье человеком. Соблюдая меры предосторожности, наружное наблюдение довело «Марка» до отеля «Лэнтэм», его секретно сфотографировало и установило личность.

Хотя нелегалы, как правило, готовы к экстремальным ситуациям, арест всегда является тяжелейшим испытанием для разведчика. Однако провал не

сломил «Марка».

...Стремясь показать свою осведомленность, сотрудник ФБР невольно выдал источник поступившей к ним информации, назвав «Марка» полковником. «Марку» сразу же стало ясно, что «Вик» предатель, ибо только он знал о присвоении ему звания полковника. Для предотвращения провокаций со стороны ФБР надо было как можно скорее уведомить Центр о своем аресте. Обдумав сложившуюся ситуацию, «Марк» и решился выдать себя за своего покойного друга Рудольфа Ивановича Абеля, советского гражданина, которому якобы удалось во время войны в разрушенном блиндаже найти 50 тысяч долларов и уйти на Запад. Он рассчитывал, что, как только в печати появится сообщение об аресте Рудольфа Абеля, его коллеги сразу же поймут: речь идет о «Марке».

Подследственный твердо дал понять своему адвокату Джеймсу Доновану, выделенному коллегией адвокатов для его защиты, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на сотрудничество с правительством США и не сделает во имя своего спасения ничего такого, что могло бы нанести ущерб его Родине. Большое впечатление на Донована произвели слова его подзащитного: «Я не хочу, чтобы вы делали что-нибудь такое, что может умалить достоинство человека, честно служившего великой стране».

Позже И. Естен, один из летописцев американской эпопеи советского разведчика, рассказывая о событиях, связанных с его арестом и судом, в своих воспоминаниях был вынужден признать высокие профессиональные и личные качества «Марка», его негибаемую веру в правоту того дела, которому он служил:

«...В течение трех недель Абеля пытались перевербовать, обещая ему все блага жизни. Когда это не удалось, его начали пугать электрическим стулом. Но и это не сделало русского более податливым. На вопрос судьи, признает ли Абель себя виновным, он, не колеблясь, отвечал: «Нет».

...Процесс против Абеля был интересен и с такой точки зрения: хотя вина и осуждение обвиняемого стояли вне всяких сомнений и несмотря на то, что американский психоз шпионажа находился на грани истерии, общественное мнение почти единодушно стояло на стороне Абеля».

Суд приговорил «Марка» к 30 годам каторжной тюрьмы, что для него в 54 года было равносильно пожизненному заключению.

После объявления приговора «Марк» сначала находился в одиночной камере следственной тюрьмы в Нью-Йорке, а затем был переведен в федеральную исправительную тюрьму в Атланте.

Для человека в высшей степени образованного, интеллигентного, «снедаемого», по выражению Донована, «настоящей потребностью в

духовной пище», пребывание в камере с восьмью уголовниками было настоящей моральной пыткой. К счастью, он обладал удивительной способностью находить себе занятие в любой обстановке. Позже в одном из интервью его дочь Эвелина отметит: «Отец говорил, что ему очень нравится коллекционировать знания, глядишь, когда-нибудь пригодятся». И они емугодились. В тюрьме он занимался решением математических задач, теорией искусства, разрабатывал подробные предложения по лучшему использованию тюремного здания и даже подготовил рабочие чертежи. Одно время он обучал сокамерника — уголовного преступника — французскому языку, разработал свой технологический процесс шелкографического производства. Он писал картины маслом, занимался графикой. Сокамерники относились к нему с большим уважением, он пользовался у них непререкаемым авторитетом. Проведя в заключении более четырех лет, он никогда не жаловался на условия, не критиковал тюремное руководство».

В своей книге «Незнакомцы на мосту» Дж. Донован писал:

«Мы видим очень смелого патриота, который служил своей стране, выполняя исключительно рискованные военные задания...

Полковник был на редкость своеобразной личностью. Круг его интересов казался таким же беспредельным, как и его знания.

...Абель — культурный человек, великолепно подготовленный как для той работы, которой он занимался, так и для любой другой. Он свободно говорил по-английски и прекрасно ориентировался в американских идиоматических выражениях, знал еще пять языков, имел специальность инженера-электрика, был знаком с химией и ядерной физикой, был музыкантом и художником, математиком и шифровальщиком. Как человека его просто нельзя не любить...».

Родина не оставила своего разведчика в беде. 10 февраля 1962 года на мосту Глинике, через который проходила граница между Западным Берлином и ГДР, был произведен обмен Рудольфа Ивановича Абея на осужденного в Советском Союзе американского летчика Френсиса Гарри Пауэрса, совершившего 1 мая 1960 года разведывательный полет над советской территорией.

Необходимое дополнение

Вот что писала по поводу разведывательного полета Пауэрса газета «Независимое военное обозрение» (№ 15 за 2002 год):

«Локхид У-2 с полным на то основанием можно было назвать самолетами-призраками. Долгое время они безнаказанно бороздили воздушное пространство Советского Союза, фотографируя секретнейшие

оборонные и военные объекты в Сибири и Средней Азии, в Центральной России и Закавказье, в Прибалтике и на Дальнем Востоке. Американские пилоты чувствовали себя в полной безопасности, ибо полеты проходили на высоте 20–22 тысячи метров.

1 мая 1960 года проводилась очередная разведывательная операция «Оверфлайт» («Перелет»), завершившаяся в тот же день крахом. Самолет-разведчик, в кабине которого находился летчик Френсис Пауэрс, был сбит над Уралом.

9 апреля 1960 года, обследовав сверхсекретные объекты Советского Союза — Семипалатинский ядерный полигон, авиабазу стратегических бомбардировщиков Ту-95 близ него, полигон противоракетной обороны в Сары-Шагане, ракетный полигон Тюра-Там (космодром Байконур), У-2 выскользнул из пределов СССР южнее города Мары.

Советская сторона в закрытой ноте сделала резкое заявление. Американцы отмолчались: дескать, мы к нарушению границы не причастны. Отмолчались и продолжили планирование разведывательных полетов над СССР.

Однако в середине апреля 1960 года президент Соединенных Штатов Эйзенхауэр заупрямился и не захотел санкционировать следующий шпионский рейд. Дело в том, что в мае должно было состояться совещание «большой четверки» — США, СССР, Великобритании и Франции — в Париже, где предстояла новая встреча главы американского государства с Никитой Хрущевым. А на июнь планировался ответный визит президента в Советский Союз (Хрущев ездил в Штаты в сентябре 1959 года). «Если один из самолетов будет потерян в момент, когда мы будем заняты переговорами, меня тем самым могут лишить возможности предпринять эффективные действия, — заявил Эйзенхауэр в консультативном совете по разведывательной деятельности. — Разразится большой скандал, если самолет рухнет на землю». Но директор ЦРУ Аллен Даллес настаивал, и президент сдался. Он лишь дал указания не проводить полеты после 1 мая, установив перед парижским саммитом двухнедельный «карантин».

По плану ЦРУ в апреле должен был состояться еще один полет, но он все откладывался — мешала облачность. 1 мая 1960 года старший лейтенант ВВС США Френсис Пауэрс находился на аэродроме неподалеку от пакистанского города Пешавар, куда прибыл с напарником с базы Инджирлик (Турция). Погода благоприятствовала, и в 5 часов 20 минут утра У-2, управляемый Пауэрсом, поднялся в воздух, достигнув вскоре высоты примерно 20 тысяч метров, — операция «Оверфлайт» вступила в активную фазу. В 5 часов 36 минут самолет приблизился к советской

границе.

Когда на аэродроме в Пешаваре, провожая Пауэрса, полковник Вильям Шелтон говорил ему, что у Советов нет высотных ракет, он лукавил или не обладал необходимой информацией. К тому времени в СССР возле крупных экономических центров уже стояли зенитные ракетные комплексы С-75, способные поражать цели на высотах свыше 20 тысяч метров.

...Оставив позади Ташкент, миновав Сырдарью, У-2 пролетел вдоль берега Аральского моря и повернул направо. Прошел над городами Троицк, Челябинск... Полет проходил, как говорится, без сучка без задоринки. Пройдя район Свердловска, У-2 должен был направиться к Белому морю и приземлиться на авиабазе Будё (Норвегия).

Можно ли было пресечь шпионский рейд до Урала? Истина заключалась в следующем: истребители МиГ-19 не доставали У-2, который шел на высоте приблизительно 21 тысячи метров со средней скоростью 750 км/час. Ракетные же дивизионы не стреляли по другой причине: маршрут разведполета до Урала в основном проходил вне зоны их огня.

Итак, самолет-нарушитель пересек государственную границу СССР в 5 часов 36 минут. Шел на высоте 18–21 тысячи метров со скоростью 720–780 км/час. Полет был пресечен в 8 часов 36 минут 2-м дивизионом 57-й зенитной ракетной бригады, боевой расчет возглавлял майор Михаил Воронов».

А вот как сам «Марк» позже писал в своих воспоминаниях о событиях, связанных с его обменом:

«6 мая 1960 года утром, как обычно, заключенных вывели группами в душевую рядом с камерами, и мы вымылись. Возвратившись в камеру, я занялся своими математическими развлечениями.

Вдруг — через маленькое окошечко кто-то просунул свернутую в трубку газету. Быстро разворачиваю и читаю заголовок, напечатанный огромными буквами: над Свердловском, в СССР, сбит самолет У-2. Ниже, помельче, было напечатано: «Гарри Пауэрс, пилот, схвачен русскими. Ему грозит суд как шпиону».

Вот это была новость!

Моя реакция была вполне понятной. Мои надежды на скорое освобождение из тюрьмы — надежды, которые не покидали меня все время, — теперь обрели под собой реальную почву.

...Прошел суд над Пауэрсом, и в США газетчики проливали крокодиловы слезы насчет «бесправия», «отсутствия объективности советского суда», «беспринципности защитника, назначенного судом» и тому подобного.

Писали, что Пауэрс не шпион, а лишь солдат, исполняющий приказ, и какое может быть сравнение с матерым разведчиком вроде полковника Абеля, забывая, что Пауэрс не раз пролетал над территорией СССР, проходил специальную подготовку и знал, на что он идет.

...Кончился 1960 год, наступил новый, а жизнь в тюрьме шла своим чередом. Шла моя переписка с семьей и семьи с адвокатом Донованом.

В Вашингтоне тем временем шли споры — пойти на обмен или нет. Одни — по всей вероятности, сотрудники Федерального бюро расследований — надеялись на то, что мне наконец надоест сидеть в тюрьме и я расскажу им о своей деятельности в США, и противились обмену, а другие — видимо, Центральное разведывательное управление — хотели заполучить своего летчика обратно, чтобы узнать, что именно произошло 1 мая 1960 года недалеко от Свердловска.

Время шло, наступил декабрь 1961 года. Неожиданно меня вызвал начальник тюрьмы. День был обычным в том смысле, что по этим дням недели он принимал заключенных по их личным делам. Однако я к нему ни с какими просьбами не обращался.

Я сидел в приемной и ждал очереди. Наконец я вошел, и начальник вежливо предложил мне сесть. Он протянул мне конверт, в верхнем правом углу которого было написано: «Вскрыть в присутствии Абеля Р.И.». Я возвратил ему конверт, он его вскрыл и вынул второй; посмотрев на него, он передал его мне. На втором было написано: «После прочтения уничтожить». Я снова вернул конверт, и начальник вскрыл его. Он вынул сложенный лист бумаги, взглянул на него и передал мне.

Письмо было от адвоката Донована. Он писал, что собирается поехать в Восточный Берлин в качестве неофициального представителя правительства США для ведения переговоров об обмене и просил меня написать письмо жене, объясняющее цель его поездки, с просьбой обеспечить ему соответствующий прием со стороны представителей советского посольства.

Я сказал начальнику, что напишу соответствующее письмо, и мы договорились, что в обеденный перерыв я ему передам свое послание. Это письмо было доставлено жене в рекордно короткое время — два-три дня против обычных тридцати дней. Вскоре я получил ответ, что жена предпримет нужные меры.

Машина закрутилась!

...Из Берлинской тюрьмы, куда я был доставлен накануне, меня вывели под конвоем двух гигантов. В машине со мной сидели мои «телохранители» и еще один человек из числа прилетевших вместе со мной

из США.

Вначале ехали по городу, затем за городом.

Приехавший со мной из США чиновник повторил вопрос, который он задавал мне раньше в самолете:

— Вы не опасаетесь, полковник, что вас сошлют в Сибирь?

Я рассмеялся.

— Зачем? — ответил я. — Моя совесть чиста. Мне нечего бояться.

— Подумайте, еще не поздно! — продолжал он.

Я улыбнулся опять и отвернулся.

Дорога шла под уклон, впереди были видны вода и большой железный мост. Недалеко от шлагбаума машина остановилась. У входа на мост большая доска оповещала на английском, немецком и русском языках: «Вы выезжаете из американской зоны».

Приехали!

Мы постояли несколько минут. Кто-то из американцев вышел, подошел к барьеру и обменялся несколькими словами с человеком, стоявшим там. Еще несколько минут ожидания. Нам дали сигнал приблизиться. Мы вышли из машины.

Неторопливыми шагами мы прошли шлагбаум и по легкому подъему моста приблизились к середине. Там уже стояли несколько американцев. С другой стороны также стояли несколько человек. Одного я узнал — старый товарищ по работе. Между ними стоял молодой высокий мужчина — Пауэрс.

Представитель СССР громко произнес по-русски и по-английски:

— Обмен!

Представитель США Уилкинсон вынул из портфеля какой-то документ и передал мне. Быстро прочел — он свидетельствовал о моем освобождении и был подписан президентом Джоном Ф. Кеннеди! Я пожал руку Уилкинсону, попрощался с адвокатом Донованом и пошел к своим товарищам.

Кончилась четырнадцатилетняя командировка!»

* * *

В Зале истории внешней разведки в штаб-квартире СВР в Ясеневе есть уникальный документ — обменная грамота, подписанная в Вашингтоне 31 января 1962 года президентом США Джоном Кеннеди и министром юстиции Робертом Кеннеди и скрепленная большой красной печатью

министерства юстиции. В документе, в частности, говорится:

«Да будет известно, что я, Джон Ф. Кеннеди, Президент Соединенных Штатов Америки, руководствуясь... благими намерениями, отныне постановляю прекратить срок тюремного заключения Рудольфа Ивановича Абеля в день, когда Фрэнсис Гарри Пауэрс, американский гражданин, в настоящее время заключенный в тюрьму правительством Советского Союза, будет освобожден... и предварен под арест представителя правительства Соединенных Штатов... и при условии, что упомянутый Рудольф Иванович Абель будет выдворен из Соединенных Штатов и будет оставаться за пределами Соединенных Штатов, их территорий и владений».

После лечения и отдыха «Марк» вернулся к работе в Центральном аппарате внешней разведки и находился на боевом посту до конца своей жизни.

Заслуги «Марка», кадрового разведчика, полковника, почетного сотрудника госбезопасности, были отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

15 ноября 1971 года Вильяма Генриховича Фишера (Рудольфа Ивановича Абеля) не стало. Он скончался в клинике онкологии после непродолжительной тяжелой болезни. Похоронен на Донском кладбище в Москве.

Основатель и бессменный руководитель Центрального разведывательного управления США в течение многих лет Аллен Даллес в своей книге «Искусство разведки» писал: «Я бы хотел, чтобы мы имели трех-четыре человек, таких, как Абель, в Москве». А Санш де Грамон, американский писатель, автор книги «Тайная война», добавил: «Абель — редкий тип личности... Его идеалом было знание. Мы можем только сожалеть, вместе с Алленом Даллесом, что он вышел не из рядов разведки Соединенных Штатов».

Почему же арестованный в США Вильям Генрихович Фишер назвался именем своего друга и коллеги по работе в органах госбезопасности? Сейчас, по прошествии времени, можно с уверенностью сказать, что, выдав себя за Рудольфа Абеля, советский разведчик-нелегал тем самым сумел дать сигнал Центру, что в тюрьме оказался именно он. Во внешней разведке довольно быстро разобрались что к чему. Ведь о настоящем Абеле и о его дружбе с Фишером здесь хорошо знали.

До конца своих дней полковник внешней разведки оставался для домашних и сослуживцев Фишером или Вилли, а для всех остальных —

Рудольфом Абелем. Легенде было уготовано оставаться легендой, а тайне — тайной. И сегодня, отдавая дань уважения выдающемуся советскому разведчику Вильяму Генриховичу Фишеру, нам хотелось бы рассказать и о его ближайшем друге и соратнике, чье имя — Рудольф Абель — вошло в учебники разведок многих стран мира и навечно осталось в истории.

Рудольф Иванович Абель родился 23 сентября 1900 года в городе Риге. Отец был трубочистом, мать — домашней хозяйкой. До 14 лет жил у родителей. Окончил 4 класса элементарного училища.

В 1914 году работал рассыльным в Риге. В 1915 году переехал в Петроград. Учился на общеобразовательных курсах и сдал экстерном экзамен за 4 класса реального училища.

С начала революции служил добровольцем на военно-морских кораблях красного Балтийского флота. В должности рядового-кочегара отбыл на фронт. На миноносце «Ретивый» участвовал в боях за Казань, в освобождении от белых городов на Волге и Каме. Принимал участие в операции в тылу противника, в ходе которой у белых была отбита баржа со смертниками — заключенными-красноармейцами. Активно участвовал в боях под Царицыном.

После окончания Гражданской войны учился на курсах радистов в Кронштадте. Затем снова плавал на кораблях, заведовал радиостанцией на острове Беринга, служил радистом на Командорских островах. Следует отметить, что он свободно владел немецким, английским и французским языками.

В июле 1926 года Рудольф Абель был направлен в Пекин, где работал радистом советского посольства вплоть до разрыва дипломатических отношений с Китаем в 1929 году. Находясь за границей, в 1927 году он становится сотрудником Иностранного отдела ОГПУ (внешняя разведка), выполняет обязанности шифровальщика.

По возвращении из Пекина Абель в том же году направляется на нелегальную работу за кордон. В документах того периода, находящихся в его личном деле, сказано кратко: «Назначен на должность уполномоченного ИНО ОГПУ и находится в долгосрочной командировке в разных странах». Возвратился в Москву осенью 1936 года.

Могли ли пересечься за кордоном пути нелегалов Абеля и Фишера? Об этом официальные документы умалчивают. Но, как бы то ни было, оказавшись почти одновременно в Москве и работая в Центре, они стали большими друзьями. Даже в столовую всегда ходили вместе. «Дядя Рудольф появлялся у нас часто. Всегда был спокоен, жизнерадостен, — вспоминала Эвелина Фишер, дочь Вильяма Генриховича. — И с отцом они

общались прекрасно». В военные годы оба жили в одной маленькой квартирке в центре Москвы.

Знакомясь с биографиями этих разведчиков, невольно приходишь к выводу, что в их судьбах было очень много общего, способствовавшего сближению. Оба были зачислены в ИНО ОГПУ в 1927 году, практически в одно и то же время находились на нелегальной работе за границей, вместе трудились в центральном аппарате разведки, а в период Великой Отечественной войны — в 4-м управлении НКВД — НКГБ. Оба не походили на баловней фортуны, жизнь порой обходилась с ними жестоко.

В последний день уходящего 1938 года Вильям Фишер без объяснения причин был уволен из органов госбезопасности. И лишь в сентябре 1941 года ему предложили вернуться в НКВД. С Рудольфом Абелем было все гораздо сложнее.

У Рудольфа был старший брат Вольдемар. Бывший латышский стрелок, охранявший Смольный, член ВКП(б) с 1917 года, комиссар ВЧК Кронштадтской крепости, крупный партработник в Ленинграде, делегат XVII съезда партии. В 1934 году он был назначен начальником политотдела Балтийского морского пароходства. А в конце 1937 года арестован за «участие в латвийском контрреволюционном националистическом заговоре и за шпионско-диверсионную деятельность в пользу Германии и Латвии» и приговорен к высшей мере наказания. 18 января 1938 года Вольдемара Абеля и еще 216 человек, «членов латвийской националистической организации», не стало.

Позднее в своей автобиографии Рудольф Иванович напишет: «В марте 1938 года уволен из органов НКВД в связи с арестом моего брата».

Настали тяжелые времена: в 38 лет — стрелок военизированной охраны, снова увольнение, затем мизерная пенсия. А дальше, как и у Вильяма Фишера, предложение вернуться в НКВД. 15 декабря 1941 года Рудольф Абель вновь встал в строй — и опять невидимый. Он попадает в 4-е управление НКВД под начало знаменитого генерала П. Судоплатова. Основной задачей 4-го управления была организация разведывательно-диверсионных операций в тылу немецких войск.

В аттестации на майора госбезопасности Р. Абеля, подписанной 16 марта 1945 года, много недосказанного, понятного лишь специалистам:

«Обладает одной из специальных отраслей агентурной оперативной работы...

Тов. Абель на практической работе успешно выполнял порученные ему ответственные задания...

С августа 1942 года по январь 1943 года находился на Кавказском

фронте в составе опергруппы по обороне Главного Кавказского хребта. В период Отечественной войны неоднократно выезжал на выполнение специальных заданий...

Выполнял спецзадания по подготовке и заброске нашей агентуры в тыл противника».

За успешное выполнение заданий Р.И. Абель был награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими боевыми медалями, нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

27 сентября 1946 года подполковник Абель был вновь уволен из органов госбезопасности, на этот раз — по возрасту.

Дружба с семейством Фишеров оставалась неизменной. В ноябре 1948 года Фишер выехал в командировку, которой суждено было продлиться 14 лет. Рудольф Иванович не дождался возвращения своего товарища. Скончался внезапно в 1955 году. Похоронили его на Немецком кладбище в Москве.

Ему так и не суждено было узнать, что арестованный Вильям Фишер выдал себя за Рудольфа Абеля. Что под его фамилией Вильям Генрихович морально выиграл процесс «Соединенные Штаты против Рудольфа Ивановича Абеля». Даже уйдя из жизни, сотрудник внешней разведки Рудольф Иванович Абель помогал и своему другу, и тому делу, которому отдал всего себя без остатка.

Глава 14. Король нелегалов

Имя этого легендарного разведчика стало известно еще при его жизни. Гитлеровское гестапо тщетно разыскивало нелегала вплоть до окончательного разгрома нацистского рейха. В Австрии и Германии он был известен под именем Александра Эрдберга, за которым скрывался выдающийся советский разведчик Александр Михайлович Коротков. Вся его жизнь и все помыслы были отданы служению Родине. Он принадлежал к тем немногим ее сотрудникам, кто прошел все ступени служебной карьеры и стал одним из руководителей разведки.

Родился Александр 22 ноября 1909 года в Москве. Незадолго до рождения Саши его мать Анна Павловна разошлась с мужем и уехала от него в Москву из Кульджи, где он в то время работал в Русско-Азиатском банке. Александр никогда не видел своего отца, с которым после развода мать порвала всякие связи. Ему было только известно, что Михаил Антонович Коротков до 1917 года продолжал работать в различных банках Российской империи, а после революции — в Госбанке СССР. По договоренности с мужем, Анна Павловна оставила при себе дочь Нину и новорожденного Сашу. Расставшись с женой, отец забрал в новую семью старшего сына Павла. Впрочем, Павел с отцом не жил, а воспитывался в семье его бездетной сестры, которая с мужем — профессором химического факультета Московского университета проживала неподалеку от семьи Александра. Братья сизмальства дружили и виделись почти ежедневно то в одном, то в другом доме. Мать Александра была образованной женщиной, окончившей гимназию. Она работала машинисткой в одной из московских редакций и на свой скромный заработок содержала дочь с малолетним ребенком, младшего сына и пожилую мать. В период Гражданской войны и после нее семья настолько бедствовала, что Анна Павловна вынуждена была на время отдать Александра в детдом.

Несмотря на трудности, Александру удалось получить среднее образование. Он интересовался электротехникой и мечтал поступить на физический факультет университета. Однако нужда заставила его сразу же после окончания средней школы в 1927 году начать помогать семье. Александр пошел работать, став учеником электромонтера. Одновременно он активно занимался спортом в московском обществе «Динамо», увлекаясь футболом и большим теннисом. Став весьма приличным теннисистом, Александр время от времени выполнял роль спарринг-

партнера для довольно известных чекистов на знаменитых динамовских кортах на Петровке. Именно здесь, на кортах, осенью 1928 года к Александру подошел помощник заместителя председателя ОГПУ Вениамин Герсон и предложил ему поступить на работу в органы государственной безопасности. Так Коротков стал электромехаником по лифтам хозяйственного отдела ОГПУ.

Через год на смышленного электромеханика обратило внимание чекистское руководство: он был принят на службу делопроизводителем в самый престижный отдел ОГПУ — Иностранный (так в ту пору называлась советская внешняя разведка), а уже в 1930 году назначен помощником оперативного уполномоченного этого отдела. Следует отметить, что Александр пользовался серьезным уважением в среде чекистской молодежи: его несколько раз избирали членом бюро, а затем и секретарем комсомольской организации ИНО.

За пару лет работы в Иностранном отделе Коротков полностью освоился со своими служебными обязанностями. Его способности, образованность, добросовестное отношение к работе нравились руководству отдела, которое приняло решение готовить Александра к нелегальной работе за рубежом.

Знаменитой ШОН — Школы особого назначения для обучения именно закордонных разведчиков еще не существовало. Сотрудников для направления за границу готовили в индивидуальном порядке, без отрыва от основной работы.

Главным, конечно, было серьезное изучение иностранных языков — немецкого и французского. Занятия велись по несколько часов кряду по завершении рабочего дня, а также в выходные и праздничные дни.

Немецкий Короткову преподавал бывший гамбургский докер, участник восстания 1923 года, коммунист-политэмигрант, работавший в Коминтерне.

Он рассказывал о традициях и обычаях немцев, нормах поведения на улице и в присутственных местах. Даже счел необходимым посвятить Александра во все тонкости так называемой «ненормативной лексики».

Таким же знатоком был и преподаватель французского. Этот привнес в процесс обучения новинку — грампластинки с записями популярных парижских певиц и шансонье. Он же научил Короткова, как подбирать галстук под цвет костюма и рубашки, как правильно его завязывать. Убедительно объяснил, почему приличный молодой человек просто обязан бриться и чистить ботинки каждый день и щадить брюки хотя бы раз в неделю.

Затем пошли дисциплины специальные: занятия по выявлению

наружного наблюдения и ухода от него, вождение автомобиля.

По окончании подготовки Александр Коротков получил назначение в нелегальную разведку и был направлен в свою первую зарубежную командировку. В 1933 году молодой разведчик командировается в Париж.

Путь Александра во французскую столицу лежал через Австрию. В Вене он сменил советский паспорт на австрийский, выписанный на имя словака Районецкого, а свое трехмесячное пребывание в австрийской столице использовал для углубленного изучения немецкого языка. В дальнейшем он так и не освоил классического немецкого произношения, так называемого «хохдойч», и всю жизнь разговаривал по-немецки как коренной венец. В Вене происходило вживание разведчика-нелегала в европейский образ жизни, что было не так-то просто для молодого человека, выросшего в послереволюционных московских дворах.

Используя австрийский паспорт, Александр под видом словацкого студента Районецкого выезжает в Париж и поступает в местный радиотехнический институт. Здесь Коротков, получивший оперативный псевдоним «Длинный», работает под руководством резидента НКВД Александра Орлова — аса советской разведки, профессионала высочайшего класса. Он занимается разработкой одного из молодых сотрудников знаменитого 2-го бюро французского Генерального штаба (военная разведка и контрразведка). По указанию Центра и резидента Орлова участвует в различных разведывательных операциях.

Из Парижа Коротков по заданию Центра выезжал с разведывательными миссиями в Швейцарию и нацистскую Германию, где работал с двумя ценными источниками советской внешней разведки. Однако вскоре в нелегальной резидентуре НКВД во Франции произошел провал. Французская контрразведка заинтересовалась контактами молодого иностранца в «кругах, близких к Генеральному штабу», и в 1935 году Александр был вынужден возвратиться в Москву.

Пребывание Короткова на Родине оказалось кратковременным, и уже в 1936 году его направляют на работу по линии научно-технической разведки в нелегальную резидентуру НКВД в Германии. Здесь он вместе с другими разведчиками активно работает над получением образцов вооружений германского вермахта. Эта его деятельность получает высокую оценку Центра.

В декабре 1937 года следует новое задание Центра. Коротков возвращается на нелегальную работу во Францию для выполнения ряда разведывательных заданий.

После аншлюса Австрии и «Мюнхенского сговора» Англии, Франции,

Италии и Германии, фактически отдавших в марте 1938 года Чехословакию на растерзание нацистской Германии, в Европе все острее ощущалась близость новой войны. Куда направит Гитлер свои танковые полчища: на Запад или Восток? Возможен ли сговор Англии и Франции с нацистской Германией на антисоветской основе? Каковы дальнейшие планы Запада в отношении СССР? Москва ждала ответа на эти вопросы. Перед резидентурой советской разведки в Париже ставится сложная задача вскрыть истинные намерения правящих кругов Запада, в том числе Франции и Германии, в отношении нашей страны.

Советским разведчикам удалось приобрести ценных источников информации в канцелярии президента Республики, в важнейших французских министерствах. Активно работали они и по линии научно-технической разведки. Во Франции Коротков, действовавший под оперативным псевдонимом «Степанов», работал до конца 1938 года. За успешное выполнение заданий Центра он был повышен в должности и награжден орденом Красного Знамени.

По возвращении в Москву разведчика ожидал неприятный сюрприз. 1 января 1939 года нарком внутренних дел Лаврентий Берия пригласил на совещание сотрудников внешней разведки.

Ветеран СВР генерал-лейтенант В.Г. Павлов, вспоминая это совещание, участником которого он являлся, позже писал:

«Вместо новогодних поздравлений Берия объявил, что все разведчики, возвратившиеся из-за кордона, были завербованы иностранными спецслужбами. Обращаясь к Александру Короткову, Берия сказал:

— Вы завербованы гестапо и поэтому увольняетесь из органов.

Коротков побледнел и стал доказывать, что никто не сможет его завербовать и что он как патриот Родины готов отдать за нее жизнь. Впрочем, такая же судьба постигла и других опытных разведчиков, которым было выражено политическое недоверие из-за того, что они были направлены за рубеж при Ежове.

Сейчас трудно сказать, чем было вызвано такое решение наркома в отношении Короткова. Возможно, негативную роль сыграло то, что на работу в разведку он был принят по рекомендации Вениамина Герсона, бывшего личным секретарем наркома госбезопасности Генриха Ягоды. Оба они были объявлены врагами народа и расстреляны. Не исключено, что другим поводом к увольнению разведчика могла стать его работа в первой командировке в Париже под руководством резидента НКВД Александра Орлова, который незадолго до этого руководил агентурной сетью НКВД в республиканской Испании. Перед угрозой расстрела он отказался

возвратиться в Москву и стал невозвращенцем, а в конце 1937 года перебрался на жительство в США. Вероятно, только полученная Коротковым высокая правительственная награда спасла его от репрессий.

Впрочем, Коротков не стал гадать о причинах своего отстранения от дел и пошел на беспрецедентный по тем временам шаг. Он пишет письмо на имя наркома Берии, в котором просит пересмотреть решение о своем увольнении. В письме он подробно излагает свои оперативные дела и подчеркивает, что не заслужил недоверия, которым обусловлено увольнение. Коротков прямо говорит о том, что не знает за собой проступков, могущих быть причиной «отнятия у него чести работать в органах».

В архивах Службы внешней разведки сохранился рапорт разведчика на имя Берии. В нем, в частности, говорится:

«Восьмого января 1939 года мне было объявлено о моем увольнении из органов. Так как в течение десятилетней работы в органах я старался все свои силы и знания отдавать на пользу нашей партии, не чувствую за собой какой-либо вины перед партией и не был чем-либо замаран, думаю, что не заслужил этого увольнения.

За границей я в общей сложности пробыл четыре года, из них два с половиной в подполье... Ехал за границу только из-за желания принести своей работой там пользу и думаю, что не один знающий меня человек может подтвердить, что я не барахольщик и что меня не прельщает заграницное житье...

Что касается моей жены, то несмотря на наличие у нее родственников за границей, на ее долгое проживание там, несмотря на компрометирующие материалы против ее отца, умершего в 1936 году, я полностью уверен в ее преданности партии и могу нести за нее любую ответственность...

Я отлично понимаю необходимость профилактических мер, но поскольку проводится индивидуальный подход, то выходит, что я заслужил такое недоверие, которое обуславливает мое увольнение из органов. В то же время я не знаю за собой проступков, могущих быть причиной отнятия у меня чести работать в органах. Очутиться в таком положении беспредельно тяжело и обидно.

Прошу Вас пересмотреть решение о моем увольнении.

Коротков. 9.01. 1939 г.».

Александра Короткова поддержали сотрудники внешней разведки, которые обратились в партком Главного управления государственной безопасности НКВД. Л. Берия вызвал к себе разведчика для беседы и подписал приказ о его восстановлении на работе.

Заместитель начальника 1-го отделения внешней разведки лейтенант госбезопасности (капитан — в Красной Армии) Коротков сразу же направляется в краткосрочные командировки в Норвегию и Данию. Ему было дано задание восстановить связь с рядом законсервированных источников, с которым Александр успешно справился.

В июле 1940 года Коротков направляется в командировку в Германию сроком на один месяц. Ему дается задание восстановить связь с рядом агентов, законсервированных в связи с разгромом предшественником Берии Ежовым берлинской резидентуры НКВД. Однако вместо месяца Коротков провел в Берлине подхода, а за несколько месяцев до начала войны с Германией был назначен заместителем резидента НКВД в Берлине Амаяка Кобулова, родного брата заместителя наркома госбезопасности Богдана Кобулова.

В середине декабря 1940 года из Центра на имя резидента НКВД в Берлине ушло письмо, в котором, в частности, о предстоящем приезде Короткова говорилось следующее:

«Основным его заданием на первое время, согласно указаниям тов. Павла (псевдоним Л. Берии для оперативной переписки) будет работа с «Корсиканцем» и детальная разработка всех его связей с целью новых вербовок среди них.

Одновременно Вам следует использовать его как Вашего основного помощника по всем организационным и оперативным внутренним делам резидентуры для активизации всей работы в Вашей конторе».

Выступая перед иностранцами под фамилией Эрдберг, разведчик восстановил связь с рядом агентов резидентуры, в том числе с двумя ее ценнейшими источниками — сотрудником разведотдела люфтваффе Харро Шульце-Бойзенем («Старшиной») и старшим правительственным советником имперского министерства экономики Арвидом Харнаком («Корсиканцем»).

Информатор внешней разведки «Старшина»

Харро Шульце-Бойзен родился 2 сентября 1909 года в городе Киле в семье морского офицера, капитана 2-го ранга, и был внучатым племянником и крестником адмирала фон Тирпица, создателя германского военно-морского флота в Первую мировую войну. Учился на юридическом факультете Берлинского университета. Состоял в «Ордене молодых немцев», а затем стал социалистом. Поселился в рабочем квартале Берлина и вскоре вступил в компартию Германии. В 1932 году начал издавать антифашистский журнал «Оппонент», что послужило причиной его ареста сразу же после запрета нацистами левых оппозиционных партий и

профсоюзов. Шульце-Бойзен был подвергнут допросу в гестапо, где один из его друзей, редактор журнала, умер под пытками. Однако ему удалось отделаться кратковременным заключением в концлагере. Вскоре он был освобожден благодаря заступничеству Германа Геринга, который был близким другом семьи. Заключение в концлагере не привело к «перевоспитанию» Шульце-Бойзена, но сделало его еще более непримиримым противником нацизма. С изданием оппозиционного журнала ему пришлось расстаться и сделать вид, будто он раскаялся. По рекомендации Геринга Шульце-Бойзен был зачислен в Школу транспортной авиации в Варнемюнде, которую закончил с отличием по специальности «летчик-наблюдатель».

По протекции того же Геринга Шульце-Бойзен был принят на службу в министерство авиации. Хорошее знание им иностранных языков (он владел английским, французским, голландским, датским, шведским и норвежским языками) позволило ему сделать карьеру в разведывательной службе люфтваффе, чему также способствовал Геринг. Будущий рейхсмаршал авиации даже присутствовал на свадьбе лейтенанта в 1936 году, когда он женился на Либертас Хаас-Хейе, внучке графа Ольденбурга унд Гертфельда, близкого друга кайзера Вильгельма II. Несмотря на свое аристократическое происхождение, Либертас придерживалась левых взглядов и ненавидела нацизм.

Либертас активно помогала мужу в создании подпольного антифашистского кружка в Берлине, видными членами которого были Гизелла фон Пелльниц и искусствовед Вальтер Кюхенмейстер, член компартии Германии. Среди связей Шульце-Бойзена были супруги Курт и Элизабет Шумахеры, активные участники антифашистского движения. В 1937 году Шульце-Бойзен и Гизелла фон Пелльниц получили сведения о том, что нацистские спецслужбы планируют инспирировать через свою агентуру восстание троцкистов в Барселоне. Они решили тайно передать эту информацию в советское посольство. Письмо на французском языке было опущено в почтовый ящик посольства, расположенного в центре Берлина на улице Унтер-ден-Линден.

Дежурный агент спецслужб броска письма не зафиксировал, однако видел, как Гизелла прошла мимо советского посольства, и установил ее личность. На допросе в полиции она отрицала факт броска письма, подтвердив, однако, что в тот день проходила мимо советского посольства, что само по себе не является криминалом. Учитывая аристократическое происхождение Гизеллы фон Пелльниц, а также отсутствие улик против нее, этот шаг антифашистки никаких последствий не имел и всплыл только

тогда, когда Гизелла была арестована гестапо в 1942 году по делу «Красной капеллы».

Арвид Харнак (оперативный псевдоним — «Корсиканец») установил контакт с Шульце-Бойзенем в 1935 году, однако их активное сотрудничество началось лишь в 1940 году под руководством Короткова. К тому времени «Старшина» (оперативный псевдоним Шульце-Бойзена) возглавлял группу антифашистов, состоявшую примерно из 20 человек, объединенных намерением свергнуть Гитлера. Руководство советской внешней разведки считало, однако, что в тех условиях эта цель являлась нереальной. Центр исходил из того, что работа «Старшины» по добыче интересующей Москву секретной информации может стать более эффективным и существенным вкладом в антифашистскую борьбу.

Для этого имелись веские причины. Членами кружка «Старшины» были лица, имевшие прямой доступ к военным секретам Третьего рейха. В частности, в кружок «Старшины» входили начальник разведки люфтваффе Гетц, офицер по связи из ведомства Геринга тайный коммунист майор Грегор, отвечавший за контакты с министерством иностранных дел, а также личный адъютант фельдмаршала фон Листа в звании капитан. Имя его в архивах разведки не сохранилось, известно только, что в оперативной переписке его называли псевдонимом «Швед».

Доктор философии Арвид Харнак

Арвид Харнак родился 24 мая 1901 года в городе Дармштадте в семье литературоведа Отто Харнака, предки которого вышли из Прибалтики. Являлся племянником известного теолога Адольфа фон Харнака. Когда Арвиду было 14 лет, его отец покончил с собой. Мать будущего антифашиста Клара Харнак, урожденная Райхау, была внучкой немецкого ученого-химика Юстуса Либига. Хороший художник-пейзажист, она была вынуждена оставить живопись и заняться воспитанием четверых детей.

В 1919 году Арвид Харнак успешно сдал экзамены на аттестат зрелости, а в 1920 году поступил в университет. До 1923 года он изучал правоведение в Йене и Граце. В 1924 году получил ученую степень доктора юриспруденции. Тема его научной работа звучала следующим образом: «Попытки внедрения принципов плановой экономики социал-демократами». Молодой ученый самостоятельно пришел к выводу о целесообразности плановой экономики для преодоления рыночного хаоса и повышения жизненного уровня населения. В том же году он поступил на работу в Архив мировой экономики и в Институт международной политики гамбургского университета.

Однако вскоре Харнак решил продолжить обучение за границей и в

1925 году поступил в Лондонскую школу экономики. В 1926–1928 годах, благодаря успехам в учебе, стал стипендиатом фонда Рокфеллера в университете города Мэдисон, штат Висконсин, где изучал проблемы американского профсоюзного движения и экономическую теорию. Здесь же в 1926 году он женился на магистре искусствования, американке немецкого происхождения Милдред Фиш, которая также придерживалась прокоммунистических взглядов.

В 1928 году Харнак вернулся в Германию и продолжил изучение экономики в Гиссенском университете у профессора Фридриха Ленца. В 1931 году защитил диссертацию «Домарксистское рабочее движение в Соединенных Штатах» и получил ученую степень доктора философии. С 1930 года супруга Харнака Милдред также проживала в Германии.

Широко образованный и зрелый человек, Арвид Харнак являлся в 1931–1933 годах исполнительным секретарем «Рабочего кружка по изучению проблем плановой экономики Советской России» (АРПЛАН). Председателем АРПЛАНа был избран профессор Фридрих Ленц, разделявший левую идеологию. После прихода к власти фашистов Ленц эмигрировал в США.

В августе 1932 года по инициативе Харнака была организована трехнедельная поездка по индустриальным центрам Советского Союза группы членов АРПЛАНа в составе 24-х видных немецких экономистов и инженеров с целью ознакомления с плановой экономикой нашей страны.

В то время Харнак еще не находился в поле зрения советской разведки, поэтому в Москве с ним никто не работал. В начале 1930-х годов он примкнул к Союзу работников умственного труда, созданного при участии и по инициативе компартии Германии с целью оказания влияния на круга немецкой интеллигенции. Вскоре Харнак вошел в руководящий комитет Союза. Эта общественная организация сохранилась и после прихода Гитлера к власти и послужила основой для объединения берлинских антифашистов.

Однако после прихода нацистов к власти в Германии положение самого Харнака несколько осложнилось. Нужно было думать о том, как зарабатывать на жизнь. Сменив несколько мест работы, в 1935 году он получил должность референта в имперском министерстве экономики, во главе которого стоял Ялмар Шахт. Этот министр, представший после войны перед судом Нюрнбергского трибунала, способствовал финансированию осуществленной Гитлером гигантской программы перевооружения, сохранив при этом полную секретность.

С 1935 года Арвид Харнак (оперативный псевдоним — «Корсиканец»)

стал вести разведывательную деятельность в пользу СССР. Следует отметить, что его жена Милдред полностью поддержала это решение. Убежденная в необходимости такой деятельности, она активно помогала мужу, взяв на себя составление политической, экономической и военной информации для передачи Советскому Союзу. Кстати, переехав в Германию, она стала работать в Американском женском клубе в Берлине и даже некоторое время являлась его президентом. А с лета 1941 года работала доцентом и переводчиком на факультете зарубежных стран Берлинского университета.

В министерстве экономики Харнак имел доступ к интересующим разведку материалам — торговым договорам Германии с другими странами, ее валютным операциям. Он передал советской разведке подлинники секретных соглашений и договоров Германии с некоторыми странами, в том числе — с США, которые финансировали программу перевооружения нацистской Германии.

Следуя рекомендациям резидентуры, Харнак стал тщательно скрывать свои политические взгляды и даже вступил в элитарные фашистские организации — «Союз нацистских юристов» и «Херренклуб» («Клуб господ» — фашистская организация, объединявшая в своих рядах промышленников), а в 1937 году — в НСДАП. Членство в национал-социалистической партии открыло ему дорогу к повышению по службе. Вскоре Харнак достиг определенных успехов в служебном росте, став правительственным советником, а позже — старшим правительственным советником.

В декабре 1938 года связь разведки с Харнаком была утрачена на полтора года. Из-за неразберихи, творившейся в Центре в связи с начавшимися репрессиями, привлечение Харнака к сотрудничеству с советской разведкой не было оформлено надлежащим образом. Правда, еще в 1935 году в Центре было заведено на него личное оперативное дело и ему был присвоен псевдоним «Балтиец». Когда 13 мая 1939 года начальником разведки был назначен Павел Фитин, сотрудники германского отделения, по его указанию, приступили к анализу агентурных дел берлинской «легальной» резидентуры. Дело «Балтийца» привлекло внимание Фитина, и он дал указание внимательно разобраться с источником. Однако в то время в Центре никто не знал, кто такой «Балтиец», каково его служебное положение и почему была прекращена работа с ним (неожиданно скончался его куратор в Берлине, а четверо сотрудников центрального аппарата разведки, знавшие о деятельности «Балтийца», были репрессированы).

И лишь в сентябре 1940 года связь с источником была восстановлена.

* * *

Информация, поступавшая от «Старшины» через «Корсиканца», была настолько важна, что 15 марта 1941 года Москва дала указание Короткову вступить в прямой контакт с источником. Уже 31 марта оперработник направил в Центр сообщение о том, что «Корсиканец» познакомил его со «Старшиной», и что последний прекрасно понимает, что имеет дело с советской разведкой. Он выразил готовность информировать разведчика обо всех известных ему фактах. Далее Коротков писал:

«Корсиканец» предостерегает нас о необходимости таким образом строить работу со «Старшиной», которого он характеризует как «пылкого декабриста», чтобы у него не возникло сомнения в том, что его партийная работа, которую он боготворит, превращается в простой шпионаж».

После того как Коротков установил прямой контакт со «Старшиной» и освободил «Корсиканца» от необходимости служить в качестве связного, работа обоих источников разведки стала более эффективной. Через «Старшину» Коротков установил контакт с писателем-антифашистом Адамом Кукхофом (оперативный псевдоним — «Старик»), Через двоюродного брата «Корсиканца» он установил связь с тайной оппозиционной социал-демократической организацией во главе с бывшим мэром Лейпцига Карлом Гердлером и Адольфом Гримме. Членом подпольного кружка этой организации являлся шеф берлинской полиции граф Вольф фон Гельдорф, собравший досье компромата на нацистское руководство.

Во второй командировке в Берлин Коротков находился вместе с женой, также разведчицей, Марией Вильковысской. Она вместе с родителями, сотрудниками советского торгпредства, с 1922 по 1931 год проживала в Германии и блестяще овладела немецким языком. Работать им пришлось в весьма тяжелых условиях, так как связь с ценными источниками информации была нарушена. А резидент Кобулов свято помнил наказ наркома о том, что Сталин войны с Германией не хочет, поэтому всякие слухи о ней следует считать провокацией.

Разведчик Коротков одним из первых понял ее неизбежность. Поскольку резидент Кобулов, к которому гестапо сумело подвести провокатора «Лицеиста», уверявшего, что Гитлер свято блюдет договор о ненападении, не хотел и слышать о скорой войне, Коротков в марте 1941

года обращается с личным письмом на имя Берии. Ссылаясь на информацию «Корсиканца», он пишет о подготовке немцами военного выступления против СССР весной этого года. Разведчик подробно аргументирует свои выводы, перечисляя военные приготовления Германии, и просит Центр перепроверить эту информацию через другие источники:

«Тов. Павлу — лично.

В процессе работы с «Корсиканцем» от него получен ряд данных, говорящих о подготовке немцами военного выступления против Сов. Союза на весну текущего года... Знакомый «Корсиканца» Х., имеющий связи в военных кругах, заявил ему, что подготовка удара против СССР стала очевидностью. Об этом свидетельствует расположение концентрированных на нашей границе немецких войск... Упомянутый источник недавно заявил, что выступление против Советского Союза является решенным вопросом.

Насколько мне известно, по линии военных соседей от одного их агента поступили сведения, которые чуть ли не буква в букву совпадают с данными «Корсиканца» о том, что немцы планируют выступить в мае против СССР и отторгнуть территорию западнее линии Ленинград — Одесса... Гитлер заявил, что скоро Сов. Союз может стать слишком сильным.

...В моих глазах «Корсиканец» заслуживает полного доверия и мне кажется, что данные о том, что немцы с полной серьезностью рассматривают вопрос о нападении в скором времени на Сов. Союз, полностью соответствуют действительности.

Ввиду того, что время не терпит, прошу дать указание о телеграфном сообщении Вашего решения».

Поскольку из Москвы не последовало никакой реакции, спустя месяц он инициирует письмо берлинской резидентуры в Центр с предложением немедленно приступить к подготовке надежных агентов к самостоятельной связи с Центром на случай войны. С согласия Москвы Коротков передает радиоаппаратуру группе немецких антифашистов в Берлине, возглавляемой доктором Ар-видом Харнаком и Харо Шульце-Бойзенем.

Первая пробная радиопередача «Корсиканца» была получена в Москве незадолго до нацистского нашествия и подтверждала близость войны. В дальнейшем, вплоть до ареста в августе 1942 года, он регулярно направлял в Центр телеграммы, которые, однако, не достигали цели, поскольку приемный центр в районе Минска прервал работу через неделю после начала войны и был перебазирован в Казань.

17 июня в Москву поступила телеграмма, составленная Коротковым на

основе информации, полученной от «Старшины» и «Корсиканца». В подготовленном затем спецсообщении для Сталина говорилось:

«Все военные приготовления Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удара можно ожидать в любое время».

В тот же день нарком госбезопасности В.Н. Меркулов и начальник внешней разведки П.М. Фитин были приняты И.В. Сталиным, которому они доложили спецсообщение из Берлина. Сталин поинтересовался, от кого получена информация и насколько можно доверять источникам. Нарком молчал: ему было известно мнение кремлевского хозяина о том, что войну удастся предотвратить. П.М. Фитин ответил, что «Старшине» и «Корсиканцу» можно вполне доверять. На это замечание Сталин запальчиво возразил, что в Германии можно верить только одному человеку — Вильгельму Пику, — и приказал тщательно перепроверить всю поступающую из Берлина информацию о близящемся нападении Германии на СССР.

За три дня до нападения Германии на СССР работник резидентуры внешней разведки в Берлине Борис Журавлев встретился с другим ценным агентом, сотрудником гестапо Вилли Леманом, более известным под псевдонимом «Брайтенбах». Он являлся начальником отдела гестапо по борьбе с коммунистической угрозой. Именно от него поступала важнейшая контрразведывательная информация, позволявшая избегать провалов в работе. В свое время «Брайтенбах» также передал информацию о работе немецких инженеров над ракетным оружием, получившим впоследствии название «Фау-1». На этой встрече взволнованный агент, ненавидевший нацизм и сознательно пошедший на сотрудничество с советской разведкой, сообщил, что война начнется через три дня. Журавлев впоследствии вспоминал, что он не помнил, как добрался до посольства, настолько он был оглушен этой новостью. Резидент «Захар» (Л. Кобулов), которому была доложена эта информация, совершенно потерял голову от страха. Вопреки тому, что он писал в Центр, война стучится в дверь, и Сталин не простит ему дезинформации. Он беспомощно повторял: «Я так и знал, что этот подлец Гитлер всех обманет». В Москву ушла срочная телеграмма, ответа на которую так и не последовало: началась война.

Войну Коротков встретил в логове нацистского зверя, в Берлине. Подвергаясь серьезной опасности, он сумел выйти из советского посольства, заблокированного гестапо, и дважды — 22 и 24 июня — конспиративно встретиться с «Корсиканцем» и «Старшиной», передать им уточненные инструкции по использованию радиошифров, деньги на

ведение антифашистской борьбы и высказать рекомендации относительно развертывания активного сопротивления нацистскому режиму.

Прибыв в Москву в июле 1941 года транзитом через Болгарию и Турцию с эшелоном советских дипломатов и специалистов из Германии, Финляндии и других стран, оккупированных нацистами, Коротков был назначен начальником германского отдела внешней разведки, который занимался ведением разведки не только в самой Германии, но и в оккупированных ею европейских странах. При непосредственном участии Короткова была создана специальная разведывательная школа для заброски в глубокий германский тыл нелегальных разведчиков. Возглавляя отдел, он одновременно был и одним из преподавателей этой школы, обучавших курсантов разведывательному мастерству. Во время войны Л.М. Коротков неоднократно вылетал на фронт. Там, переодевшись в немецкую форму, он под видом военнопленного вступал в камерах заключения в разговоры с пленными офицерами вермахта. В ходе этих бесед ему нередко удавалось получать важную информацию.

В ноябре — декабре 1943 года полковник Коротков выезжал в составе советской делегации в Тегеран, где проходила встреча «Большой тройки» — Сталина, Рузвельта и Черчилля. Поскольку от советской разведки была получена достоверная информация о готовящемся гестапо покушении на участников встречи, подтвержденная разведкой Великобритании, Коротков, находившийся в иранской столице инкогнито, занимался обеспечением безопасности лидеров антифашистской коалиции.

В том же году он дважды побывал в Афганистане, где советская и английская разведки ликвидировали нацистскую агентуру, готовившую профашистский переворот и втягивание этой страны в войну против СССР. В годы войны Коротков несколько раз вылетал в Югославию для передачи маршалу И. Броз Тито посланий советского руководства. Ему приходилось также неоднократно отправляться за линию фронта или в прифронтовую полосу, чтобы на месте разобраться в сложной обстановке и оказать практическую помощь разведывательным группам, заброшенным в тыл врага.

В конце войны, когда разгром Третьего рейха стал очевидным, Короткова вызвал к себе заместитель наркома госбезопасности И.А. Серов и поручил ему важное задание. Он сказал Александру Михайловичу:

«Отправляйся в Берлин, где тебе предстоит возглавить группу по обеспечению безопасности немецкой делегации, которая прибудет в Карлсхорст для подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Если ее глава фельдмаршал Кейтель выкинет какой-либо номер или

откажется поставить свою подпись, ответишь головой. Во время контактов с ним постарайся прощупать его настроения и не пропустить мимо ушей важные сведения, которые, возможно, он обронит».

Коротков успешно справился с заданием. На знаменитой фотографии, запечатлевшей момент подписания нацистским фельдмаршалом акта о безоговорочной капитуляции Германии, он стоит за спиной Кейтеля. Полковник Коротков столь плотно работал с Кейтелем, что последний в мемуарах, написанных в тюрьме Шпандау в ожидании приговора Нюрнбергского трибунала, отметил: «К моему сопровождению был придан русский офицер; мне сказали, что он обер-квартирмейстер маршала Жукова. Он ехал в машине со мной, за ним следовали остальные машины сопровождения». Как известно, со времен Петра I генерал-квартирмейстер русской армии возглавлял ее разведывательную службу.

Сразу же после войны Коротков был назначен резидентом внешней разведки во всей Германии, разделенной на четыре оккупационных зоны. В Карлсхорсте, где размещалась резидентура, он занимал официальную должность заместителя советника Советской военной администрации. Центр поставил перед ним задачу выяснить судьбу довоенных агентов советской разведки, а с теми, кто уцелел в военном лихолетье, возобновить работу. Разведчикам, возглавляемым Коротковым, удалось выяснить трагическую судьбу «Старшины», «Корсиканца», «Брайтенбаха», погибших в застенках гестапо, а также встретиться с сумевшим выжить военным атташе Германии в Шанхае «Другом», предупредившем Москву о сроках нападения Гитлера, и многими другими источниками резидентуры. Советская разведка восстановила также контакт с агентом в ближайшем окружении фельдмаршала Листа, который всю войну ожидал связи с курьером НКВД...

В 1946 году Александр Михайлович был отозван в Центр, где стал заместителем начальника внешней разведки и одновременно возглавил ее нелегальное управление. Он имел непосредственное отношение к направлению в США нелегального резидента «Марка» (Вильяма Фишера), известного широкой публике под именем Рудольфа Абея.

В мае — июле 1953 года Коротков исполнял обязанности начальника внешней разведки, однако затем вновь стал заместителем и продолжал руководить нелегальной разведкой.

Лично знавшие Александра Михайловича ветераны разведки вспоминают, что ему было свойственно нестандартное оперативное мышление и желание избегать привычных штампов в работе. Так, общаясь по долгу службы в основном с начальниками отделов и управлений и их

заместителями, Коротков одновременно продолжал дружить и с рядовыми сотрудниками разведки. Вместе с ними он выезжал на рыбалку, за грибами, семьями ходили в театр. Александра Михайловича всегда интересовало мнение рядовых сотрудников разведки о мерах руководства по совершенствованию ее деятельности. Причем это были именно дружеские отношения, лишённые подобострастия и лести. Коротков не кичился своим генеральским званием, был прост и одновременно требователен в общении с подчиненными.

Вспоминая о своей первой встрече с Александром Михайловичем, замечательная разведчица-нелегал Галина Федорова писала:

«С необыкновенным волнением вошла я в кабинет начальника нелегальной разведки. Из-за большого стола в глубине кабинета энергично поднялся высокий широкоплечий мужчина средних лет и с приветливой улыбкой направился мне навстречу. Обратила внимание на его мужественное, волевое лицо, сильный подбородок, волнистые каштановые волосы. Одет он был в темный костюм безупречного покроя. Пронизывающий взгляд серо-голубых глаз устремлен на меня. Говорил низким, приятным голосом, с доброжелательностью и знанием дела.

Беседа была обстоятельной и очень дружелюбной. На меня произвели большое впечатление его простота в общении, располагающая к откровенности манера вести беседу, юмор. И, как мне показалось, когда бы он захотел, мог расположить к себе любого собеседника».

В 1957 году генерал Коротков получил назначение на должность уполномоченного КГБ СССР при министерстве госбезопасности ГДР по координации и связи. Ему было доверено руководство самым большим представительским аппаратом КГБ за рубежом. Александру Михайловичу удалось установить доверительные отношения с руководством МГБ ГДР, в том числе с Эрихом Мильке и Маркусом Вольфом, с которым он познакомился во время войны в Москве. Он способствовал тому, что разведка ГДР стала одной из самых сильных в мире. Аппарат представительства КГБ традиционно размещался в Карлсхорсте. Западногерманская контрразведка, воспользовавшись закупкой мебели для представительства, пыталась внедрить подслушивающую технику в кабинет Короткова, закамуфлировав ее в люстру. Эта попытка была вовремя пресечена благодаря высокопоставленному источнику советской разведки Хайнцу Фёльфе, занимавшему один из руководящих постов в самой западногерманской контрразведке. В дальнейшем эта закладка использовалась представительством КГБ для дезинформации спецслужб противника.

Можно с уверенностью сказать, что для советской внешней разведки Хайнц Фёльфе в ФРГ значил то же самое, что и знаменитый разведчик Ким Филби в Англии. Благодаря Фёльфе на протяжении длительного периода все секреты возглавляемой Рейнхардом Гсленом западногерманской разведки становились известны Лубянке.

Генерал Коротков неоднократно встречался с Фёльфе и проводил его инструктажи. Первая их встреча состоялась в Австрии летом 1957 года и проходила в загородном ресторанчике под Веной на территории, отведенной для любителей пикника. Беседа разведчиков продолжалась практически весь световой день. А.М. Коротков подробно расспрашивал агента о внутривнутриполитическом положении в Западной Германии, расстановке сил внутри правительства и политических партий страны, влиянии американцев на принятие политических решений, ремилитаризации ФРГ. В своей книге «Мемуары разведчика», вышедшей в 1985 году, Х. Фёльфе, вспоминая А.М. Короткова, писал:

«Я хорошо помню генерала Короткова. Во время наших встреч в Берлине или Вене мы часто вели с ним продолжительные диспуты о внутривнутриполитической обстановке в ФРГ. Его отличный немецкий язык, окрашенный венским диалектом, его элегантная внешность и манеры сразу же вызвали у меня симпатию. Он хорошо ориентировался в различных политических течениях в Федеративной республике. Не раз мы с гам горячо спорили, когда он выражал свои опасения по поводу возникновения и распространения праворадикальных группировок в ФРГ. Тогда я не разделял его мнения. Очень жаль, что сейчас я уже не могу сказать ему, насколько он был прав».

В июне 1961 года, за два с половиной месяца до сооружения Берлинской стены, А.М. Коротков был вызван на совещание в ЦК КПСС в Москву. Накануне совещания состоялась его предварительная беседа с тогдашним Председателем КГБ А.Н. Шелепиным. Бывший комсомольский вожак в беседе с разведчиком не согласился с его оценкой происходящих в Германии событий и пригрозил уволить его из разведки после завершения совещания в ЦК КПСС. Отправляясь на следующий день на Старую площадь, Коротков сказал жене, что, возможно, вернется домой без погон или вовсе не придет, поскольку Шелепин настроен решительно и не терпит возражений.

Против его ожиданий, совещание согласилось с оценками разведчика ситуации в Германии. Шелепин, видя, что позиция Короткова совпадает с мнением большинства, от выступления отказался.

Желая снять нервный стресс, Коротков прошелся пешком по улицам

города, а затем поехал на стадион «Динамо» поиграть в теннис. На корте, нагнувшись за мячом, он почувствовал острую боль в сердце и упал без сознания. Срочно вызванный врач констатировал смерть от разрыва сердца. Замечательному разведчику было тогда немногим более 51-го года.

За большие заслуги в деле обеспечения государственной безопасности генерал-майор Коротков был награжден орденом Ленина, шестью (!) орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности». Его труд был отмечен высокими наградами ряда зарубежных государств.

Похоронен выдающийся советский разведчик на Новодевичьем кладбище в Москве.

---

notes

Примечания

Текст оригинала сохранен. — *Прим. Авт.*

Улица в центральной части Лондона, где расположены важнейшие министерства. В переносном смысле — правительство Великобритании. — *Прим. Авт.*

Оперативный псевдоним начальника внешней разведки А.Х. Артузова. — *Прим. Авт.*

Скандальная фальсификация — письмо от сентября 1924 года, якобы направленное тогдашним председателем Исполкома Коминтерна Зиновьевым в адрес ЦК Компартии Великобритании с установками о «провозглашении курса на вооруженную борьбу с британской буржуазией». — *Прим. Авт.*

Такой поступок представляется неразумным. Ведь через некоторое время шифры будут заменены на новые, а источник уже потерян. — *Прим. Авт.)*

Немногим более 40 тысяч долларов по современному курсу. — *Прим. Авт.*

Псевдоним Седова, который использовался резидентурой в оперативной переписке с Центром. — *Прим. Авт.*

Таким стал оперативный псевдоним Козна. — *Прим. Авт.*

В дальнейшем — видный советский разведчик Семен Маркович Семенов. — *Прим. Авт.*

Участница женского движения за предоставление женщинам одинаковых с мужчинами избирательных прав, которое называется суфражизм. — *Прим. Авт.*